

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»

Г. И. Исенбаева

**МЕТОДОЛОГИЯ ПОРОЖДЕНИЯ ВТОРИЧНОГО
ТЕКСТА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Монография

Орск 2009

УДК 482
ББК 81.2 Рус
И85

Научный редактор

Ерофеева Н. Е., доктор филологических наук, профессор ОГТИ

Рецензенты:

Моисеева И. Ю., доктор филологических наук, доцент кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка Оренбургского государственного университета;

Попова Н. Б., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и романского языкознания Челябинского государственного университета

И85 Исенбаева, Г. И. Методология порождения вторичного текста: когнитивный аспект: монография / Г. И. Исенбаева. – Орск: Издательство ОГТИ, 2009. – 191 с. – ISBN 978-5-8424-0430-8.

Монография посвящена исследованию лингвокогнитивной методологии порождения «чистых» форм знания в процессе рационалистического понимания текста и его объективации в виде «чистого» же, творческого синтетического вторичного текста. Разработана такая трактовка «чистого» знания, механизм порождения и язык представления которого обуславливается закономерностями осуществления субъектом познавательного отражения, нашедшими разработку в отечественной теории научного познания и в междисциплинарном знании. Новизна работы заключается в выявлении модели лингвокогнитивной технологии понимания как задачной деятельности – со строго учтенными гносеологическими, онтологическими, речевыми продуктами и результатами. Вторичный текст представлен средством объективации, знаковой (языковой) формой, репрезентирующей упорядоченный результат системной деятельности понимания по типу «восхождения-нисхождения». Издание адресовано специалистам в области лингвистики и философии языка, теории языка, лингвистического анализа текста, прикладной лингвистики, преподавателям-словесникам, аспирантам и студентам-лингвистам.

ISBN 978-5-8424-0430-8

© Исенбаева Г. И., 2009

© Издательство ОГТИ, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
1. Организация методологического подхода к решению проблемы понимания-порождения-представления знания	18
1.1. О понятии методологии в научном знании	19
1.2. Текст в аспекте понимания и порождения	30
1.3. Понимание как системный объект	32
1.4. Когнитивный аспект изучения проблемы порождения вторичного текста в междисциплинарном знании	39
2. Диалектико-когнитивные и лингвистические условия порождения вторичного текста	43
2.1. Анализ научных данных о состоянии проблемы порождения вторичного текста в междисциплинарном знании	62
2.2. Конструктивы методологического и междисциплинарного знания о понимании первичного текста и порождении вторичного текста	83
2.2.1. <i>Модель деятельности понимания по методу восхождения</i>	92
2.2.2. <i>Теоретико-множественная конструкция как инструмент лингвокогнитивного понимания</i>	94
2.2.2.1. <i>Алфавит</i>	94
2.2.2.2. <i>Синтаксис</i>	96
2.2.2.3. <i>Семантика</i>	97
2.2.2.4. <i>Прагматика</i>	100
2.2.2.5. <i>Некоторые правила образования строчек символов</i>	100
3. Когнитивный инструментарий понимания по задачному типу	105
3.1. Модель теоретико-множественного обоснования языка в действии	106
3.2. Эвристика понимания с использованием системы «восхождение – нисхождение» на подготовительном и чувственном этапах познания	109
3.3. Эвристика понимания с использованием системы «восхождение – нисхождение» на уровнях этапа рационального познания	132
Заключение	150
Библиографический список	171
Список литературно-художественных источников	190

*Светлой памяти моего мужа и друга Эли
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография складывалась в течение ряда лет и в ней нашли отражение результаты исследования основ, логической структуры и методологии (инструментария) порождения вторичного текста (ВТ).

Традиционно к ВТ относят такие виды текста, как перевод, пересказ, сделанный близко к тексту, и пересказ своими словами, тексты-примитивы, изложение, сочинение, отзыв, реферат, реферативный перевод и т. д.

Это тексты, предназначенные для наиболее адекватной передачи требуемого смысла исходного текста. Производство таких текстов не основывается на понимании как деятельности по типу научного познания, оно не предусматривает предварительное порождение и обобщение продуктов чувственного и рационального этапов познавательного отражения, включение новых, произведенных в процессе понимания элементов знания. То есть это тексты, имеющие преимущественно репродуктивный характер.

В предлагаемой работе это имя присваивается форме (языку) представления, произведенного в процессе рационалистического понимания, сконструированного, нового, «чистого» знания. Он порождается, выводит «наружу», репрезентирует, объективирует, вербализует идеальные сущности, полученные в качестве продукта речемыслительной деятельности когнитивного субъекта по пониманию исходного текста, осуществляемому по типу научного познания. Такое интегративное представление единой синтезированной картины языка, мышления и лингвистической деятельности субъекта является наименее разработанным в науке о языке. Автор предлагает междисциплинарный и кооперированный деятельностный способ решения лингвистической проблематики понимания и порождения ВТ с позиций когнитивной науки в рамках семиотического системного и инже-

нерно-психологического проектирования. Подобная направленность работы делает ее актуальной – исследование осуществлено не ради самой теории, не только для того, чтобы пополнить багаж науки единой теорией лингвистического знания, познания и деятельности, но оно может способствовать построению единой практики научного познания в рамках гуманитарных и естественных наук.

Цель предисловия – интегрировать данную часть работы, посвященную пониманию-порождению-представлению знания на эмпирическом уровне научного познания с предыдущим монографическим исследованием, в котором нашла решение задача построения и объективизации теоретического знания [68]. В нем в качестве основы теоретического познания выступили теоретические термины, смыслом которых явились теоретические идеальные объекты. Как в предыдущем, так и в настоящем исследовании сущность методологической концепции порождения ВТ, представляемой автором, сформулирована на основании одного способа соотнесения мыслей. Этот способ обнаруживается путем преломления общенаучного закона восхождения от абстрактного к конкретному применительно к пониманию как лингвистическому научному познанию. Названная концепция порождения ВТ обнаруживает себя в теории строения и развития научного знания о понимании как научном исследовании, условиях его осуществления, обеспечивает создание продукции в виде технологии порождения смыслового объекта в множестве его форм и развитие отражающей его теории (его вербального представления, вторичного текста) как результат интеллектуального познания. Теория возникла в меру развития оснований – приемов познания, составляющих ее гносеологию, методологию, технологию. Построение отражающей объект теории началось с выявления исходной формы объекта. Исходные (чистые, простые) формы объекта называют «клеточкой». Нахождение самой простой из рассматриваемых форм объекта представляет первую часть мышления об объекте, и на основе «исходного» знания нами и были построены модели и теория языка-объекта. Исходной «клеточкой» теоретического знания, сконструированного в предыдущем исследовании, явился образ научного поня-

тия, осмысление которого позволило нам поднять единичное до уровня общего и тем самым использовать его в развитии содержания знания о «целом» объекте «язык».

Как известно, теоретический и эмпирический уровни научного познания диалектически взаимосвязаны, граница между ними условна, они различаются лишь как два аспекта в развитии научного знания. В то же время теоретический уровень познания не сводится к накоплению и систематизации эмпирических фактов, а представляет собой качественно новую ступень научного знания. Связь теоретического уровня с эмпирическим при построении теории понимания-порождения-представления знания не сводится к прямому обобщению, к извлечению новой информации из эмпирического исследования. В разрабатываемой концепции теоретический уровень познания получил относительную самостоятельность. Это выразилось в том, что новые теоретические построения лингвистического знания получены в результате решения чисто теоретических проблем, связанных с коренными противоречиями в трактовке ряда свойств языка, не связанных непосредственно с данными опыта. В нашем случае новое научное обобщение знания о языке явилось способом разрешения конфликта между имеющейся в междисциплинарном пространстве реальной практикой освоения действительности (в присущей науке специфической форме) и прежними теоретическими формами ее осмысления. Нами создана новая лингвистическая познавательная ситуация в проблематике рационалистического понимания, неразрешимая с прежних (несистемных) позиций, потребовавшая новой, системной аксиоматики, нового понятийного аппарата.

На данном этапе исследования мы распространяем разрабатываемую теорию понимания на более широкий круг явлений – порождения-представления знания в формате ситуации (совокупности ситуаций). На теоретической стадии науки теория не просто подтверждается или опровергается опытом. Опыт выступает стимулом, условием совершенствования теории, ее конкретизации, развития. Опытные данные становятся фактами науки, способными подтвердить или опровергнуть теорию, лишь постольку, поскольку осуществляется их

теоретическое истолкование. Теоретическая система становится знанием о реальности только тогда, когда она получает эмпирическую интерпретацию. Эмпирическое исследование на теоретической стадии науки представляет собой ту же теоретическую науку, только взятую в функции ее применения. При таком подходе теоретическая наука не тождественна теоретическому исследованию, она представляет собой связь теоретического и эмпирического исследования.

Концепция понимания и вербализации понятого, развиваемая в данной монографии, обогащается опытом процедурального оснащения и объяснения факторов развития перцептивного и интеллектуального образа ситуации в ее частичности и целостности, то есть эмпирических объектов в процессе целенаправленного понимания художественного текста.

В психолингвистических исследованиях установлено, что изучение процессов понимания текста без непосредственной связи с феноменом мысленного образа ситуации, без опоры на этот образ носит неполный, иногда ущербный характер. Опора на мысленный образ ситуации, обеспечивающая понимание художественного текста, является универсальной психической стратегией [148, с. 116, 174]. Под образом ситуации, или образом содержания текста, мы, вслед за А. А. Леонтьевым, понимаем образ стоящей за текстом действительности. Образ содержания текста – это не некоторый итог или конечный результат понимания. Это сам процесс понимания, взятый с его содержательной стороны. Приведение текста к некоторому иному виду – лишь частный случай формирования образа содержания. Восприятие текста подчиняется общим закономерностям восприятия, и образ содержания текста есть тоже предметный образ. Его предметность – особого рода, но принцип остается неизменным: мы оперируем с самого начала с тем, что стоит за текстом [89, с. 142].

В логике элементарной клеткой знания также считается мысль, структура которой отражает знание о вещи с приписанным свойством или установленным отношением [112, с. 42-48, 42, с. 284], и это представление соотносится с лингвистическим и психологическим понятием пропозиции или пропозициональной функции. Это понятие

позволяет создать единую содержательную линию рационалистической обработки текста – модель цели и модель планируемого результата. В работе она получает следующее вербальное и схематичное представление.

Модель цели: выявить целостный системный объект – семантическую ситуацию (совокупность ситуаций), стоящую за языковым знаком-предложением (или текстом) через посредство частичных семантических компонентов – объектов, их свойств, связей и отношений. → Модель искомого результата: структура произведенного деятельностью субъекта знания как своеобразная предметная область, получающая конфигурацию семантической ситуации (СемС) или совокупности семантических компонентов или ситуаций ($\sum$ СемС).

Схематично эту линию можно изобразить так: цель – подцели – оперативные образы (репрезентации) – завершенный целостный образ (комплекс репрезентаций, проекция текста или знание).

В современной литературе существует два направления, кардинально отличающиеся друг от друга в постановке и решении проблемы ментальной репрезентации: унимодальной или полимодальной.

В нашем исследовании мы опираемся на психологическое знание о возможности множественной репрезентации, о параллельных способах кодирования информации, о сути попризнаковой репрезентации. Это также сведения о том, что ментальная репрезентация определяется через набор признаков, что категоризация тестового объекта детерминирована общим суммарным сходством этого объекта с той или иной категорией, о необходимости подключения ее динамического формата и т. д. [124, с. 5-54]. Упорядочение процесса опознания, категоризации, образования системы суждений – существования, атрибутивных, реляционных и соответствующих высказываний о результатах понимания как контролируемой системной деятельностью восхождения получило закономерную трехаспектную структуру, что также находит психологическое объяснение. Оно состоит в том, что первый этап микрогенеза образа соответствует выделению самой общей информации о существовании какого-то объекта, позднее выделяются сведения об индивидуальности данного предме-

та, осознается его динамический аспект [148, с. 94]. Таким образом, лингвист-когнитолог получает возможность постановки и осмысления целого ряда сложным образом организованного комплекса полисистемных задач в рамках основного гносеологического отношения.

Его организация требует умственного построения сложной вертикально-горизонтальной структуры познания (понимания), имеющей циклический итеративный характер и обусловленной необходимостью решения (термин Г. П. Щедровицкого [156, с. 451-452]) последовательностей задач различного типа: стратегических и тактических, эпистемологических и прагматических, логических и онтологических, категоризации и опознания и др.

Ученые сходятся в мнении о том, что такое сложное явление как понимание должно изучаться с различных точек зрения, в терминах нескольких качественно различающихся языков, то есть с метапозиции. Однако общенаучные условия организации деятельности понимания по типу «восхождения», способного обеспечить «заданность», конкретность процедур анализа, предполагающим выработку строго определенных гипотез, еще не нашли своей детальной разработки. Чаще имеет место применение метода гипотез к данным текста, то есть с помощью лингвистики в таком случае не создается реальных знаний о познавательном акте. Достаточно объективные методы его исследования еще не сложились, поэтому о процессе понимания, равно как и о процессе порождения-представления знания, принято говорить гипотетически, моделирование деятельности по пониманию пока выносятся за рамки лингвистики. Тем более не нашли лингвистического описания фундаментальные условия его практического исполнения с когнитивной точки зрения и в методологическом плане, процедурно. Описать процедурно – это значит определить через знания, растворенные в действиях и управляющих лингвистическими данными, какими действиями следует снабдить индивида для того, чтобы он смог произвести и вербализовать знание в определенном, системном формате в его частичности и целостности. Наибольшие трудности в этом плане представляет выделение операций и значимостей на этапе построения чувственного образа, поскольку субъект

должен найти способы обработки воображаемой информации, похожие на те, которыми он обрабатывает перцептивную информацию. Чувственные образы являются первичными, связанными с физическими признаками предметного аспекта ситуации, с опорой на которые актуализируются единицы умственного аспекта, являющиеся единицами выводных знаний [123]. Для того чтобы знак мог функционировать, он должен опираться на выражаемый им образ. В этом смысле образ является необходимым условием реализации функций знаков как средства репрезентации и коммуникации, а рационалистическое понимание, которое обеспечивает производство осознаваемых идеальных образований, призывающих номинативную составляющую интерпретации, – необходимым условием, способным запустить системный механизм функционального процесса осознаваемого семиозиса. Таким образом, вопрос о том, что представляет собой десигнат знака в каждой конкретной ситуации, изображенной, например, предложением, есть вопрос о том, какие признаки объекта или ситуации фактически учитываются в силу наличия самого только знакового средства. Согласно достигнутым в науке представлениям, эти условия должны обеспечивать в процессе понимания выделение значимых признаков из значений аналогично процессу восприятия чрезвычайно сложного мира сенсорной информации. Они должны служить формированию из этих признаков абстракций, преобразованию абстракций в более высокие ассоциативные структуры, разработке развитых когнитивных планов и схем при сохранении в то же самое время этих внутренних операций в соответствии с внешней реальностью.

Руководящей идеей предлагаемой в монографии концепции, общим с точными науками инструментом решения методологической лингвистической проблемы понимания-порождения-представления знания является гносеология, гносеологические аспекты рациональности. Исследование представляет собой первый конкретный шаг, способный помочь последовательному лингвистическому описанию крупной системы – системы языковой и мыслительной деятельности на основании одного способа соотнесения мыслей или технологии

интеллектуального труда. Как было отмечено выше, этот способ проистекает из гносеологического закона восхождения от абстрактного к конкретному, и он позволяет выявить отчетливую, допускающую расчленение структуру понимания и его логический статус системного объекта. Тем самым лингвокогнитивные операции понимания и объяснения методом восхождения обретают свое место в языковедческих дисциплинах подобно тому, как это имеет место в естественных дисциплинах, и входят в ядро используемых ими способов обоснования и систематизации знания. Принятие гносеологического фактора в качестве определяющего содержание и структуру деятельности понимания, подход к нему с системно-семиотических позиций, анализ деятельности языка в целом, включая лексические и грамматические значения (данные) позволяют подвести его под логическую структуру сильного понимания, выделяемую в философии науки [57, с. 421]. Предпринятое исследование единого процесса понимания-порождения-представления знания в рамках основного закона научного познания позволяет сформулировать его следующим образом:

Всякое научное познание должно быть восхождением.

Всякое осознанное понимание есть научное познание.

Значит, всякое осознанное понимание должно быть восхождением.

«Чистые» формы знания предполагают полученные результаты идеализации познания форм теоретического и эмпирического объектов. По Гегелю, истинное можно познать различными способами, и эти различные способы познания мы должны рассматривать только как формы. Мыслитель говорит, что мы можем несомненно познать истину посредством опыта, но этот опыт есть лишь форма. В опыте имеет большое значение, какой ум приступит к изучению действительности. Можно познавать истину также в рефлексии и определять истину посредством отношений рефлектирующей мысли. Однако в этих двух способах познания истины еще нет истины в себе и для себя в ее настоящей форме. Наиболее совершенным способом познания является познание в чистой форме мышления. Человек действует здесь совершенно свободно. Что форма мышления есть абсолютная

форма и что истина выступает в ней таковой, какова она есть в себе и для себя, – в этом состоит вообще основное положение философии [32, с. 58]. Развивающееся познание материализуется в речи, точнее, в специализированном дискурсе, посредством которого объективируются и сохраняются в языковой форме непрерывно производимые в циклах познания структуры знания, образующие концептуальные системы определенного формата. Поэтому языковое отражение целенаправленного познавательного процесса и его результата с позиции его логических, объективных характеристик очень важно при исследовании языковых явлений [18; 53].

Исходя из вышесказанного, целью данной работы является исследование возможности применения модели понимания-порождения-представления знания методом «восхождения» к простому предложению, репрезентирующему семантически автономную ситуацию (СемС) в качестве единицы для изучения процессов смыслопорождения и вербализации, и выявление эвристического потенциала представления целостного смыслового содержания текста (Σ СемС). Иными словами, можно ли строить модели семантического пространства текста (его проекцию) и его вербализации с помощью инструментария, разработанного для конструирования и представления смысла простого предложения как одной пространственно-временной ситуации? При таком подходе к предложению целью лингвистического анализа становится выявление, необходимая фиксация и детальное обоснование структур знания, стоящих буквально за каждой языковой единицей, категорией, формой и образующих образ ситуации – исходной информационной единицы, элементарной клетки знания, его типовой конфигурации, производимой в ходе осуществления задачной деятельности.

Положительным ответом на поставленный вопрос будет признание следующих воззрений на природу ВТ:

1) ВТ в системе рационалистического понимания текста является собой логический язык, язык представления знаний в виде системы упорядоченных согласованных мыслей и соответствующих высказываний (логики высказываний);

2) он позволяет моделировать процесс логических выводов когнитивного субъекта на этапах чувственного и рационального познания (понимания);

3) он представляет тезисы, выраженные на естественном языке, в виде высказываний логики предикатов первого порядка (называет предметные переменные, возможными значениями которых являются предметы конструируемой предметной области «семантическая ситуация» = «объекты, атрибуты и связи»);

4) он является одним из закономерных способов (символическим неформализованным) кодирования генерируемых субъектом ситуативно обусловленных гносеологических образов наряду с аналоговым способом, независимо от пропозиционального объема текста;

5) смысловое содержание (познавательный образ) целостного текста конструируется посредством его системной, ситуативно обусловленной организации и в соответствии с качеством (перцептивным или рациональным) гносеологического образа;

6) он обеспечивает единое представление основных смысловых объектов текста в виде развертывающейся иерархической тернарной концептуальной структуры «объекты, атрибуты и связи», построенной при помощи логического оператора системы;

7) он прост и унифицирован, ибо в одном и том же формате – высказывания позволяет описывать четыре вида знания: знания о языке (База Знания); знания, формирующие структуру возможного мира текста – об объектах, атрибутах и связях; знания, отсылающие к системе реального мира – к вещам, свойствам и отношениям; метазнания, использующие в качестве объектов знания в высказываниях, а это означает, что он имеет гибкую структуру как язык описания знаний;

8) он имеет мощный механизм обратных выводов или отождествление, поэтому знания, описанные на нем, уже оснащены функциями моделирования механизмов и процессов познания; обеспечивается не только дедукция, но и индукция, абдукция, импликация, аналогия, эвристика и другие выводы;

9) он однороден по своему происхождению и функционированию с экстралингвистическим знанием, относящимся к понимаемому

тексту, с сопутствующими знаниями из других предметных областей: точных наук, инженерии знаний, психологии;

10) он базируется на аксиомах системного анализа, на определенных правилах и формулах внутри данной логики;

11) исчисление высказываний можно задать, например, следующим способом (ср. : [78, с. 235-237]):

Алфавит

не – отрицание;

& – конъюнкция;

или – дизъюнкция;

$\rightarrow$ - импликация (если p , то q);

() – скобки;

p, q, r – пропозициональные переменные.

Грамматика

1. Любая переменная есть правильно построенная из признаков (сем) формула.

2. Если A – правильно построенная формула, то $не-A$ тоже правильно построенная формула.

3. Если A и B – правильно построенные формулы, то $(A \& B)$, $(A$ или $B)$ и $(A \rightarrow B)$ тоже правильно построенные формулы.

Аксиомы

1. Система – множество элементов вместе с совокупностью отношений между этими элементами или между их свойствами.

2. $(p \rightarrow (q \rightarrow p))$.

3. $((p \rightarrow (q \rightarrow r)) \rightarrow (p \rightarrow q) \rightarrow (p \rightarrow r))$.

4. $(не-не -p \rightarrow p)$.

Правила вывода

Если $A \rightarrow B$ и формула A выводима, то и B тоже выводимо (*modus ponens*).

Если имеется правильно построенная формула A , содержащая переменную p , то вместо всех вхождений p в A может быть подставлена любая формула B (правило подстановки);

12) его элементарным выражениям можно приписать значения истинности, основываясь лишь на сугубо лингвистических данных и др.

Онтология нашего исследования строится посредством системы абстракций, отождествляемых с реальностью.

Это такие абстракции, как «непосредственная субстанция (материя)», «замещенная (мнимая) субстанция», «качественная характеристика субстанции», «количественная характеристика субстанции», «процесс (движение)», «субъект и его процессуальный признак», «субъекты с их процессуальными признаками в предметных и логических отношениях» и др., создающие представление об общих системно-структурных характеристиках процесса понимания и порождения познавательных образов.

Поиск метаязыка и общих принципов описания структуры, содержания и продуктов рационалистического понимания, осуществляемого на знаковой материи текста, предполагает неизбежную интеграцию не только со смежными областями гуманитарного знания, но и со сферой естественных наук – экспертными системами, информатикой, искусственным интеллектом и др.

Материалом для исследования послужила выборка простых пространственных предложений в разножанровых и разнообъемных текстах на французском языке (объемом 5100 единиц):

- фольклорные тексты – сказки (200 единиц);
- художественные тексты: рассказ, новелла, роман (4900 единиц).

Верификация теоретических положений и выявленных технологий проводилась на материале целостного текста новеллы Алена Роб-Грийе «Scène», функциональных текстов на французском, немецком, английском и русском языках на базе языковых факультетов Орского гуманитарно-технологического института и гуманитарных классов многопрофильных гимназий гг. Орска и Новотроицка в процессе обучения смысловосприятию и смыслопорождению.

Использование языкового материала различных жанров и видов, на разных языках и в разных аудиториях направлено на систематическое, целенаправленное наблюдение за процессом образования и оперирования научными, общими понятиями и понятийными новообразованиями у субъекта познания на базе созданных теоретических

схем предмета и метода; на выявление условий осуществления концептуальной конструкторской деятельности при решении текстовых смысловых задач, построение алгоритмов, технологий понимания-порождения и создание программных продуктов. Весь корпус текстов и видов когнитивных деятельностей субъекта подвергнут единообразной процедуре анализа – с позиции «восхождения» в научном познании, что позволяет говорить о метатеоретическом характере исследования и достоверности полученных результатов.

В монографии приводятся описания типовых процедур решения смысловых задач, осуществляемых на предложениях - образцах в полном цикле понимания. Выявление семантических и прагматических операторов производства, идентификации и номинации репрезентаций и проекций, поиск способов аналогового и символического представления генерируемого знания составляют повышенные трудности при методолого-когнитивной направленности исследования, необходимости уходить в чистую мысль, фиксировать ее и свободно двигаться в ней.

Цель исследования – создать и обосновать лингвокогнитивную модель понимания как системного (логического) объекта и определить условия возникновения, место и характер вторичного текста в нем.

Исходная гипотеза построения основ, логической структуры и инструментария порождения вторичного текста (ВТ): «Основы, логическая структура и инструментарий порождения вторичного текста в составе деятельности по пониманию исходного текста могут быть осмыслены методологически, поскольку к ней применим основной закон научного познания – «восхождение от абстрактного к конкретному», – базируется на четырех основных моментах, впервые раскрывающихся в данном исследовании. Это, во-первых, осмысление логической структуры сильного лингвокогнитивного понимания как процесса научного познания, основанного на законе «восхождения», что позволяет сформировать его номологическое объяснение или объяснение посредством охватывающего закона; во-вторых, применение теоретического синтеза и принципов системного анализа, что

позволяет лингвисту осуществить взаимодействие или «сцепление» разных знаний сугубо на платформе теории познания; в-третьих, выявление технологии лингвокогнитивного понимания как системного объекта, находящего свое рассмотрение в отношении к цели – вычисления проекции текста как результата его понимания; в-четвертых, выявление лингвокогнитивных условий производства «чистого» гносеологического объекта в процессе его развития: зарождения, становления, созревания, завершения и его «чистого» вербального представления.

1. ОРГАНИЗАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ-ПОРОЖДЕНИЯ- ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯ

На этапе построения теоретического объекта [68] мы выделили моменты его осознания через опознание, то есть первых шагов мышления о нем.

Мы доказательно предъявили процедуры его опознания.

Оно производилось общим, философским способом, как любого другого незнакомого объекта (Что это такое? Из чего состоит? Чему служит? и т. д.). То есть построение объекта строилось на основе выделения общих (существенных, отличительных) признаков, присущих всем изучаемым научным понятиям-терминам. Мы привели и выводы, в которых нашла реализацию высказывательная функция мышления и которые получили форму суждений – существования, атрибутивных, реляционных, комплексных и др. Тем самым опознанный объект из «вещи в себе» превратился в «вещь для нас», достигнув определенности своих главных свойств, их известности, систематики. Мыслительные операции по выявлению и обособлению объекта были стереотипными – мы определяли значение, форму и функцию генерируемого объекта, его место в системе понятий. То есть мы осуществляли абсолютно «чистую» форму теоретического опознания объекта, а его теория (описание) строилась на основании его упорядоченных общих, устойчивых конститутивных свойств. Таким способом было произведено абстрактное понятие, система абстрактных понятий, то есть идеальные объекты, которые не существуют в реальности. Вербальное предъявление сконструированных образов понятия, системы понятий (знания о языке), осуществленное на основании трех выявленных логических координат (значение абстрактного объекта, его форма, его предназначение), свидетельствовало о преодолении бинарного мышления и подключении мысленного приема тернарного мышления. То есть актуализация мысленных объемных образований («чистого» знания) призывает их означивание («чистый» текст). Формой объективации выступают высказывания трех видов: характеризующие предметную соотнесенность порожденного из при-

знаков абстрактного объекта, его форму или устройство, его назначение или роль [68, с. 176)].

Понятие означивания образа предстало сопряженным с понятием типового логического текста, единообразно репрезентирующего как отдельные абстрактные научные объекты, так и их систему. Текст образован из трех типов высказывания, позволяющих передать момент актуализации идеального объекта, его свойства и связи.

1.1. О понятии методологии в научном знании

Энциклопедическое языковедческое знание понятие «методология» определяет как учение о принципах исследования в науке о языке [19, с. 299]. Языковеды-теоретики указывают, что она определяет подход к объекту, взаимоотношение между субъектом и объектом исследования, способ построения научного знания, общую ориентацию и характер лингвистических исследований; тесно связана с лингвистической теорией, в значительной мере обуславливает научные результаты исследования. Это учение о структуре, логической организации, методах и средствах научной деятельности. Методология является основой для многих концепций [9, с. 177, 180].

Философия определяет методологию как учение о методах познания и преобразования действительности, применение принципов мировоззрения к процессу познания, духовному творчеству и практике. К ней ученые относят также среду применения методов и принципов, те ценности, которые должны быть достигнуты, те ограничения, которые налагаются на деятельность исследователя и т. д. [105, с. 11].

В логике этим термином называют часть науковедения, исследующую структуру научного знания, средства и методы научного познания, способы обоснования и развития знания [56, с. 197].

Это наиболее общий (философский) метод познания; система методов, которые используются той или иной наукой; особая отрасль знаний, призванная служить своеобразным источником, откуда другие конкретные науки заимствуют методы исследований; философское учение о методах познания и практики и т. д. Под научной мето-

дологией, как правило, понимается систематический анализ тех рациональных принципов и процессов, которые должны направлять научное исследование, и именно философские идеи нередко являются тем источником, из которого вырастают фундаментальные научные теории, и эти идеи часто стимулируют научный поиск и указывают путь к новым научным открытиям [56, с. 36-37, 43].

В теории методов извлечения знаний методологией называют цели исследований в некоторой проблемной области, используемые понятия, исследование принципов выводов и структуры проблемной области. Исследование методов исследований также входит в методологию [120, с. 75].

Н. Ф. Алефиренко, анализируя методологические проблемы современного языкознания, делает вывод о том, что сущность методологии современной отечественной науки о языке до недавних пор определялась однозначно: ею признавалась философия. И такое понимание методологии не вызывает возражений, однако его нельзя не признать односторонним и ограниченным, зашоренным узкими и откровенно идеологизированными рамками. Методологическая часть введения любого лингвистического труда состояла, как правило, из заверений в приверженности принципам господствующего мировоззрения с обязательной системой ссылок на соответствующие труды, его канонизирующие. Такая «методология исследования» обычно носила ритуальный характер [4, с. 315, 324].

После деидеологизации науки о языке, изъятия из содержания методологии его «основного» (идеологического) компонента само понятие «методология» оказалось в состоянии диффузного испарения.

С философской точки зрения, методология современного языкознания может быть представлена в широком и узком понимании.

В широком понимании это учение о структуре, логике и средствах лингвистической деятельности. В узком – определенный подход к планируемой деятельности на всех ее этапах, совокупность исходных принципов, которым подчиняется лингвистический поиск, начиная с определения объекта, предмета, цели и задач исследования,

выбора методов и заканчивая интерпретацией языковых явлений и формулированием выводов, соответствующих теоретических положений или предположений [4, с. 326].

З. Д. Попова определяет метод как определенную последовательность операций, действий, процедур (физических или мыслительных), которая должна привести к искомому результату. Среди методов когнитивной лингвистики ею называются анализ семантики языковых знаков, концентрирование признаков концепта, выраженных разноуровневыми языковыми средствами, выявление когнитивных классификаторов, категорирующих концепты, установление национальной специфики семантического пространства языка, определение типов концептов, выраженных языковыми знаками и некоторые другие [114, с. 73].

Обращаясь к истории научной мысли, ученый показывает, что методологической основой – сначала научно-практической, а позже и фундаментальной научной деятельности – в разные периоды времени становились те теоретические знания, которые к этому времени были учеными достигнуты. Когнитивная лингвистика стала возможной после оформления теоретических постулатов психолингвистики, теоретические достижения которой стали основой для создания ее методологии.

По мнению ученого, главное положение этой методологии состоит в том, что через изучение семантики языковых знаков можно проникать в концептосферу людей. Можно выяснять, что было важно для того или иного народа в разные периоды его истории, а что оставалось вне поля его зрения, в то время как для другого народа это оказывалось существенным [114, с. 74].

Когнитивная наука пока еще не предложила какой-либо один подход, одну методологию к исследованию когниции и разума. В ней можно встретить противоположные мнения об участии гносеологии в научном исследовании. О гносеологии, «отходящей на задний план» и замещаемой когнитологией как методологической наукой, которая вышла на первый план в сфере познания объективной действительности и субъективного мира человека, рассуждает В. М. Лейчик [88,

с. 123, 129]. О том, что философия есть грамматика науки, подобно тому как грамматика в свою очередь есть логика языка, о ведущей роли гносеологических оснований, обусловленных возможностью применения к ним семиотического критерия, говорят методологи [32, с. 19; 107, с. 109].

На то, что серьезный теоретик всегда немного метафизик и гносеолог, ибо лишь теория познания способна выполнить функции систематической рефлексии над философскими основаниями частных наук и, соответственно, выступить в роли их методологического и мировоззренческого фундамента, указывают онтологи [96, с. 243].

С позиции когнитивного подхода, предполагающего изучение языковых процессов, единиц и категорий и т.п. в их соотношении с памятью, воображением, восприятием, мышлением [84, с. 13], теория научного познания в ее преломлении к лингвистической деятельности и материалу может получить второе дыхание.

Таким образом, вышеперечисленные определения предписывают лингвисту-исследователю принимать на вооружение содержательные признаки этого общенаучного понятия в соответствии с необходимостью решения задач на выявление знания (смысла), репрезентированного языковым знаком.

Предваряя показ когнитивно-методологического способа понимания, отметим, что учеными-лингвистами сделан вывод о наличии самой проблемы понимания, о множестве его определений, находящихся в научном обращении, о том, что текст признается в качестве одного из способов производства знания. Но изучение этого процесса пока не увязано с поиском регулярных признаков его рациональности и системности.

Целевая линия производства знания и его типов еще не выделена в самостоятельное направление исследования, не разработан классификатор выходов – конечных продуктов понимания как и любой другой системы, не формализованы типы рассуждения. Сам подход к изучению процесса понимания не проистекает из строгого выполнения предписаний и норм методологии познания, в нем не учтены в полной мере достижения психолингвистики, где результат понимания

усматривается в создании проекции текста как комплекса репрезентаций и т. д. В науке о языке не существует нормы понимания смысловых объектов текста всеми специалистами-лингвистами, не разработано системное представление о нем как о логическом объекте. Как образно отмечает Г. И. Богин, в настоящее время в лингвистике о понимании «нечем говорить». При когнитивном понимании происходит обобщение, объединение в одно целое объектов, поддающихся различению, и целый ряд других процессов, позволяющих осваивать не только факты, но и закономерности. Эти процессы в филологии не рассматриваются, поскольку они рассматриваются другими науками – формальной, диалектической и генетической логиками, психологией мышления, а также методологией деятельности [17, с. 15, 46].

На данный момент в лингвистике текста только намечается путь исследования содержания процесса языкового познания, который определяется учеными как переход от значений к знаниям. Ученые - психолингвисты констатируют необходимость разграничения и в то же время объединения двух видов понимания текста – осмысления, включающего спонтанную интерпретацию и переживание понимаемого, и целенаправленной интерпретации с признанием того, что второй вид понимания невозможен без первого, базового. Ими вполне осознается потребность в разработке интегративного подхода к этому процессу. Этот подход должен не просто учитывать данные ряда наук, но служить специфической «системой координат», базирующейся на единой теории психических процессов. При этом особую значимость получает выявление механизмов спонтанного семиозиса, без чего едва ли можно успешно продвинуться на пути к разгадке секретов работы понимания [48, с. 72].

Отсутствие единых методологических основ лингвокогнитивной деятельности на тексте создает круг кардинальных противоречий, питающих проблемную ситуацию с познанием в науке о языке. Тем самым они призывают исследователей к постановке и разрешению этой ситуации путем построения единой когнитивной модели освоения мира текста, концептуальную платформу которого составили бы закономерности познавательного отражения, нашедшие разработку в

гносеологии, системном анализе как прикладной диалектике и других методологических науках. Рассмотрение языковых форм в системе координат «восхождения» – основного закона научного познания может быть принято в качестве общей точки отсчета для изучения их участия в познавательных процессах, и этот путь представляется перспективным в деле создания единой междисциплинарной теории понимания. Представления диалектической логики позволяют подходить к пониманию как высшему уровню познания, вытекающему из строгости используемой технологии познания (мышления). Диалектическая логика признается в науке высшей формой технологии диалектического мышления. В современном научном знании к ней относят движение мысли от абстрактного к конкретному, соответствие исторического и логического и другие принципы диалектики познания. Субъект в этом движении приобретает привычку к пониманию как познанию. По Гегелю, при этом его голова наполняется мыслями, и именно мыслями как мыслями. Следовательно, лингвисткогнитолог может анализировать действие законов диалектики в развитии каждого лингвокогнитивного объекта в качестве общего руководства к его пониманию, а сам метод лингвистического когнитивного освоения возможного мира текста при этом получает характер преломления требований закона (принципа) «восхождения» применительно к языковой знаковой материи.

В логике этим термином называют часть науковедения, исследующую структуру научного знания, средства и методы научного познания, способы обоснования и развития знания [57, с. 197].

Мы не ставим своей целью изучение различных трактовок понятия «методология», а преломляем названные признаки применительно к задачам, поставленным в работе, и используем следующее рабочее определение.

Методология науки – это учение об исходных положениях, принципах, способах познания, объяснительных схемах преобразования текстовой действительности. Методология понимания-порождения-представления вторичного текста – это учение о лингвистической познавательной деятельности когнитивного субъекта, осу-

ществляемой на материи исходного текста, имеющей значение в качестве своего объекта и в условиях овладения этим субъектом предметной деятельностью с предметом (объектом) «язык», присвоением его как части объективной действительности. Таким образом, методологическая концепция, представляемая в монографии, предстает теорией строения и развития научного знания о понимании как научном познании и условиях его осуществления.

Ориентиры методологической работы, которые сформулированы Г. П. Щедровицким, легли в основание настоящей работы и обусловили ее сущность.

В основополагающем труде Г. П. Щедровицкого методологическая работа выделяется и противопоставляется конкретно-научной и философской работе по шести основным признакам. 1) Методологическая работа не есть исследование в «чистом виде». Она включает в себя также критику и схематизацию, программирование и проблематизацию, конструирование и проектирование, онтологический анализ и нормирование в качестве сознательно выделенных форм и этапов работы. Суть методологической работы не столько в познании, сколько в создании методик и проектов, она не только отражает, но также и в большей мере создает, творит заново, в том числе – через конструкцию и проект. Основные продукты методологической работы – конструкции, проекты, нормы, методические предписания и т. п. – не могут проверяться и никогда не проверяются на истинность. Они проверяются лишь на реализуемость [155, с. 95].

2) Методология именно тем отличается от методики, что она до предела насыщена знаниями (в точном смысле этого слова) и включает четко отграниченное, выделенное и, можно сказать, рафинированное исследование; методологическая работа и методологическое мышление соединяют проектирование, критику и нормирование с исследованием и познанием [155, с. 96].

3) Методологические исследования – это исследования особого типа, поскольку объектами их являются не физические, химические и биологические явления, а научные предметы, то есть знания из тех или иных наук вместе с объектами этих знаний и вместе с деятельно-

стью порождения и использования знаний. Методология создает очень сложные композиции из знаний разного типа, недоступные традиционной науке. Она по-новому сочетает и соединяет естественнонаучные, конструктивно-технические, исторические и практико-методические знания. Традиционная наука избегала объединять эти четыре типа знаний, поскольку ее главная задача состояла в том, чтобы создать «чистое изображение» натурального объекта. Она создает и использует знания о знаниях, она как бы все время осознает самое себя, свои собственные структуры, и это необходимо, ибо без такого осознания формы и структуры знаний вообще и специфики разных типов знаний в частности невозможно осуществить связь и координацию разных типов знания [155, с. 96-97].

4) Методология стремится соединить и соединяет знания о деятельности и мышлении со знаниями об объектах этой деятельности и мышления, или, если перевернуть это отношение, – непосредственно объектные знания с рефлексивными знаниями. Поэтому объект, с которым имеет дело методология, напоминает матрешку. Фактически это особого рода связка из двух объектов, где внутри исходного для методологии объекта – деятельности и мышления – вставлен другой объект – объект этой деятельности или этого мышления. Поэтому методология всегда имеет дело с двойственным объектом – не с деятельностью как таковой и не с объектом этой деятельности как таковым, а с их «матрешечной» связкой.

Методологическое знание должно состоять из двух знаний – знания о деятельности и знания об объекте этой деятельности.

Между деятельностью и ее объектом нет отношения «целое – часть». Деятельность не добавляется к объекту как вторая, дополняющая его часть, и точно так же объект не является просто частью деятельности; объект деятельности включен в деятельность многократно – и как ее элемент, и как содержание других элементов, например знаний, и как материал [155, с. 97-98].

5) Для методологии характерен учет различия и множественности разных позиций деятеля в отношении к объекту; отсюда – работа с разными представлениями об одном и том же объекте, в том числе с разными профессиональными представлениями: при этом сами зна-

ния и факт их множественности рассматриваются как объективный момент мыследеятельной ситуации. Это – крайне важное обстоятельство. Классическая философия, как и вся построенная на ней наука, исходила из представления об одном единственно истинном знании. Если одна и та же ситуация описывалась по-разному в различных знаниях, то обычно ставился вопрос, какое же из них истинное. Методология, в противоположность этому, исходит из того, что одному и тому же объекту может соответствовать много разных представлений и знаний и их не имеет смысла проверять на истинность относительно друг друга, ибо они просто разные. Это – важнейший принцип современного методологического мышления – принцип множественности представлений и знаний, относимых к одному объекту. Методология начинает свою работу с представлений профессионалов об объекте, и первоначально объект задан только этим множеством представлений. Лишь затем, исходя из всей этой совокупности представлений, методолог может ставить вопрос о реконструкции объекта в том виде, как он существует «на самом деле», и производить эту реконструкцию, предполагая, что все имеющиеся представления характеризуют объект с разных сторон, как бы в разных его проекциях. Мы всегда должны рассматривать объект в связке с набором знаний о нем и всегда соотносить и связывать друг с другом знания разного типа – знания об объекте и знания о знаниях. В силу этого методологическое мышление пользуется всегда схемами многих знаний и в своих изображениях фиксирует множество разных знаний об одном объекте; называется это приемом многих знаний [155, с. 98-99].

б) В методологии связывание и объединение разных знаний происходит, прежде всего, не по схемам объекта деятельности, а по схемам самой деятельности. Для реконструкции объекта на основе разных представлений профессионалов нет иного пути, кроме выяснения того, в чем состояла «деятельная заинтересованность» этих профессионалов. И только после того, как мы опишем мыследеятельность профессионалов, заставившую их представить объект именно так, а не иначе, и таким образом определим те фокусы, с точки зрения которых они строили свои представления, только после этого мы можем начать собирать и организовывать все эти представления, но

опять-таки не прямо через представление об объекте, а прежде всего – через представление о деятельности, ибо реально разные представления нужно собирать в целое и организовывать только тогда, когда деятельности, с которыми они связаны, входят в кооперацию друг с другом, когда они начинают с разных сторон обрабатывать объект, ставший для всех них единым.

В этом состоит основной принцип методологического мышления: представление о сложной кооперированной деятельности выступает в качестве средства связывания разных представлений об объекте этой деятельности [155, с. 99-100].

Следует отметить, что изначально такой связывающей деятельностью для когнитолога предстала разработка и применение функционально-семантического метода, базирующегося на процедурах анализа через синтез в процессе выявления предикатно-актантной структуры простого предложения [59].

В дальнейшем этот подход получил развитие и усовершенствование применительно к другим языкам, подтвердив свою теоретическую эффективность и актуальность, а также практическую продуктивность в процессе формирования вторичных лингвистических деятельностей у студента-филолога [60, 61, 63, 64, 65, 66, 67].

Ономазиологические исследования в нашей стране, по мнению ведущего отечественного когнитолога Е. С. Кубряковой, легли в основание разработки идеи о роли человеческого фактора в языке, о лингвокреативной деятельности человека, о создаваемой им картине мира, о возможностях языка самому создавать новые сущности путем их номинальных определений [84, с. 12].

Методологическая работа направлена не на природу как таковую, а на мыследеятельность и ее организованности. При этом организованности мыследеятельности имеют как бы двойное существование: один раз в качестве элементов и компонентов мышления и деятельности, а другой раз в качестве независимых и автономных образований (как правило, искусственно-естественных), размноженных в разных формах и связываемых между собой процессами мыследеятельности.

Переход к методологическим формам работы ставит новый круг весьма сложных проблем: чтобы научиться работать с комплексными структурами знаний, объединяющими, с одной стороны, разные знания, а с другой стороны, знания об объектах и знания о знаниях и мыследеятельности, нужно разработать новую логику мышления – логику рефлексии, которая предполагает особые знания о рефлексии. В случае, когда вместо того чтобы осуществлять какую-либо мыслительную или деятельностную процедуру и демонстрировать ее, описывают либо ее саму, либо осуществляемое ею преобразование, его возможные продукты и результаты. Именно за счет этого появляется различие между действительностью методологии и действительностью методологической рефлексии (метаметодологии). И это обстоятельство должно быть постоянно учтенным [115, с. 95-101].

Методология рассматривается как сверхпредметная структура, охватывающая как предметы, так и практики разного рода и предполагающая не одно какое-то отношение к ним, а массу разных отношений – не только исследовательское, но и конструктивное, проектное, рефлексивное, организационное и т. д.

Первой и основной частью общей системно-структурной методологии должна быть не исследовательская, а конструкторская и проектная [115, с. 95- 107].

Вышеназванные установки способствуют определению магистрального направления предпринятого исследования – выявить возможность осуществления деятельности по пониманию (познанию) диалектико-логическим способом восхождения и создать теорию, в которой линия действий – образцов в ее сопряжении с производством образцов знания и их представления является доминирующей. Для его реализации необходимо обратиться к методу целесообразных задач или эвристическому методу и тем самым ввести в лингвистический оборот понятия «восхождение», «мыслительная задача», «инженерно-конструкторская деятельность», «инжиниринг знания», «задачный способ действия», «технология лингвистического мышления» и др.

Теория искусственного интеллекта (ИИ) говорит о четырех уровнях знания: низший – факты, следующий – понятия, следующий – правила, высший – правила высокого порядка и эвристическое решение задач.

1.2. Текст в аспекте понимания и порождения

Сколь обширной ни была бы отечественная и зарубежная литература по пониманию текста (Е. С. Андреева, Л. Г. Бабенко, А. Н. Баранов, М. Бирвиш, Г. И. Богин, В. В. Богданов, К. Бреммон, Т. Виноград, Т. А. ван Дейк и В. Кинч, А. А. Залевская, Ю. М. Лотман, В. А. Лукин, А. И. Новиков, Ж. Пиаже, Ч. С. Пирс, Г. Г. Почепцов, Н. В. Рафикова, П. Серио, Ю. С. Степанов, Н. В. Шевченко, Ч. Филмор, Р. Шенк, Р. Якобсон и др.), однако ясный путь решения вопроса о нем как системном объекте еще не сложился. Наименее изученным является последовательное описание единого управляемого механизма коммуникативной и мыслительной деятельности в процессе понимания. Ю. Н. Караулов отмечает, что промежуточный язык, то есть по сути дела язык мысли, язык интеллекта, остается ничейной землей. С одной стороны, к этой проблематике как будто подбираются психологи, исследующие «внутреннюю речь». С другой стороны, к ней движутся психолингвисты, развивающие идеи «речевого мышления». Однако ни те, ни другие напрямую не ставят такой задачи, как изучение языка мысли. А широкий разброс используемой терминологии свидетельствует об отсутствии необходимой определенности и целостности в понимании этого объекта [71, с. 184-185]. Способ когнитивного освоения мира текста и порождения структур знания путем перевода значений знаковой формы текста в смыслы (образы), отвечающий критериям рациональности, системности и универсальности, то есть который осуществлялся бы методом преобразования объектов в продукты (Щедровицкий), еще ждет своих разработчиков.

Представления ученых о круге вопросов, связанных с проблематикой понимания-порождения, являются разрозненными, они не лишены противоречий в авторских концепциях этого процесса, и его изучение в лингвистике не увязывается с их разрешением, с поиском признаков семиотической системности и рациональности. Диапазон этих представлений еще не получил оформления, соответствующего агрегированному (разностороннему, многоплановому) описанию объекта понимания как сложного явления с различных точек зрения.

Чаще всего они свидетельствуют о недостаточной системности деятельности в этой области [101; 70; 124; 134; 46, 48; 90; 122; 123; 78; 4; 89]. Ученые констатируют, что в лингвистике о понимании «нечем говорить» [17], что моделирование понимания должно быть вынесено за рамки лингвистики [40]. Они отмечают, что проблема понимания вообще и понимания текста в частности продолжает оставаться одной из самых трудных в филологии [37], что сочетание смыслов внутри целого художественного произведения является вопросом, который не разработан в языкознании [36]. В теории понимания текста бытует точка зрения, согласно которой смысловая структура является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст. Если исходить только из данных, содержащихся непосредственно в тексте, то объектом моделирования может быть только лишь структура его содержания. Но и она в полном объеме и достаточно адекватно не может быть формализована без обращения к внешним средствам, одним из которых является смысловая структура [100]. Тем самым отрицается способность текста обладать собственной, независимой от трактовки реципиента глубинной понятийной структурой, имеющей определенную конфигурацию и соотносящейся с той возможной реальностью, которая опосредованно и обобщенно представляется в тексте в виде продуктов актов глубинной предикации. Подвергается сомнению и возможность формализации семантики художественного текста, так как формализация в большей степени возможна там, где выражаемая в тексте действительность достаточно четко очерчена тематически, а сами тексты характеризуются определенной стандартизованностью [101].

Представители информационных наук однозначно заявляют, что лингвистических теорий порождения текста не существует [30; 54; 55; 91].

В последнее время ученые-когнитологи акцентируют внимание на том, что когнитивная обработка информации, которая осуществляется во время понимания и порождения речи является чрезвычайно сложной процедурой. Это связано с тем, что она требует детального

изучения не только тех образов, которые возникают по ходу обработки языковых значений и/или извлекаются из долговременной памяти и требуют идентификации, но и операций, которые при этом используются [53; 129].

Исследователи подходят к осознанию возможности получения выводного, «чистого», логического знания, извлекаемого из текста в условиях лингвосемиотической знаковой ситуации и представления места всей системы знаков в процессе коммуникации людей. В связи с этим выявление инструментов для обнаружения именно того смысла, который стремился передать автор и который вытекает из взаимодействия смысловых фигур, лежащих за значениями выражений текста, приобретает особую актуальность. Оно позволяет в значительной степени оградить авторов текстов от приписывания им тех смыслов, которые они и не думали выражать [114]. В художественном тексте всегда отражается конкретная жизнь людей, точное понимание систем значений способствует более глубокому и адекватному познанию этой жизни.

Но о «чистом» знании, о «чистой» форме человеческого мышления речь может идти в случае, когда суждение отражает не объективную, а мыслимую реальность, то есть связи и отношения не реально, а идеально существующих предметов или абстрактных объектов.

Рассмотрению лексических и грамматических понятий как своеобразных моделей реальной действительности способствует метод концептуального моделирования, который еще не получил в лингвистике должной теоретической и конкретно-методической разработки. Он представляется чрезвычайно перспективным именно потому, что позволяет наглядно отобразить мир слов, мир мыслимых и реальных объектов.

1.3. Понимание как системный объект

Обнаружение «точного» смысла становится возможным с позиции когнитивного подхода, в центр которого положены понятия структуры научного познания, теоретического синтеза и системного

анализа (СА) в качестве прикладной диалектики. Суть системного анализа составляет организация деятельности на тексте по задачному типу – как строго детерминированного законом восхождения в диалектической логике и мышлении умственного процесса. Он разрабатывается в монографии с позиций философских категорий субъекта и объекта, закономерностей познавательного отражения, деятельности, научного познания. Человек обладает способностью иметь информацию, то есть гносеологические образы, в чистом виде и оперировать этой информацией [3, с. 163].

Вопрос о способе решения проблемы понимания путем целенаправленного преломления СА, объектно-структурного подхода (ОСП) специально в лингвистике еще не ставился.

Системный подход в его структурном понимании находил свою реализацию применительно к трактовке языка, текста как иерархически организованной системы; понимание и вся дальнейшая мыслительная переработка информации, почерпнутой из текста, равно как и перцептивные действия предшествующего этапа охватывались широким термином «восприятие текста». В процессе восприятия усматривались фазы: мотивации, интенции и речевой деятельности реципиента (процессы непосредственного взаимодействия реципиента с текстом, «ближайшие» ментальные процессы по обработке полученной информации), глубинных процессов понимания текста, которые могут привести к развитию как тезауруса, так и концептуальной системы личности реципиента [70]. Деятельность по пониманию трактовалась системно, то есть не как единообразный процесс рецепции текста, а как упорядоченный набор соотношений между разновидностями понимания и разновидностями текстов [17].

С позиции объектно-структурного анализа (ОСА) смысловая структура текста может быть рассмотрена в качестве предметной области или совокупности взаимодействующих объектов, что соответствует способу видения мира, присущему человеку от природы. На этой широкой основе становится возможным применение аналогии с моделированием понимания в парадигме информационных наук, инженерии знаний.

Содержание монографии отвечает магистральному направлению развития современной научной мысли, являя собой попытку синтеза, интеграции разнообразных научных фактов и подходов с единой когнитивной общенаучной позиции при осуществлении концептуального моделирования, понимаемого как построение совокупностей смысловых объектов, характеризуемых определенными свойствами и отношениями [103]. В ней находит реализацию провозглашенный, но не реализованный в процессуальной семантике тезис о том, что лингвистические объяснения должны покрывать деятельность языка в целом, включая лексические и грамматические значения (базу данных) [24].

В работе представляются образцы продуктов концептуального трехмерного моделирования ситуации как эмпирического объекта, получающего форму последовательностей порождаемых диалектических моделей. В ней предлагается способ производства вторичного текста нового, творческого типа, в отличие от известных типов традиционных текстов – пересказов, рефератов, аннотаций и т. п.

Нахождение исследователем как субъектом познания способов производства форм знания, в которые «отливается» логический объект «клеточка», «начало», «результат», «язык», «семантическая ситуация» и др., создание системы онтологий и демонстрация выявленных образцов технологий и методик их серийного производства обозначает для него выполнение условия возможности порождения речи в ее логических характеристиках. В этой деятельности системный объект «язык» предстает для познающего субъекта проекцией познанного знания о нем, рефлексом его размышлений о языке и о мире, совокупностью средств, служащих описанию всего этого [84, с. 22-23].

Речь, которая являет себя в целом средством, инструментом, результатом обеспечения информационных процессов требует рассмотрения, отдельного от мышления и воображения.

В монографии она получает статус одного из средств языка представления знания (ЯПЗ) – формы моделирующих рассуждений [41] в процессе инженерии теоретических и эмпирических абстрактных объектов и оперирования ими. Моделирующие рассуждения

фиксируются в виде «встречного» текста, представляющего собой символическую запись результатов понимания и выводящего «вовне» системы семиотически структурированных новых гносеологических объектов. Это осознанное знание становится той содержательной информацией, которая уже стала продуктом интеллектуальной обработки и структурирования субъекта познания [82], и обладание этим знанием позволяет ему на этапе презентации реализовать процесс порождения «чистого», творческого синтетического вторичного текста. Этот текст не может быть воспроизведением, он обусловлен творческим характером предметно-практической деятельности и предстает как логически-творческий, типа дескрипции, нарратива, дискурса. Но помимо чисто вербальных форм, он может включать и аналоговые репрезентации графической формы, что сближает его с информационным понятием гипертекста.

Создание Базы лингвистического знания (БЗ) или предметной области (ПО) «язык» со встроенной в него системой онтологий классов слов и конструкций предстает необходимой реализованной предпосылкой для создания средства понимающей деятельности в контексте его применения. Тем самым язык-объект находит свою онтологическую реальность, о которой говорит Е. С. Кубрякова [87, с. 11]. Выполнение этого условия, при всей его трудоемкости, отвечает требованию организации процесса порождения речи – оно не может получить своего адекватного описания, если мы не знаем, что именно использует человек из своего лингвистического багажа, а главное, какова форма его организации, каков его объем и структура [145].

Нечто считается познанным, полностью понятным лишь в том случае, если известна его причина (совокупность условий, необходимых и достаточных для реализации следствия) [106; 94]. Тем самым в распоряжении познающего субъекта при решении задач семантического моделирования в процессе понимания находится, помимо семантических данных конкретной языковой единицы-знака, конструкция концептуальной модели ПО «язык».

В процессе понимания как задачной деятельности в рамках «восхождения» выявление соотношения языковых значений и по-

рождаемых ими разных структур знания позволяет обнаружить иерархию уровней управляемого моделирования, объективированного существования у субъекта семантических полей и пространств. Их последовательность получает вид: от уровня моделирования конструктивной единицы научного знания о предмете языкознания – понятия – к уровню моделирования системы понятий или ПО.

От уровня моделирования собственно языковой базы лексических и грамматических данных анализируемого текста (иерархическая, реляционная, сетевая модели) – к уровню перцептивных и рациональных моделей, категориальных и ситуативных обобщений и др.

Процесс уточнения конструктивных понятий завершается математически ясными определениями, которые свидетельствуют о пропозициональной прозрачности – раскрытости мыслительного содержания, представленного посредством определенных пропозиций [103; 124], и уводят в возможный мир текста, мир творений разума. По Гегелю, для развития любой теории необходима система строгих определений. Только на основании этих определений можно построить логические доказательства [32].

Актуальность работы обусловлена также нахождением интегрирующих оснований и для создания концептуальных моделей и теории языка-объекта, и понимания-порождения эмпирического объекта, ибо в том и другом случае имеет место строго детерминированный закон восхождения умственный процесс применительно к тексту как языковому знаку.

Предлагаемый инструментарий методологического исследования согласуется с парадигмой методов философии науки и когнитивных наук.

Выявляемая комплексная методология понимания-порождения проистекает из спецификации закономерностей, принципов и категорий познавательного отражения, исполнения требований закона «восхождения», рационалистической направленности, полисистемности задач деятельности, параллельности задействования аналоговой и символической обработки информации, регулярности использования

приемов тернарного мышления и трехмерного моделирования конструируемых концептуальных объектов и др.

Когнитивный подход позволяет обнаружить, что осуществление рационалистического понимания текста в рамках понятийного аппарата восхождения сближает методологию науки о языке с методологией естественных наук.

Использование инструментария инженерии знания способствует доведению методов лингвистики до стандартов «точных» наук и сохранению корректности в отношениях теории языка-объекта и теории понимания текста к действительности [83; 141; 67; 68].

Актуальность исследования обуславливается также тем, что в ней четко сформулированы методологические лингвистические основы построения познавательных процессов и объектов. Этот методологический фундамент получен путем преломления целостной общенаучной модели генезиса гносеологического образа на этапах восхождения и нисхождения в понимании как научном познании, осуществляемом на знаковой языковой материи, что способствует возвращению лингвистической теории к ее философским и методологическим истокам [141; 2, с. 118].

Построение методологических оснований для осуществления строго детерминированного умственного процесса применительно к тексту как языковому знаку требует синтеза многих знаний и методов. Объекты, с которыми мы действуем, не являются ни физическими, ни химическими, ни математическими, ни лингвистическими. Они являются объектами практики нашего мышления, мышления, свободного относительно границ научных предметов, поэтому для решения задач исследования в первую очередь требуется применение принципов и методов философии и методологии науки, гносеологии, логики, семиотики, системного анализа, психологии, когнитивной лингвистики, искусственного интеллекта, информатики. То есть в монографии демонстрируется широкое применение «перекрестных» связей между предметными областями различных наук.

Нахождение интегративного метода в рамках исполнения требований восхождения становится одновременно предпосылкой, орудием

ем и результатом исследования, и это свидетельствует о создании теории рациональности лингвистического понимания на единой с точными науками методологической основе – подведения объясняемого явления под научный закон или объяснение посредством охватывающего закона [56].

Продукты понимания произрастают из всеобщих диалектических моделей «значение, форма, функция», «вещи, свойства и отношения», выражающих самую общую тенденцию развития форм теоретического и эмпирического объектов [80; 3; 25; 133]. Названная установка отвечает принципу единого трехаспектного отображения языком основных элементов реального мира [44].

Конкретные проявления этих общих форм позволяют построить соответствующие диалектические модели менее абстрактного уровня – «предметная соотнесенность» имени, глагола и т. д., «семантический субъект», «семантический предикат», «подкласс предиката», «ранг предиката», «характер субъекта», «субъект оценки» и др.

Сама идея понимания-порождения «чистых» продуктов понимания, «чистого» (логического) вторичного текста посредством особого – объемного представления его семантической структуры является новой для классической лингвистики. В ней сформулирован постулат о линейном представлении нелинейных многомерных гносеологических структур, но не описаны процедуры взаимного перехода между объемными и линейными сущностями [30; 143]. Исследование в лингвистике репрезентаций, порождаемых интенционалами терминов и общеупотребительных слов, может составить параллель к процессу производства, обоснования и верификации знания в математике, логике, инженерии знаний и т. п.

Аналогия обеспечивается в первую очередь путем таких эвристических приемов, как строгое вычленение и оперирование отдельным семантическим признаком и совокупностями признаков, приводящее к образованию строгих понятий; триадностью в организации понятий и их совокупностей. Их применение приводит к построению объемных структур в качестве исходного и конечного звена процесса понимания, а также обеспечивает их обоснование методом фиксации

учтенных признаков – предикатов наблюдения при порождении встречного и вторичного текстов. Встречным при этом выступает текст (суждения существования, атрибутивные, реляционные, прагматические), в терминах которого представляется продукт понимания данного значения.

Новым знанием в лингвистике следует признать выявленную когнитивную технологию моделирования рационального понимания, единицей и результатом которого являются понятия и понятийные образования, с единых с точными науками теоретико-методологических основ. Будучи ориентирована на человеческий мозг в качестве «решателя» задач рационального понимания текста такая технология способствует продуктивному общественно полезному взаимодействию языкознания и методологии науки, языкознания и информатики, языкознания и психологии познавательных процессов, языкознания и дидактики и пр.

1.4. Когнитивный аспект изучения проблемы порождения вторичного текста в междисциплинарном знании

В общей структуре решения задач исследования содержание данного раздела служит совершенствованию создаваемой теории понимания-порождения-представления «чистого» знания «чистым» же текстом – путем выведения в фокус наблюдения высказывательной функции мышления, отражающей изменения, которые претерпевает объект в процессе его развития: зарождения, становления, созревания, завершения.

На этапе построения теоретического объекта [68] мы выделили моменты его осознания через опознание, то есть первых шагов мышления о нем.

Мы доказательно предъявили процедуры его опознания, которое производилось общим, философским способом, как любого другого незнакомого объекта (Что это такое? Из чего состоит? Чему служит? и т. д.). То есть построение объекта строилось на основе выделения общих (существенных, отличительных) признаков, прису-

щих всем изучаемым научным понятиям-терминам. Мы привели выводы, в которых нашла реализацию высказывательная функция мышления и которые получили форму суждений – существования, атрибутивных, реляционных, комплексных и др. [68, с. 176-177]. То есть поток мыслей исследователя, его «промежуточный язык» на этапе конструирования понятий из признаков определялся чистой и абсолютной предикативностью как основной синтаксической формой внутренней речи, как предпосылкой вербализации во внешней речи. «Предикативность – основная и единственная форма внутренней речи, которая вся состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых, и притом здесь мы встречаемся не с относительным сохранением сказуемого за счет сокращения подлежащего, а с абсолютной предикативностью» [27, с. 998]. «Чисто предикативные суждения, которые совершенно отсутствуют в письменной речи, являются постоянными и неизменными спутниками внутренней речи, неотделимыми от нее» [там же, с. 998]. На этапе опознания абстрактных объектов он получал характер номинативного [71, с. 206]. Тем самым опознанный объект из «вещи в себе» превратился в «вещь для нас», достигнув определенности своих главных свойств, их известности, систематики. Мыслительные операции по выявлению и обособлению объекта были стереотипными – мы определяли значение, форму и функцию генерируемого объекта, его место в системе понятий. То есть мы осуществляли абсолютно «чистую» форму теоретического опознания объекта, а его теория (описание) строилась на основании его упорядоченных общих, устойчивых конститутивных свойств. Таким способом было произведено абстрактное понятие, система абстрактных понятий, то есть идеальные объекты, которые не существуют в реальности.

На этапе построения эмпирического объекта нам необходимо осуществлять специальное опознание порождаемого объекта. Обобщение здесь происходит не только путем выделения общих свойств объектов, но и путем сохранения в языковом понятии его особенных и единичных признаков. Его особенность – сознательная постановка цели знакомства с объектом, строго определенная необходимость его

опознания [25, с. 238-239]. Такой способ обобщения приводит к образованию конкретных понятий. Поэтому в общеупотребительных понятиях (словах) предложения выступает необходимость наряду с выделением общих (грамматических) свойств, присущих всем видам знаменательных слов, выявлять и специфические (лексические) свойства этих понятий. В нашем исследовании такой целью является выявление образа, целостного системного объекта – семантической ситуации, стоящей за языковым знаком-предложением (или текстом) через посредство частичных семантических компонентов – объектов, их атрибутов и связей, отражающих существующие в реальном или возможном мире предметы, их характеристики и связи. Формально:

$$\text{СемС}_{\text{предложения}} = \sum = (S^2 \rightarrow (S^1 + Pr + O_d + O_i + Circ)) = ?$$

Соответственно усложнению эмпирического материала, построение, осознание и опознание объектов становится также значительно сложнее. Это находит свое объяснение в том, что появляется необходимость обозначения сути порождаемого понятия-объекта через слово (второй шаг диалектического понимания объекта [там же, с. 240]) и его определения посредством раскрытия свойств, извлекаемых из лингвистических данных (третья стадия диалектического понимания объекта [там же, с. 244]). Операция определения должна состоять из нескольких стадий, указывать не менее двух-трех признаков объекта: родовой (то есть нужно подвести данное понятие под другое, более широкое понятие или категорию), видовой (подвести под менее широкое понятие или субкатеорию) и специфический, указывающий отличительный признак объекта. Здесь возникают условия для производства превращенной формы определения – описания или развернутой формы определения. Описание отражает упорядочение и более конкретное содержание свойств многих форм объекта в качестве единой мысленной их картины. Описание есть четвертая стадия диалектического познания объекта [там же, с. 255]. Описания многообразны. Их превращенной формой является объяснение. Описание мы используем для словесного, вербального, «качественного» повествования о чувственно воспринимаемых свойствах объекта (перцепта). Объяснение – для синтетического воспроизведения всех чувственно и

рационально возникающих представлений о свойствах объекта. И описание, и объяснение мы детерминируем развитием форм объекта на чувственном и рациональном этапах познания. Объяснению присуща большая доказательность по сравнению с описанием. Степень доказательности образа зависит от уровня системности отображения объекта, которая должна быть максимально возможной при объяснении. Объяснение может осуществляться в форме устного или письменного изложения свойств объекта. Объяснение есть пятый шаг в диалектическом понимании объекта [там же, с. 269]. Конечной стадией познания объектов предстает обоснование, когда факты лингвистической действительности используются в качестве аргументов познания. Превращенной формой обоснования выступает объективация, которая происходит в творческом труде [там же, с. 279].

Таким образом, мы кратко перечислили диалектико-когнитивные условия порождения вторичного текста, обусловленные развитием теоретического и эмпирического объектов и их теории. Совершенно очевидно, что он не может быть монолитным в связи с осуществлением нескольких шагов диалектического понимания объекта-ситуации, в которых реализуются различные функции речи: сообщения, сигнификативная, обобщения, предикативная, побуждения к действию, эмоционально-выразительная, речевого и мыслительного развития.

2. ДИАЛЕКТИКО-КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОРОЖДЕНИЯ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА

В своем исследовании мы следуем развиваемой отечественной когнитивно-дискурсивной версии лингвистического исследования, базирующейся на лингвистических данных и использующей для решения поставленных проблем именно то, что может извлечь лингвист при анализе языковых явлений, единиц, категорий и различных языковых форм [85, с. 27-28], в связи с чем будем выделять в блоке вербализации такие виды «чистого», обусловленного только лингвистическими данными, текста, которые потребовали своей актуализации. Это три вида текста: встречный, гипертекст и вторичный текст. В терминах встречного текста мы вводим в теорию порождаемые продукты. В терминах гипертекста выражается единство графического (рисунки, логико-диалектические модели), математического (семантические уравнения) и вербального объяснения объекта. Понятие вторичного текста служит для доказательного предъявления произведенного объекта. Их основы в виде предпосылок, философских, методологических, психологических и других утверждений и в виде объектов, схем выводного теоретического знания мы заложили в процессе решения проблемы логической модели языка.

Теперь нам необходимо проверить ранее сделанные утверждения, касающиеся практики понимания, то есть укрепить ее эмпирическую базу, прояснить философские и методологические предпосылки, формализовать саму систему понимания-порождения-представления знания.

Нам следует прояснить теорию моделирования понимания путем минимизации исходных допущений, связанных с восхождением-нисхождением, а при необходимости сделать новые и т. д.

Нам предстоит сделать на другом материале выводы относительно того, где начинается и где заканчивается вторичный текст, из каких частей он состоит, какова его внутренняя структура, в какой последовательности реализуются его части и др.

Нам потребуются ввести номинальные определения (определения-требования) вторичного текста вместо имеющихся определений-

описаний; принять дополнительные соглашения относительно изучаемых эмпирических объектов в связи с принятым в исследовании глубоко гносеологическим способом производства и обоснования теории.

Совершенствование теории понимания как системного объекта мы осуществляем в условиях полноценного функционирования концептуальной структуры «язык» = «результат» восхождения. Эта структура создана по образцу «клеточки» – понятия в качестве его конструктивной единицы в процессе понимания текста научной дефиниции, порождения логической схемы опознания-предъявления конструкта посредством определенных типов высказывания (дискурса), образующих готовую вербальную структуру или вторичный текст.

Сконструированный теоретический объект обнаружил себя в реальном множестве результатов его развития. Ими явились: терминология, список основных понятий и их атрибутов, отношений между понятиями и атрибутами, иерархии, «охват», тернарные модели подмножеств, «системный блок и его системная магистраль – «шина», стандартные фреймы и др. [87, 158 и сл.]. Он обрел свою семиотическую замещающую форму, исходную наглядную форму своей субстанциональной систематики – онтогенетическую систематику классов слов или частей речи и классов синтаксических конструкций [там же, 191 и сл.] То есть содержание и структура созданной научной теории языка обрели новую форму своего хранения в памяти. Эта компактная нелинейная (объемная) группировка лингвистического знания занимает в памяти меньше места, получена путем переноса способа действий и повышения содержательности информации в тех же клетках мозга и теми же путями, что и в естественных науках. Этот способ действий обусловлен генетически-конструктивной деятельностью субъекта, основанной на оперировании абстрактными объектами. Таким образом, субъект познания осуществил движение от всеобщих, фундаментальных свойств теоретического объекта (значение, форма, функция) к сущностным, конституирующим его свойствам, произвел конкретизацию знания. Он совершил переход от объ-

екта язык «вообще» (как таковой) к его «чистым» формам и к его превращенным формам. Иными словами, он овладел языком как материальным предметом, то есть знанием о нем в новых знаковых материалах. Язык понят им как закономерность когнитивной деятельности, с ее когнитивными истоками и результатами. Это знание представлено абстракциями, аналогиями, схемами, отображающими структуру и природу процессов, протекающих в поле знания «язык». Оно логически и онтологически структурировано, следовательно, способно объяснить явления в области значений единиц, форм и категорий и может использоваться для прогнозирования поведения гносеологических объектов.

Исследователем были созданы условия, образцы порождающих процессов и теоретических продукций, текстов, представляющих эти продукции путем когнитивной обработки пучков исчисленных дефинитивных признаков терминологического текста, исключен интуитивный компонент лингвистического исследования, а методология лингвистики приближена к методологии естественных наук.

Тем самым он выяснил особенности теоретического уровня науки о языке в качестве сложной системы, включающей разнообразие типов теоретического знания и порождающих его познавательных процедур. Теперь, в соответствии с данными философии науки [133, с. 156], когнитологу предстоит рассмотреть другой тип лингвистического знания – знания эмпирического как второго основного уровня организации структуры научной дисциплины.

Для того чтобы осуществить второй тип познавательных процедур, порождающих эмпирическое знание, когнитолог использует новые условия.

Сама стратегия поиска знания – «восхождение – нисхождение», предполагающая строго детерминированный умственный процесс, который «угасает» в продукте, остается прежней.

Но меняется отображающее содержание языкового знака и его субстанция – это уже не текст явных научных дефиниций с отношением равенства объекта совокупности признаков, а общеупотребительное предложение, рассматриваемое как эмпирический термин. То

есть в качестве исходного материала для анализа выступают реальные тексты не науки, а жизни людей.

В настоящее время предложение-высказывание рассматривается как очень сложная языковая единица, связанная с действительностью, мышлением и состоящая из многих компонентов. Многоаспектность высказывания объясняет его неисчерпаемость для анализа.

Ученые говорят о глубокой аналогии между семантическим строением имени (отдельного слова) и семантическим строением предложения. И поскольку знаковый подход к имени не вызывает сомнений, он должен быть применен и к предложению [130, с. 10]. Аналогично слову в предложении-высказывании также выделяются две семантические сферы: с одной стороны, экстенционал, денотат, или референт, как обозначение факта действительности; с другой стороны, интенционал, сигнификат, или смысл, как некая мысль об этом факте. Смысл предложения лежит в интенциональной области, в то время как «истина» или «ложь» – в экстенциональной. Иными словами, истинность или ложность есть не проблема смысла, а проблема значения предложения.

Аналогично слову и предложению организована вся семантика в целом, то есть все содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей. Семантика распадается на две сферы: предметную, или денотатную, экстенциональную, и сферу понятий, или смыслов, сигнификатную, интенциональную. Обе сферы семантики в языке вообще строятся довольно симметрично, причем интенциональная, понятийная в значительной степени копирует в своей структуре экстенциональную, предметную [там же, с. 12].

Как известно, в лингвистике существуют две концепции семантики – узкая и широкая. Узкая концепция семантики делает своим предметом значение единиц языка и построенных из них языковых выражений. При широкой концепции семантики ее предметом, кроме того, является и смысл языковых выражений в конкретных условиях их употребления. Лингвисты, придерживающиеся узкой концепции семантики, стремятся в своих исследованиях не выходить за рамки лингвистического значения (семантика должна моделировать знание

языка, а не знание о мире). Лингвисты, работающие в прикладных областях, особенно в области создания систем ИИ, исходят из других предпосылок, поскольку им приходится иметь дело со всеми факторами, определяющими коммуникацию на естественном языке (ЕЯ), в том числе и экстралингвистическими. Такой ориентации в большей степени соответствует широкая концепция семантики. В рамках узкой концепции «семантическое представление предложения» трактуется как научный конструкт, соответствующий именно и только «лингвистическому значению» предложения.

В рамках широкой концепции семантики тот же термин получает иное осмысление. В этом случае в «семантическое представление предложения» включается вся информация (независимо от того, какой вид знаний является источником ее получения), которая может быть использована при осуществлении различных когнитивных, то есть связанных с обработкой информации, операций над текстом, частью которого является это предложение [76, с. 13-14, 67-68].

В формальной теории обработки и понимания текстов на естественном языке исходят из представления о том, что с точки зрения хранения в памяти конечные смысловые представления должны быть одними и теми же. Здесь выдвигается требование – чтобы смысловое представление непосредственно объясняло значение каждого предложения, в которое оно могло бы быть отображено. Под непосредственным объяснением подразумевается, что для каждого слова существует смысл, связанный с ним. Этот смысл представляется множеством простейших элементов, которые составляют смысловое представление. Никаких слов в смысловом представлении не существует и, таким образом, исключены случаи, когда одно слово отображается непосредственно в представление, а другое – в слово, которое затем отображается в представление. Таким образом, никакие слова не являются «более базовыми», чем другие. Необходимое время обработки каждого слова является, таким образом, просто функцией сложности его представления [153, с. 22].

В своей работе мы следуем узкой трактовке семантического представления предложения, ибо считаем, что именно специалисту-

лингвисту следует стремиться к нахождению способа его адекватного познания, переработки лингвистических данных в информацию.

В самом простом высказывании содержатся все важнейшие языковые антиномии, вся коммуникативная сложность языка: диалектика системы языка и процесса речи, коммуникативности и номинативности, языка и мышления, логики и грамматики, языка и действительности, грамматической формы и грамматической семантики, социального и индивидуального [115, с. 298-299].

И если смыслом теоретических терминов являлись идеализированные теоретические объекты, то смыслом эмпирических терминов (словарных дефиниций) являются особые абстракции, которые можно назвать эмпирическими объектами. Их следует отличать от объектов реальности. Эмпирические объекты – это абстракции, выделяющие в действительности некоторый набор свойств и отношений вещей. Реальные объекты представлены в эмпирическом познании в образе идеальных объектов, обладающих жестко фиксированным и ограниченным набором признаков. Реальному же объекту присуще бесконечное число признаков. Любой такой объект неисчерпаем в своих свойствах, связях и отношениях [133, с. 158].

Вследствие этого изменяется природа искомого идеализируемого объекта (образа, знания). Определяемый объект получает характер эмпирического, так как его определяющим признаком выступает теперь признак отображения возможного мира текста, состоящего из предметов, индивидов, сущностей, соответствующих интенционалам языка, и коррелирующего с внеязыковым миром [130, с. 17, 21]. Эмпиризм знания, извлекаемого и производимого на материале художественного текста, состоит в том, что через изучение семантики языковых знаков можно проникать в картину мира определенной эпохи, определенного этноса, конкретного лица или сообщества людей и т. д., то есть в концептосферу людей. Можно выяснять, что было важно для того или иного человека, народа в разные периоды его истории. А что оставалось вне поля его зрения, в то время как для другого народа это оказывалось существенным [113, с. 73-74].

Конкретизируем вышесказанное.

На теоретическом уровне знания в качестве основы языка-объекта выступили теоретические термины, смыслом которых явились теоретические идеальные объекты или теоретические конструкты. Это особые абстракции, которые рассматриваются в науке как логические реконструкции действительности. Ни одна теория не строится без применения таких объектов. Они выступают как результат мысленного конструирования, когда мы абстрагируемся от несущественных (в том или ином отношении) связей и признаков предмета и строим идеальный объект, который выступает носителем только сущностных связей. В реальности сущность нельзя отделить от явления, одно проявляется через другое. Задачей нашего теоретического исследования и было познание сущности в чистом виде. Введение в теорию абстрактных, идеализированных объектов позволило нам решить задачу построения концептуальной модели языка.

В данной работе мы обращаемся к вопросу о том, как язык, значения его единиц, форм и категорий служит эмпирическому уровню организации знания. Согласно философии науки система научного знания каждой дисциплины гетерогенна. В ней обнаруживаются различные формы знания: эмпирические факты, законы, принципы, гипотезы, теории различного типа и степени общности и т. д. Все эти факты относятся к двум основным уровням организации знания: эмпирическому и теоретическому. Соответственно выделяются два типа познавательных процедур, порождающих эти знания. В первую очередь эти уровни различаются по смыслам эмпирических и теоретических терминов, а также спецификой методов и характером предмета исследования [133, с. 158].

На эмпирическом уровне исследования в качестве специфических методов применяются мысленные аналоги реального эксперимента и реального наблюдения физической картины мира и ситуации в нем, метод эмпирического описания как превращенного определения, ориентированные на максимально очищенную от субъективных наслоений объективную лингвистическую характеристику изучаемых явлений. Вербальная интерпретация-обоснование на этапе восхождения и доказательство на этапе нисхождения вызывает у субъекта по-

знания необходимость активации функции речи в ее логических качествах, образующих своеобразный содержательный «язык логики высказываний» или искомый «чистый» логический вторичный текст. Семантика этого языка содержательной логики высказываний проста: значениями атомарных формул являются истина и ложь.

Эти особенности средств и методов связаны со спецификой предмета эмпирического и теоретического исследования. На каждом из этих уровней мы имеем дело с одной и той же объективной реальностью – языковым значением, но представленной по-разному. При изучении терминологических единиц языка и их дефиниций как выражений, устанавливающих равенство по определению, мы нашли методологическое объяснение постоянных корреляций и связей, обнаруженных между структурами языка и структурами знания. На данном этапе мы описываем путь конкретизации выявленных метапроцедур понимания-порождения-представления ментального продукта как системного объекта. При этом в фокус рассмотрения, в соответствии с общей целью исследования, помещаем аспект символического (вербализованного) представления этого продукта. Вновь суть названного целостного акта понимания-порождения-представления (познания) обуславливается «восхождением-нисхождением» или системным анализом в качестве прикладной диалектики, который дает образец для организации деятельности на тексте по задачному типу. Вновь духовной движущей силой деятельности лингвиста как познающей личности в изменившихся условиях выступает познавательное противоречие. Как мы неоднократно указывали ранее, движение нашей мысли при изучении деятельности разума в процессе целенаправленного понимания определяется философским учением о знании и закономерностях познавательного отражения, о всеобщем в познавательных взаимоотношениях субъекта и объекта. Поскольку именно «восхождение», будучи использованным в качестве метода, является общей предпосылкой для реализации внутренних механизмов перехода от эмпирического к теоретическому и позволяет определить общие условия и течение процесса когни-

тивной переработки информации в ходе построения репрезентации как познавательной деятельности [80, с. 141].

В настоящей работе мы представляем путь его применения как метода познания, обеспечивающего построение объемных структур знания, обусловленных согласованием системности знания о языке, системности реального мира и системности возможного мира текста на любом уровне генезиса гносеологического образа и их перехода в значение, в вербальную форму. Искомую предметную область мы ограничиваем форматом «семантическая ситуация» или единство «объекты, атрибуты и связи», которое позволяет рассматривать распознаваемый объект как целое, состоящее из структурных частей, связанных между собой пространственными отношениями [149, с. 51]. Таким образом, мы создаем исходную тернарную трехзвенную форму гносеологического эмпирического объекта ситуация «вообще», основываясь на важнейшей предпосылке «восхождения» – предварительном представлении о внешних и внутренних контурах объекта, о его целостности. Оно не есть еще расчлененная целостность, но целое, схваченное в его общей специфичности. «Начало» становится тем же «результатом», они совпадают постольку, поскольку явления совпадают с сущностью. Движение от «начала» к «результату» получает характер систематического обогащения «начала» сущностными характеристиками объекта. Получается поступательность и круговое движение познания.

Иначе говоря, мы предлагаем всецело принять «восхождение» в качестве закона понимания (мышления) как научного лингвистического познания и посмотреть, распространяется ли наш вывод о необходимости и возможности спецификации общенаучной модели познания применительно к новой субъект – объектной ситуации, в которой действуют те же факторы.

Такое развитие теории отвечает методологической норме создания новой концепции, непременным компонентом которой является ее экстраполяция на новые возможные факты [56, с. 99; 42, с. 286; 25].

Как и в случае привлечения категорий «значение», «форма» и «функция», в процессе производства знания о языке, при анализе эмпирического материала мы обращаемся к философской категории «вещи, свойства и отношения» в качестве категориальной (содержательной) матрицы картины мира, необходимой для нашего исследования. И вновь применение развитых в философии категорий в конкретно-научном поиске приводит к обогащению категорий и развитию их содержания [133, с. 211].

На данный момент в лингвистике текста только намечается путь исследования содержания процесса языкового познания [53, с. 73], который определяется учеными как переход от значений к знаниям [71, с. 209-210]. Ученые - психолингвисты констатируют необходимость разграничения и в то же время объединения двух видов понимания текста – осмысления, включающего спонтанную интерпретацию и переживание понимаемого и целенаправленной интерпретации с признанием того, что второй вид понимания невозможен без первого, базового.

Ими вполне осознается потребность в разработке интегративного подхода к этому процессу.

А. А. Залевская указывает, что этот подход должен не просто учитывать данные ряда наук, но служить специфической «системой координат», базирующейся на единой теории психических процессов. При этом особую значимость получает выявление механизмов спонтанного семиозиса, без чего едва ли можно успешно продвинуться на пути к разгадке секретов работы понимания [48, с. 72].

Наша познавательная деятельность вновь получает характер информационно-конструктивной деятельности и направлена на получение «чистого» познавательного продукта или гносеологического образа, оперирование им и его представление.

Напомним трактовку понятия знания в теории познания диалектического материализма, которой мы следуем в наших рассуждениях. Гносеология традиционно рассматривает получение знания как процесс, в котором находит выражение диалектика относительной и абсолютной истины. При трактовке знания в узком смысле под элемен-

том знания понимается мыслительная конструкция, которая может быть оценена как истинная, – то есть суждение. При широкой трактовке знания оно понимается как результат адекватного отражения действительности в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий, фиксируемого в форме знаков естественных и искусственных языков [3, с. 222].

В нашем исследовании обнаружилась необходимость обращения к обеим приведенным трактовкам знания. При поотдельной обработке содержательных признаков значений (сем) имеет место симметричное производство либо частичной, либо целостной продукции, следовательно, и элемента знания, и целостного представления, понятия, образа и под.

В связи с этим для обозначения и элемента знания, и его целостного образования, то есть для обоих видов мыслительной продукции мы вводим понятие «чистого» продукта понимания-познания. Под «чистым» продуктом имеется в виду выявляемая в процессе познания-понимания диалектическая последовательность свойств частей и целостного объекта «семантическая ситуация», которая представляет собой последовательное уточнение свойств этого объекта на основе различных лингвистически доступных подходов к детерминирующему это понимание множеству форм, способствующих окончательно определению понятия ситуации.

Определение и формализация конфигурации искомого знания, получаемого в процессе понимания художественного текста как «семантическая ситуация $(\text{СемС}) = (S^2 \rightarrow (S^1 + \text{Pr})) = x$ » или «совокупность семантических ситуаций $(\sum \text{СемС} = x)$ позволяет рассматривать ее в качестве предметной области (совокупности взаимодействующих объектов), подпадающей под общенаучное определение системы.

Обнаруженное нами эффективное определение системы как «множество элементов вместе с совокупностью отношений между этими элементами или между их свойствами» [69, с. 252; 95, с. 183], наряду с системными же моделями реального мира и возможного мира текста, приводит к возможности регулярного применения приема тернарного мышления и, следовательно, трехмерного моделирования

объектов. Именно такое понимание системы позволяет разграничить две ступени абстракции: семантические формы мышления или языковые образы как более низкую ступень абстракции и логические формы мышления как более высокую степень абстракции. Тем самым появляется возможность рассматривать эти две формы мышления «как одну сферу вербального (языкового) мышления, в которой диалектически взаимодействуют отдельное (семантическое) и общее (логическое)» [83, с. 37]. Иными словами, взаимоотношение между языком-системой и системой возможной действительности текста находит свое связующее звено – посредника в виде логической формы мысли – «системы» = множество элементов – объекты, их свойства – атрибуты, совокупность отношений между элементами или между их свойствами – связи. Единый признак системности «пронизывает» все три объектно-ориентированные конструкции, что позволяет исследователю в любом предложении вскрывать зачатки всех элементов диалектики (как в «ячейке» («клеточке»)) и применять по отношению к нему всю совокупность гносеологической методологии [83, с. 37, 39]. Эту конструкцию можно представить в виде упрощенного системного фрейма, включающего 3 слота и 3 скрипта или матрицы 3 x 3. Эта клетка-конструктор эмпирического объекта принципиально отличается от статичной и постоянной матрицы теоретического объекта (разделы 2, 3 третьей главы).

Разница состоит в том, что дальнейшее развитие образа ситуации в процессе выявления семантики предложения позволяет обнаружить и отобразить ее динамизм и изменчивость в зависимости от семантической и прагматической составляющих знака.

То есть в процесс рационально выявляемых свойств развивающегося объекта вовлекаются аспект «привязки» ситуации к пространственно-временному континууму и аспект участия отражающего лица (субъекта НКЛ – наблюдения, коммуникации и оценки согласно нашей семиотической системе языка).

В полном согласии с материалистической теорией отражения соотношение между тремя системами, представленными тремя компонентами, в процессе понимания находит регулярное употребление

в качестве неперменного оператора «производственной» деятельности. Механизм понимания как процесса и результата порождения смысла понимаемого [52, с. 166] или производства знания получает вид: «возможный мир» (вещи, свойства и отношения) → «система» (логическая форма мысли, формализм – посредник) → «семантическая форма мысли» (проекция текста «объекты, атрибуты и связи»).

Трехуровневость и трехчленность этого конструкта и формируют в новых условиях все ту же «клеточку» знания – матрицу нового содержания, но эта матрица получает реальный физический объем, передавая тем самым идею пространственно-временных отношений между объектами и их свойствами и точек «роста» знания (рис. 1).

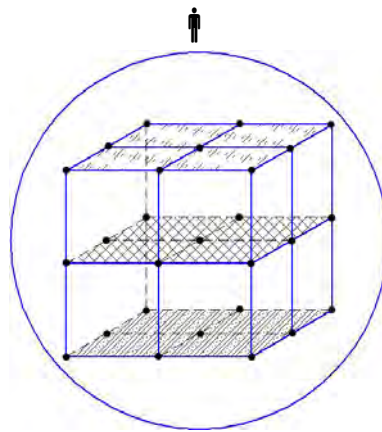

Рис. 1. «Матрица ситуации»

Использование формата знания «семантическая ситуация» или «объекты, атрибуты и связи» в качестве проекции смысла текста, который производится посредством ряда этапов становления и формирования, полностью отвечает содержанию психологического понятия динамической смысловой системы решения мыслительных задач [89, с. 149]. Мы уже отметили выше, что под образом ситуации, или образом содержания текста, мы понимаем образ стоящей за текстом действительности [89, с. 142]. Таким образом, целью понимания текста при рациональном способе предстает ментальная модель «система изображенной картины возможного мира». Этот процесс описывается психологами как формирование, развитие и сложное взаимодействие операциональных смысловых образований разного вида. К этим об-

разованиям относятся, в частности, операциональные смыслы элементов, операциональные смыслы ситуации и операциональные смыслы цели [89, с. 149]. В качестве центрального структурного образования динамической смысловой системы решения задач рассматривается смысл конечной цели, который проходит ряд этапов становления и формирования. Под воздействием этой целостной модели знания и происходит развитие смысла ситуации, «опосредованное развитием операциональных смыслов элементов ситуации» [89, с. 149]. В свою очередь, на основе вербализованных смыслов ситуации только и могут осуществляться конкретизации смысла цели. Этапы конкретизации смысла цели закономерно чередуются с этапами формирования смыслов ситуации. Одновременно смысл конечной цели определяет формирование смыслов промежуточных целей, которые, в свою очередь, определяют избирательность и регуляцию деятельности на стадии поиска решения и, в конечном счете, формирование и развитие операционального смысла ситуации в направлении, прежде всего, его сужения [89, с. 149]. Значения так же, как и смыслы, генетически неразрывно связаны с деятельностью. В реальной речевой деятельности значение и смысл слова слиты и «нужно специальное усилие аналитической мысли, чтобы встать над этим интересом и уловить раздельность смысла и значения» [89, с. 380]. Смысл и значение, кажущиеся слитными в сознании, имеют, тем не менее, разную нейрофизиологическую основу, разное происхождение, изменяются по разным законам. Смысл – не конкретизация значения; скорее смысл конкретизируется в значениях (как мотив в целях). Смысл служит эквивалентом мысли; объективированная, воплощенная в материальной среде мысль обнаруживает себя как смысл (предмета, события). Смысл есть «инобытие» мысли, когда она объективируется в человеческой речи, в текстах, в актах поведения и готовых продуктах человеческой деятельности [137, с. 28].

Далее мы покажем, как методология построения и само понятийное знание о языке со встроенными в него онтологиями, а также и выявленная познавательная деятельность в рамках гносеологической системы «восхождение-нисхождение», имеющиеся в распоряжении

исследователя в качестве операторов, служат уточнению условий и методологии порождения вторичного текста. Здесь уточняются ментальные условия, моменты познания, где начинается и где заканчивается действие представления произведенного знания путем вербализации-аргументации как точки «произрастания» вторичного текста, какова ее внутренняя структура, из каких частей она состоит, в какой последовательности эти части реализуются. Ее содержание нацелено на наблюдение и объяснение влияния, оказываемого художественно-текстовым знаком «в трех аспектах его бытия» – синтактикой, семантикой и прагматикой на когнитивную систему познающего субъекта в процессе осуществления деятельности по его пониманию и производству вторичного текста.

Выведение в фокус рассмотрения процесса порождения объекта как исследуемого множества его форм (первичного множества), его элементов как подмножеств (вторичных подмножеств) и т. д. позволяет обнаружить диалектические аспекты становления систематики форм объекта.

Среди них: а) историю (генезис) становления всего множества форм объекта (филогенез), б) структуру форм объекта в данный момент времени (актуальную и генетическую), в) гносеологическую последовательность свойств объекта, г) историю мысли об объекте, д) онтогенетическое развитие объекта [25, с. 252].

Объектом исследования является художественный текст, смыслом которого, согласно принятым нами представлениям [67], является его проекция в виде ментальной структуры «объекты, атрибуты и связи» или «семантическая ситуация» (СемС), что соответствует в диалектике мышления сущности «чистой» формы объекта [25, с. 266].

В отличие от качественных характеристик атрибутов теоретических объектов-понятий, порождающих структурно стабильные, постоянные репрезентации, формирующиеся в результате действий, организованных концептуально, этот же тип атрибутов эмпирических объектов-понятий обнаруживает структурно нестабильные, непостоянные репрезентации. Количественные характеристики атрибутов

теоретических и эмпирических объектов-понятий предстают структурно изменчивыми, текущими, временными репрезентациями, порождаемыми в процессе реализации процедур, приуроченных к конкретным семантическим условиям.

Мы представляем основы построения тернарной модели и теории диалектического понимания-порождения-представления эмпирического знания путем применения методологии «восхождения-нисхождения» как метода познания, который позволяет мысленно согласовать системность лингвистического знания, системность реального мира и системность возможного мира текста на любом уровне генезиса гносеологического образа. При этом предложение рассматривается как знак, предметный смысл которого адекватно отражает действительность, стоящую за ним, опосредованную созданной концептуальной моделью предметной области «язык».

Нами всецело принимается закон «восхождения» в качестве генетического конструктивного метода понимания (мышления) как научного познания. То есть обоснование нашей теории мы осуществляем в терминах метода восхождения. Семантический признак – оперативная единица нашего сознания – рассматривается как «клеточка», система признаков или понятие как «начало» и целостный образ ситуации как «результат» последовательного умственного построения мысленно-конкретного объекта. Восхождение как научный метод (как объективный закон субъективного познания), который, как мы говорили ранее, как бы отодвинуто на периферию лингвистических (и не только) исследований, с позиции организации процесса производства знания (познавательного отражения) получает второе дыхание.

Под моделью состава понимания (модель состава системы – модель, описывающая, из каких частей или подсистем и элементов состоит система, [106, с. 76-79, 357]) понимаем части в проектируемой системе объекта «понимание-порождение». Такими частями предстают этапы развития знания в процессе понимания, которые являют собой единство эмпирического и теоретического познания с выделением в нем моментов чувственного и рационального отражения.

Под моделью структуры, описывающей все отношения (связи) между элементами модели состава системы [106, с. 79, 82, 357], предлагается понимать фазы генезиса гносеологического образа в виде его зарождения, становления, созревания, завершения как искомого в процессе реализации задачной деятельности на построение абстрактного объекта – проекции текста.

Как мы уже отмечали ранее, в связи с нацеленностью понимания на извлечение и производство «чистого» знания, выявляемого только из лингвистических данных, мы намеренно абстрагируемся от раскрытия экстралингвистического фона текста – времени создания, историко-культурной информации, связанной с именем автора, личности и судьбы автора и т. д. [10, с. 216-225; 8, с. 30-34].

Осуществление данной стратегии становится возможным благодаря выполнению необходимых условий в виде построенной Базы лингвистического знания и выявленной технологии рационалистического понимания, в которой ментальные процессы, связанные с обслуживанием задач циклов и фаз развития познавательного образа, а также с конкретной/признаковой семантикой компонентов порождаемых ментальных пространств, находят свое выражение путем межсемиотического перевода. Этот перевод требует применения различных языков. Так, например, ярко выраженная конкретная семантика языка сказки легко находит себя в картиноподобных знаках, чего нельзя сказать о признаковых смыслах, требующих своего представления в формульном или вербальном коде. Необходимость «протокольной», «документальной» фиксации хода и результатов решения комплексных задач понимания вовлекает и аналоговый, и символический коды в различных их пропорциях и формах.

Познавательная деятельность приобретает характер когнитивно-дискурсивной деятельности в рамках восхождения, что позволяет говорить о порождении нового вида текста – своеобразного встречного и итогового гипертекста в качестве нового способа, инструмента и новой технологии немашинного понимания. По мнению теоретиков, гипертекст способствует освобождению мышления и даже возникновению его новых форм, является более выразительным способом

схематического обнажения соотнесения понятий посредством единства графического, математического, вербального объяснения объекта [10, с. 32; 25, с. 132, 256; 1, с. 228-229].

Существенным в аспекте изучения динамики порождения вторичного текста в процессе понимания исходного текста является использование содержания понятия номинации. Номинация тесно связана с понятием денотата. Денотат есть содержание номинации. Формой же номинации служит то знаковое образование, которое возникает на данном шаге формирования текста и выражает данный денотат. Понятие номинации сопряжено с понятием текста. Эти понятия настолько близки, что на каком-то уровне абстракции могут отождествляться. И текст, и номинация – это продукты речевой деятельности, это двусторонние знаковые образования, в то же время и семиотические процессы, направленные на объекты внеязыковой действительности. И номинация, и текст образуются посредством одного и того же механизма – предикцирования, то есть приписывания объекту, точнее – денотату, некоторого признака. Но текст при этом обращен к реме образуемого предложения, а номинация обращена к денотату, теме этого предложения. Если верно положение, что как текст, так и номинация являются и процессом, и результатом речевой деятельности, то есть основания утверждать, что номинация в большей степени результативна, а текст – в большей степени процессуален. Можно также сказать, что номинация тяготеет к свертыванию, тогда как текст – к развертыванию. При всем различии текста и номинации они предполагают друг друга. Их можно искусственно развести и рассматривать независимо друг от друга, но в речевой деятельности они столь тесно связаны, что составляют органическое единство. С одной стороны, текст в процессе своего образования вынужден опираться на номинацию, созданную на предшествующем шаге деривации. Чтобы денотату был приписан определенный признак, денотат уже должен быть обозначен, то есть предстать в форме номинации. Для текста номинация – это некоторая фиксированная позиция, отталкиваясь от которой можно идти к следующей. Следовательно, текст как процесс включает в себя номинацию [97, с.43-44]. Понятие номинации вовле-

кает за собой в когнитивное оперирование сопряженное понятие категории. По Гегелю, категории – это законы, в которых мы вообще все мыслим, без которых нет научного мышления и познания. В чем заключается функция категорий? Ответ на этот вопрос гласит так: категории имеют своей задачей обобщение и установление отношений, связи и порядка явлений [32, с. 19]. Ср. с мыслью М. Хайдеггера о называющем выставлении, выставяющем назывании, открывающем, обнаруживающем назывании. Философское понятие категории – называющее выявление вещи в том, что она есть. Причем так, что через это называние как бы само сущее получает слово в том, что оно само есть, то есть выходит на свет и в открытость публичности... – Короче, всякое слово, высказывающее нечто сущее в его сути и тем извещающее, как сущее выглядит и существует. Категория есть называние сущего в том, что собственно присуще его виду, то есть собственное имя, взятое во вполне широком смысле. Та или иная категория – это некое слово, которым вещь «схвачена» в том, что она есть [142, с. 84], язык сам создает новые сущности путем их номинальных определений [84, с. 12].

Особого рассмотрения заслуживает, в связи с выделением в едином процессе познания линии порождения нового знания, понятие идентификации. Мы ограничимся здесь тем, что просто уточним то содержание, которое нами используется в процессе анализа материала. Как указывает А. А. Залевская, в психологии познавательных процессов этот термин используется в значении «процесса сопоставления, сличения одного объекта с другим на основании какого-либо признака или свойства, в результате чего происходит установление их сходства или различия».

Благодаря процессу идентификации происходит распознавание образов, образование обобщений и их классификация, анализ знаковых систем и т. д. Таким образом, идентификация – это и процесс, и результат. Опорными элементами процесса идентификации являются признаки и свойства, а сам процесс /точнее – некоторая совокупность процессов/ включает распознавание, обобщение, классификацию, анализ, в то время как результатами этих процессов оказываются рас-

познанные образы, сделанные обобщения и классификации и т. п. [46, с. 96-97].

Нельзя не упомянуть и о психологической трактовке узнавания как фундаментального принципа психического отражения, на которую мы опираемся, преломляя к нашему признаковому содержанию значений. Какие бы конкретные формы узнавание ни приобретало, оно является начальным этапом цепи интегративных процессов, включающих самосборку определенных элементарных структур и организацию упорядоченных структур более высокого порядка [46, с. 97].

Изучение избирательности узнавания новых абстрактных сущностей, порождаемых в процессе понимания, направляющей встречный поиск со стороны субъекта психического отражения, преломленный через его мотивы и потребности, с учетом конкретной семантической ситуации должно составить предмет специального лингвистического исследования.

2.1. Анализ научных данных о состоянии проблемы порождения вторичного текста в междисциплинарном знании

Проблема порождения точного, логического текста, как одной из форм представления порожденных в процессе понимания исходного текста точных же структур знания, продолжает оставаться одной из самых сложных в науке и почти незатронутой в лингвистике [30; 36; 54; 143; 91]. Отчасти это можно объяснить сложившимся мнением о том, что единого, однородного целостного процесса понимания не может быть, как не может быть такой теории понимания, которая одновременно была бы и общей и частной [22, с. 162, 204], что логическая структура операций объяснения и понимания не особенно ясна. Относительно понимания даже предполагается, что оно вообще лишено отчетливой, допускающей расчленение структуры и не способно быть объектом логического анализа [56, с. 413]. Логический уровень анализа лингвистического материала, дающий единство форм работы с одинаковыми формами мышления, как и при анализе математического материала, при этом не учитывается.

Традиционным, логически абсолютно корректным, распространенным в теории языка и в практике общения субъекта с текстом является мнение, что вторичные – это суть те тексты, которые создаются (порождаются) в результате различного рода аналитико-синтетической обработки соответствующих первичных (исходных). Ученые-лингвисты относят к таким продукциям перевод, пересказ, сделанный близко к тексту, и пересказ своими словами, тексты-примитивы.

Это подробное и сжатое изложение, сочинение, отзыв, реферат, реферативный перевод.

Это также аннотация, набор ключевых слов, конспект, набор основных тезисов, планы, сводки, отчеты, инсценировка, рецензия, послесловие и др. [75; 127; 135; 58, с. 153; 100; 98, с. 133-134, 157; 99; 157, 158].

При построении этих типов вторичного текста не преследуется цель создать особую действительность (или смысл) при статической фиксации процессов понимания, как и не рассматриваются возможности анализа мыслительных (и шире – психических) актов и управления (моделирования) рассуждениями. При этом между изображением и тем, что изображается, не устанавливается полное соответствие, ибо само изображаемое не получается путем простого удвоения изображения и приписывания одному из дубликатов статуса объективной сущности. При традиционном подходе не создаются условия для возможности объединения процессуальных характеристик понимания и структурных характеристик смысла в едином системном представлении актов понимания-осмысления [155, с. 561-563].

Направленность нашего исследования предполагает наличие в лингвистике (и, следовательно, в дидактике, для которой имеют исключительно важное значение как сам вторичный текст, так и такие его показатели, как полнота, точность, объем, глубина, степень свернутости, развернутости и под.) устоявшегося знания о том, из каких единиц следует его производить. Традиционно таковыми считаются единицы языка, изучаемые лингвистикой, которые принципиально воспроизводимы неограниченное количество раз в неограниченном

количестве высказываний. Только благодаря этой воспроизводимости они и могут быть единицами языка и выполнять свою функцию [13, с. 306].

Но несмотря на то, что порождение и понимание текста является центральным объектом и основной проблематикой исследования лингвистики текста, как ее теория, так и практика изучают, в основном, механизмы порождения речи, а не текстов как целых речевых произведений в единстве их признаков и категорий, характер деятельности человека при рецепции текста, а не при его продукции [17; 151, с. 13, 24; 104, с. 92].

Общим для таких текстов является тот факт, что формированию их замысла предшествует осмысление другого («чужого») текста, причем это осмысление изначально ориентировано на последующее выражение осмысленного в соответствии с «законом жанра». Однако, имея вторичность как общее свойство, вышеназванные тексты являются далеко не одинаковыми по качеству и степени полноты представления своего первичного текста. Отличаются они и типом и степенью самой вторичности [98, с.134].

В настоящем исследовании к «вторичному» тексту предлагается относить творческий синтетический вербализованный текст как превращенную форму логического – «чистого» текста, порожденного в качестве языка представления проекции первичного (исходного) текста как «чистого» продукта его понимания в процессе «восхождения».

В методологическом лингвистическом анализе отмечается, что производство и верификация утверждений, делаемых на основании анализа значений единиц реального дискурса, оказывается сопряженной с совершенно непривычными для лингвиста подходами. Она требует либо трудоемкого повторного анализа обширного материала, либо предъявляет несравненно более жесткие, чем это привычно для лингвистики, требования к проверке корректности уже не только исследовательских методов, но и процедур их применения. Само понятие дискурса в современном научном знании раскрывается по-

разному, это одно из самых неоднозначно используемых понятий в современной науке [73; 146, с. 249].

В значении «упорядоченной согласованной мысли», «предмета мысли» употребление «дискурса» восходит к латинскому «discursum», означающему «бегство к и от», и в английской, и французской литературе обозначает контролируемый мыслительный процесс. Результат этого процесса должен быть упорядочен, согласован и логично вписываться в идейный контекст, будь то проповедь, научный трактат, речь или очерк. Этот термин часто используется для обозначения устных форм в противоположность письменным. В последние годы по аналогии с понятием «текст», которое стало употребляться применительно к любому предназначенному для интерпретации набору знаков, а не только языковому, дискурс стал подчеркивать ситуативность текста.

Использование дискурса для описания типов мышления связывается с работами конца 60-х годов XX в. француза Мишеля Фуко, в 80-е уже считается, что дискурс не описывает мир, а формирует его, является сутью познания и самовыражения.

Различные ученые по-разному подходят к изучению и представлению систем семантических образов. А. Н. Леонтьев применяет термин «семантические пространства», Ф. Джонсон-Лэрд – «ментальные модели», М. Минский – «фреймы», Р. Шенк и Р. Абельсон – «сценарии», Т. А. ван Дейк – «модели ситуаций и когнитивные модели». Иными словами, речь идет о моделировании высших интеллектуальных процедур, вербализации латентного знания (репрезентаций).

Исследования процессуальных аспектов категоризации и концептуализации открывают новые горизонты перед дискурсивной семантикой. Вербализация и объективация определенного содержания, представленная в акте речи, знаменует собой работу с информацией, когнитивный процесс, рождающийся в процессах познания и восприятия мира [38, с. 46, 47]. Дискурс обозначает процесс порождения высказывания/текста и характеризует все те факторы, которые существенны в связи с системой прагматических и когнитивных установок автора, взаимодействующего с адресатом. В этом случае очевидно

разделение текста как готовой вербальной структуры и дискурса как процесса, приводящего к ее созданию. Дискурс обозначает особое, систематизированное и упорядоченное так и не иначе употребление языка, за которым встают свои особые тексты; это языковой коррелят к определенной общественной практике и способу мышления. Продуктивными представляются в массе подходов те, которые учитывают когнитивное и коммуникативно-прагматическое пространство текста, входящего в новую исследовательскую дихотомию «текст – дискурс», которые выдвигают в центр внимания диалектическое единство результативности и процессуальности текста [146, с. 251-252].

Многогранность феномена «дискурс» и возможность его изучения с различных позиций объясняет обилие классификаций дискурсов мира [38, с. 49]. Тем не менее среди них не нашел еще разработку фундаментальный тип лингвистического дискурса, порождаемого в процессе рационалистического понимания текста методом «восхождения», имеющий целью обоснование генерируемых познавательных образов подобно тому, как в математике строится доказательство с помощью исследования, в процессе которого открывается это доказательство, строится «маленькая» теория. Хотя об активном характере понимания текста ученые говорят давно и много [97, с. 156]. Очевидно, лингвистическая деятельность по осознаваемому пониманию прежде должна иметь в своем составе «открытия» образов (смыслов) наподобие теорем, должна находить признаковое, понятийное, категориальное содержание доказательства прежде, чем строить это доказательство. То есть процесс рационалистического понимания в лингвистике должен имитировать процесс исследования в математике и быть ориентирован на получение новых, расчлененных знаний о логических объектах картины мира, лежащей за текстом.

Текст как результат использования системы языка и каких-то ее строевых элементов, восприятие текста и наблюдение за тем, как он функционировал и как он использовался тем, кто создал данный текст, отношение значений языковых элементов к познанию не выступают объектом основной линии собственно лингвистических ис-

следований [86, с. 5; 51, с. 17]. Объектом магистрального направления отечественных исследований, посвященных изучению языка в действии, является преимущественно речевая деятельность, протекающая в беспрестанном чередовании процессов создания текста и его восприятия, в круговороте говорения и слушания, лишь со стороны механизмов порождения. Под термином «порождение речи» понимается процесс речевой деятельности, наблюдаемый, когда начинает звучать речь или когда на бумаге начинает фиксироваться определенное высказывание [86, с. 4-5, 11].

Концентрация направлений исследования на процессах производства речи объяснима – она реализуется в звуках или графических знаках, то есть наблюдаема. Производство же вторичных текстов неразрывно связано со вторым главным процессом речевой деятельности – пониманием и оречевлением продуктов понимания, а эта сфера таит в себе много неизвестного. Интерес ученых к проблеме порождения речи и текста возник не сегодня. Еще с середины 50-х годов понятие порождения речи в лингвистике становится ключевым. Сам термин «порождение речи», по своему происхождению связанный с генеративной грамматикой, приобретает новый смысл – начинает связываться с исследованием реального процесса протекания речевой деятельности. Им обозначается весь сложный процесс создания речевого высказывания – от самых его истоков в мыслительной деятельности человека до завершающих стадий оформления мысли в слове и передачи ее в целом тексте [145, с. 4].

Ученые-лингвисты, психолингвисты, психологи, дидакты, специалисты по искусственному интеллекту создают целый ряд теорий и моделей порождения речи и текста. Среди них – Т. А. Аполлонская, Т. В. Ахутина, В. П. Белянин, Л. С. Выготский, Ю. Галантер, Н. Голдман, В. Н. Дружинин, И. А. Зимняя, С. Д. Кацнельсон, А. Е. Кибрик, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, Н. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, Дж. Миллер, А. И. Новиков, Р. Г. Пиотровский, К. Прибрам, Т. В. Рябова, Л. В. Сахарный, Д. В. Ушаков, Н. Хомский, А. М. Шахнарович, С. В. Юртаев и др.

Глубокий анализ как зарубежных, так и отечественных концепций, сложившихся в «докогнитивный» и когнитивный периоды развития науки о языке, осуществляется в целом ряде теоретических исследований, а их конструктивные результаты находят свое применение в практических разработках. Рассмотрению подвергаются генеративные, уровнево-синтаксические, сценарные модели, модели управления вариациями языка, психологические, «деятельностные», «коммуникативные», «когнитивные» и др. модели [145, с. 33-46; 134; 122, с. 50-63, 1999; 78, с. 150-169; 115, с. 313-314].

Эти модели различаются между собой ориентацией на восстановление разных аспектов речевой деятельности и преследуют разные цели. Лингвистические модели порождения речи ставят своей задачей освещение роли языковых явлений, единиц, категорий и т. п. в речевой деятельности, подробное описание конкретных условий и особенностей протекания процессов порождения речи. Психолингвистические модели отражают суть и характер психических процессов в речемыслительной деятельности, структуру этой деятельности. Процедурные модели возникают в контексте создания машинных программ или методов программирования. Они тесно связаны с когнитологией, в рамках которой происходит пересмотр многих традиционных представлений психологии и лингвистики, и направлены на изучение когнитивных, познавательных процессов, а также способов получения, хранения и использования структур знания.

В целом же (и это стало общим местом рассуждений даже в учебных пособиях) ученые приходят к выводу о том, что многие внутридисциплинарные теории и модели речепроизводства близки и, в сущности, больше дополняют и уточняют друг друга, чем противоречат друг другу. Поэтому можно считать, что все они отражают единое направление в трактовке процессов речепорождения [14, с. 85].

Как отмечает Е. С. Кубрякова, в силу различия в исходных установках моделирования в этих типах моделей освещаются разные стороны речевой деятельности, а итоги анализа формулируются в разных системах терминов и понятий. Разделение труда, вполне оправданное в целях более полного и адекватного постижения свойств объ-

екта, приводит, однако, к тому, что описания всего цикла порождения речи – от замысла до реализации – с единых позиций еще нет. До сих пор нет разработанной теории контролируемой и осознаваемой речи, хотя создание такой теории имело бы огромное теоретическое и практическое значение для совершенствования обучения чтению и письму, родному и иностранному языкам, подготовленного и неподготовленного продуцирования речи.

Из-за исключительной сложности такого описания все попытки охарактеризовать структуру и особенности речепорождающего процесса в полном объеме носят и в настоящее время по вполне понятным причинам лишь предварительный характер [145; 90, с. 154-155; 82, с. 133].

Но ведь все то, что можно принять – и что лингвистика склонна слишком легко и охотно принимать, – за стабильные языковые объекты, то есть все те «конечные продукты» языковой деятельности, которые говорящий производит сам и которые он получает от других говорящих, являются таковыми лишь при самом поверхностном рассмотрении. Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в разговоре – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта [81, с. 19-20]. Это не есть «чистый» продукт, знание, очищенное от всевозможных информационных наслоений – фоновых, объективных, субъективных – и транслируемое реципиенту. При построении подобных типов вторичных текстов между изображением и тем, что изображается, не устанавливается полное соответствие, ибо само изображаемое не получается путем простого удвоения изображения и приписывания одному из дубликатов статуса объективной сущности. При сложившейся традиции приблизительного, интуитивного понимания сообщаемого и воспринимаемого текста не преследуется цель создать особую действительность или смысл, как не рассматриваются возможности анализа мыслительных и шире – психических актов и управления (моделирования) рассуждениями. Отчасти сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что лингвистика устранилась от ре-

шения проблемы осознанного понимания, с которым производство вторичного текста связано неразрывными узами.

Попыткой преодолеть на практике отсутствие в научном языковедческом знании теории и процедур порождения вторичных текстов можно считать исследование С. В. Юртаева [157; 158]. Автор делает неутешительный вывод о том, что в распространенных лингвометодических трудах отсутствуют определения понятий «язык» и «речь», во многом не ясна понятийная опора этих исследований. Ученый на основании изучения описаний процесса порождения речи, выполненных Н. И. Жинкиным, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьевым, И. А. Зимней, Т. М. Дридзе, Т. В. Ахутиной и др., приходит к выводу, что изучение процесса конструирования текста является изучением процесса его формирования. В этом процессе в конкретной ситуации общения, осознав цель высказывания, последовательно выбирая семантические единицы, школьники придают форму означаемому, устанавливают синтаксические связи между предложениями, строят синтаксические конструкции более обширные, чем предложения. Проследить тенденции формирования текста – это выявить значения, которые реализуют элементы грамматического строя речи. Выявить место, назначение этих элементов, выявить связи в синтаксических конструкциях более обширных, чем предложение, выявить соотнесенность грамматического оформления речевой интенции [157, с. 3,4; 158]. К «кирпичикам» построения текста, помимо единиц лексики и морфологии, он относит «семантические единицы, имеющие означаемую сторону и формальное проявление, обладающее определенным местом и назначением, а также синтаксические единицы, получаемые в результате установления синтаксических связей и выделяемые с учетом формальных показателей» [157, с. 4].

Новым для лингвометодической теории порождения, на наш взгляд, является разработанная С. В. Юртаевым модель конструирования текста учащимися, так как в ней можно усмотреть обучение умениям референциального использования языковых знаков.

Автор обосновывает необходимость выделения элементов предметной соотнесенности с действительностью (с «картиной мира») в

структурах порождаемых текстов: выделение субъектов действия и центрального субъекта; включение дополнительных субъектов; использование сопутствующих предметов речи; привлечение единичных предметов речи; расширение лексикона учащихся путем включения в текст слов общей, различной, одновременно общей и различной семантики. Отличительным признаком данной модели процесса порождения является также, на наш взгляд, внимание автора к управлению процессом конструирования со стороны учителя, проявляющееся в требовании к учащимся осознавать свои речевые действия и соблюдать законы логики – тождества, исключенного третьего, достаточного основания. Сам процесс создания подробных, сжатых изложений, сочинений усматривается автором в следующем: предвосхищение темы, основной мысли, выделения микротем, установления порядка их следования. Далее оно продолжается в определении предмета отдельных предложений, в прогнозировании сведений о нем, в обдумывании последовательности содержания. Затем осуществляется выбор модели начального предложения, которое, как правило, распространяется при помощи лексико-грамматических связей. Все это время осуществляется контроль за соблюдением границ раскрытия микротем, за соответствием получаемого на письме запланированному, за правильным применением норм литературного языка. Приемы подробных, сжатых изложений, сочинений ведут к образованию единиц текста – смысловых, семантических, синтаксических единиц языка-речи, собственно текстовых. Смысловые единицы – тема, основная мысль, микротемы – чаще всего выражаются в заголовках. Семантические единицы – предметности, процессуальности, места, времени, образа действия и т. п. – представляют собой обобщенные названия однородных предметов, явлений окружающей действительности. Их формирование обеспечивает речевая среда. К синтаксическим единицам речи-языка относятся словосочетания (синтагма), предикативная единица, простое и сложное предложение. Собственно текстовые единицы включают в себя сложные синтаксические целые, абзацы. Эти единицы формируются на своей периферии, в именительном темы, инфинитиве, в вопросе, при развитии

микротемы. Их отличие заключается в появлении лексических и грамматических связей [157, с. 96-97, 104-105; 158, с. 84-87, 107-109].

При всех положительных аспектах теории С. В. Юртаева, это новое теоретико-практическое исследование явления порождения вторичного текста осуществляется в рамках прежних лингвистических, психологических, психолингвистических представлений, вне современных воззрений когнитивной науки и учета необходимости производства субъектом концептуальной структуры, построенной средствами мышления им самим.

Автор этой концепции не предусматривает предварительный этап формирования в когнитивном опыте учащихся представления о предметной области «язык», которая способна обеспечить однозначное декодирование языковых знаков текста. В их сознании не создается поле знания дисциплины в виде системно-структурной модели языка с неотъемлемым компонентом онтологий (частных картин мира = денотатных планов, соответствующих типов языковых знаков и обеспечивающих опознание действительности, лежащей за знаками).

В этой схеме построения текста модель предмета не преобразуется в оператор мыслительных действий по пониманию исходного текста; не выявляются и не учитываются промежуточные и конечные психические продукты в виде разнообразных образов – репрезентаций; не разрабатывается линия решения единичных смыслов и смысловых образований в исходном тексте; не преследуется цель в виде выявления характеристик образов первичного текста и степень их тождественности образам вторичного текста; не выявляются условия, способствующие преобразованию учебного процесса по изучению текста и производству вторичного текста в непрерывную познавательную деятельность со всеми неотъемлемыми компонентами ее структуры и содержания и др.

Зарубежные ученые также не рассматривают вторичный текст в качестве объекта. Но они демонстрируют различные подходы к анализу связного текста и поведению в тексте единиц языковой системы, приводящие к определенным результатам в области стандартного мо-

делирования процессов понимания и построения текста на естественном языке [144; 23; 12; 138].

Продуктивными в ракурсе проблемы понимания первичного и порождения вторичного текста являются следующие наблюдения из «жизни» языка – основная цель восприятия состоит не только в последовательном построении репрезентации текста в эпизодической памяти. В дополнение к такой репрезентации люди строят также модель того, «о чем» этот текст, то есть модель некоторой ситуации. Фактически сама модель становится главной целью процесса понимания, в то время как репрезентация текста по большей части является лишь средством достижения этой цели. Семантическое порождение дискурса происходит при определенных условиях и ограничениях и включает построение семантической репрезентации дискурса, то есть его «текстовой базы». Порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (on-line). Постоянным входом в него служат активированные и восстановленные в памяти модели ситуаций, а управляется процесс с самого начала до конца с помощью информации из Системы Управления, такой, как, например, актуальные или общие темы текста [23, с. 161-187].

Особый интерес для нас в плане решения задач построения единой теории языка, мышления и деятельности представляют позиции, присущие процессуальному подходу, который, по словам его создателя – Т. Винограда – противоречит многим канонам принятой мета-теории современной лингвистики. Главной отправной точкой в нем является особое внимание к когнитивному процессу, а не к производимым и интерпретируемым языковым объектам. Форма и значение высказывания анализируются в терминах целей и ментальных состояний говорящего и слушающего. Мы пронаблюдали в процессе построения нашей теории языка-объекта и солидаризуемся с ним в его предвосхищении того, что экономичные общие теории относятся к уровню пересечения вычислительной, коммуникативной и мыслительной деятельности; что проблема нахождения правильного набора моделей является центральной для построения модели пользователя

человеческим языком; что цель в понимании устройства сложной системы состоит в разделении системы на модули, объяснение которых упрощается раздельным описанием их внутреннего структурирования и взаимодействия. Мы взяли на вооружение и проверили опытным путем в формирующем эксперименте мысль Винограда об условиях для проверки эффективности теории крупной системы – языковой и мыслительной деятельности, деталей человеческого процессора, которые, по его мнению, могут быть поняты лишь в контексте усвоения языка и его изменения [24].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что ни в лингвистике, ни в лингводидактике еще не сложился целостный и единый путь понимания первичного текста и построения на основе его продуктов и результатов понятого адекватного по смысловому содержанию вторичного текста. Тем более, в ней еще не нашли разрешения аспекты не просто извлечения и структурирования знания в процессе понимания, но творческого их производства познающим субъектом.

Ученые отмечают, что в последнее время в лингвистике текста сложилась такая ситуация, при которой проблема вторичности в текстообразовании и сами вторичные тексты привлекают в большей степени внимание специалистов в области прикладной лингвистики и искусственного интеллекта, нежели общей лингвистики. Нынешний период развития языкознания характеризуется серьезным влиянием на лингвистическую теорию прикладной лингвистики, которой нельзя отказать в праве на голос при решении общетеоретических вопросов лингвистики [50, с. 222; 11, с. 287].

Несмотря на преобладающее место анализа в работах по машинному переводу, ряд исследований по автоматическому порождению был проведен (Ингве, 1962; Фридман, 1969; Клейн, 1965; Виноград, 1971; Симмонс, 1972, 1973; Симмонс и Слокум, 1970; Шенк, Голдман, 1980; Перцова, 1980; Гаазе-Рапопорт, Поспелов, Семенова, 1980, 1984; Васильев, 1988; Сунцова, 1995; Новиков, 1999, 2001; Сунцова, 1999; Леонтьева, 2000, 2001; Нестерова, 2001).

В. Ингве пишет программу для компьютера, снабженного генератором случайных чисел и порождающей грамматикой, которая мо-

жет производить большое количество (не обязательно осмысленных) предложений.

Ж. Фридман создает программу порождения, основывающуюся на формализме трансформационных грамматик Хомского. Эта программа производит так же случайное порождение по грамматике, она не обеспечивает необходимого порождающего компонента для задач искусственного интеллекта.

С. Клейн разрабатывает одну из первых машинных программ, которая учитывает важность «осмысленного» выхода. Алгоритм порождения здесь связывается с деревом зависимости, которое неадекватно как «смысловое представление». Порожденная синтаксическая структура, таким образом, не создается, она возникает благодаря перекодированию исходной структуры.

Программа Т. Винограда производит ограниченное порождение, необходимое для поддержания диалога. Она не снабжается теорией порождения.

Р. Симмонс строит систему анализа предложений в семантическое представление и порождения предложений из такого представления. В этой программе реализуется принцип одного и того же представления, которое служит и как результат анализа, и как источник для порождения.

В работах «стэнфордской» группы исследователей (Шенк, Ризбек, Ригер, Голдман) используются семантические сети Симмонса в виде фрагмента BABEL – порождающего компонента системы MARGIE.

BABEL является процедурой, осуществляющей смену представления – от смысловой структуры к предложению естественного языка. В теории Шенка – Голдмана устанавливается, что понятие порождения предложения приобретает новый характер, если рассматривать его как лингвистическую проблему, которая зависит от концептуального контекста. Программа, созданная ими, связана с проблемой отыскания языкового выражения концептуальной информации в концептуальных контекстах. В качестве концептуальной единицы используется такое конкретное концептуальное представление, как

концептуальная зависимость или связь двусторонней зависимости между понятиями, выступающими в роли деятелей и действий. Концептуальная структура состоит из понятий (концептов) и отношений между понятиями. Программа анализа состоит в том, что берутся концептуальные структуры, ассоциированные с каким-либо словом, и соединяются в окончательную концептуализацию. Концептуализация является базовой конструкцией, целостной на концептуальном уровне. Процесс разбора определяется как извлечение и идентификация концептуализаций, заключенных во входном тексте. Назначение памяти – хранение и манипулирование входными концептуализациями и их взаимодействие с ранее сохраненными концептуализациями. Проблема порождения заключается в преобразовании концептуализаций в естественный язык путем использования имеющихся лингвистических знаний и взаимодействия с памятью [153].

Таким образом, идеи компьютерных наук проникают в лингвистику и понятие порождения предложения и шире – текста приобретает новый характер, если рассматривать его как лингвистическую проблему, которая зависит от концептуального контекста.

Обогащение лингвистики методами обработки концептуальной информации призывает к осуществлению сопоставительного анализа процессов первичного и вторичного порождений текста. И он осуществляется в работах Н. М. Нестеровой, А. И. Новикова, Н. Л. Сунцовой. Исследование вторичного текста на материале рефератов и реферативного перевода с использованием денотатных структур первичных и вторичных текстов как инструмента и как критерия для выявления степени их семантической близости обнаруживает его новые свойства [135; 98, с. 133-144]. Устанавливается, что основное различие в двух типах порождающих процессов заключается в механизмах, инициирующих данные процессы. Для инициации процесса порождения первичного текста таким пусковым механизмом является замысел, формированию которого предшествует (и способствует ему) существующая в интеллекте так называемая тема-понятие. В случае порождения вторичного текста аналогом такого механизма является тема текста, которая представляет собой некое ментальное образова-

ние, возникающее в мышлении в результате понимания текста и представляющее собой максимально свернутое его содержание. Сам процесс порождения вторичного текста при этом представляется как последовательность мыслительных операций, обеспечивающих переход от текста исходного к тексту вторичному. Определяющим моментом в данном переходе является наличие промежуточного звена, отражающего результат понимания. При порождении текстов с доминирующим предметным содержанием таким промежуточным звеном является денотатная структура первичного текста, при порождении текстов признакового содержания – иной смысловой (концептуальный) комплекс.

Вместе с тем представляются несколько категоричными выводы, к которым приходит Н. М. Нестерова. Они состоят в том, что смысловая ментальная структура, возникающая в сознании в результате восприятия первичного текста, отличается достаточно большой субъективностью и что абсолютно объективного критерия для ее сопоставления с текстом нет и не может быть [98, с. 133-144]. Можно полагать, что подобное заключение проистекает из самого подхода к исследованию текста, анализ которого не увязывается с основным гносеологическим отношением, с выявлением познавательного противоречия и т. д., то есть с реализацией закона «восхождения». По поводу невозможности существования абсолютно объективного критерия для сопоставления выявленной в процессе восприятия первичного текста концептуальной структуры можно заметить, что такого критерия не может быть в принципе и это объяснимо с философских позиций – абсолютной истины не существует, она относительна. И здесь был бы уместным гносеологический критерий истинности применительно к элементу знания и его целостной структуре. Поэтому при создании концептуальных структур следует учитывать действие законов нечеткого знания, нечетких множеств, слабоструктурированных задач и др. [116; 119; 30; 78 и др.].

Как мы показали ранее, проблема концептуальной эквивалентности исходного и вторичного текстов может получить определенное решение с позиции применения приемов методологического мышле-

ния, в рамках системного, задачного подхода к процессу понимания-порождения-представления знания, заключенного и произведенного на базе лингвистических данных текста. Преодолению диалектически обусловленного признака субъективности гносеологического образа может служить как «чистое» признаковое содержание каждой репрезентации и всей цепи диалектических теоретических и эмпирических моделей, сопровождающих процесс развития производимого знания, обеспечивающее «прямой» вывод, так и его обоснование и верификация в форме «обратного» вывода. Роль качества вторичного текста будет тем выше, чем точнее и адекватнее будет полученное в результате анализа первичного текста концептуальное представление содержания естественно-языкового материала. Точность же понимания будет обеспечиваться рассуждениями, полученными в процессе задачной понимающей деятельности, поддержанными их источниками, схемой рассуждения, принципами выбора именно этой схемы рассуждения, которые носят достоверный характер и осуществляются в рамках лингвистического знания, имеющего формализованный характер фрейма, семантической сети и др.

Создание детализированной до уровня операций технологии управляемого понимания-порождения – дело не одного исследования и тем более не одного исследователя, поскольку спектр проблем, втягиваемых в ее орбиту весьма широк, и он связан с проблематикой моделирования естественного интеллекта. А эти вопросы оказались вне основного потока развития не только лингвистических когнитивных изысканий, но не нашли своего основополагающего разрешения ни в чистой лингвистике, ни в психолингвистике, ни в дидактике и лингводидактике, ни в психологии.

В связи с вышеописанным состоянием научного знания о порождении вторичного текста в отечественной науке, мы пытаемся осуществить исследование путем преодоления пропасти междисциплинарной разобщенности и построения прорефлексированного знания, как об этом и говорят психолингвисты [90, с. 122; 14, с. 85].

В связи с тем, что выявление методологии порождения вторичного текста является целью нашего исследования, а целостных общих

теорий моделирования понимания и порождения текста в классическом языковедении еще не существует [40, с. 5; 91, с. 31; 55, с. 137], нам предстоит осуществить эвристическую познавательную деятельность в этой области.

Иначе говоря, развить сформированную в предыдущих работах исследовательскую позицию применительно к деятельности понимания-порождения путем обращения к тем философско-методологическим средствам, которые составили стержень нашей теории языка и понимания как системного объекта. Философско-методологический анализ является необходимым условием для создания основания теории понимания-порождения-представления и средством выполнения двух взаимосвязанных функций – критической и конструктивно-эвристической [133, с. 273].

Деятельность по пониманию-порождению как изучаемое в работе явление должна найти объяснение исходя из системы обоснования тех теоретических представлений, которые диктуются созданной теорией языка как концептуального объекта. То есть объяснение и понимание должны составить две дополняющие друг друга операции в рационализировании. С одной стороны наша теория черпала в изучаемых предметных отношениях свое обоснование [68], с другой стороны это движение должно быть дополнено обратным движением – от теоретического мира к предметному, или рационализированием. Обоснование и рационализирование являются двумя взаимодополняющими процедурами. Нужно не только привести теорию в соответствие с исследуемыми объектами, то есть обосновать ее, но и осмыслить мир исследуемых явлений (в нашем случае – это система «понимание-порождение») в системе понятийных отношений, без которой оно остается непрозрачным, необъясненным и непонятым [205, с. 30-31].

Иными словами, мы должны поставить вопрос так: сохраняется ли закон «восхождения» (как основной закон научного познания) и сопряженные с ним принципы при его применении к описанию содержания и структуры познавательной деятельности в процессе по-

нимания нетерминологического текста как нового эмпирического материала?

Постановка этого вопроса вновь, как и при обследовании совокупности теорий, образующих языкознание – научную дисциплину, потребовала от нас особой позиции, чтобы посмотреть на состояние сложившегося знания о понимании-порождении как бы со стороны.

Философия науки относит объяснение и понимание к универсальным операциям мышления, взаимно дополняющим друг друга. Вместе с тем в ней отмечается, что логическая структура операций объяснения и понимания не особенно ясна. В первую очередь это относится к пониманию, относительно которого даже предполагается, что оно вообще лишено отчетливой, допускающей расчленение структуры и не способно быть объектом логического анализа. Согласно ее представлениям, рациональное понимание и объяснение имеют сходную формальную структуру. Объяснение здесь определяется как рассуждение, посылки которого являются описательными утверждениями и содержат информацию, достаточную для выведения из нее описания объясняемого явления. Под операцией объяснения почти всегда понимается объяснение через общее утверждение. Причем предполагается, что оно должно быть не случайной общей истиной, а законом науки. Объяснение через закон науки, или номологическое объяснение, принято также называть объяснением посредством охватывающего закона. Номологическое объяснение ограничено по преимуществу наукой [56, с. 412–414].

В таком случае наша концепция понимания-порождения вторичного текста получит методологическое обоснование. Иначе говоря, удастся выявить технологию производства нового знания и представляющего его вторичного текста в процессе понимания как системной познавательной деятельности и тем самым способствовать разработке методик стандартного и творческого производства продуктов диалектического познания.

Как было указано в Предисловии, содержание предыдущего этапа исследования условий управляемого порождения вторичного текста было обусловлено внутренней и объективной необходимостью

для когнитолога собственной разработки модели предметной области «язык». Для того чтобы приступить к реализации непосредственной цели настоящего исследования – выработке методологии порождения вторичного текста, который базируется на осознаваемом и управляемом психическом образе (репрезентации, проекции, когнитивной карте, модели, денотативном плане, схеме, сценарии и пр.), самому исследователю необходимо располагать языковым знанием или базой знания особого свойства. Человек овладевает языком так же, как привносимой извне предметной данностью; усвоение языка изоморфно усвоению предметного мира [145, с. 90]. Объективная обусловленность обладания понятийным предметным знанием объясняется открывающейся с этой позиции возможностью лингвистического моделирования и логического конструирования. Под логическим конструированием понимается деятельность, связанная с классификацией объектов, конструированием лингвистических объектов с заданными свойствами из заданных признаков, построение логических схем и программ деятельности, использование при решении задач межсемиотических преобразований и инвариантов и т. д.

Сформированное понятийное знание о языке как системном объекте являет собой наличие определенной структуры целого, допускающей его расчленение на взаимодействующие части, что позволяет субъекту оперировать с понятиями «часть» и «целое» (подобно тому, как это имеет место в математическом знании).

Например, выполнять действия: выделять и узнавать части; расчленять множества частей по некоторому признаку (классифицировать); подсчитывать число частей, обладающих определенным признаком (специфицировать); находить предметы из данной совокупности, обладающие заданными свойствами (отбор по признаку); указывать множества предметов, каждый из которых имеет заданные свойства (наполнение класса); отыскивать свойства, позволяющие разбить множество на классы; отыскивать элементы по системам признаков; устанавливать семейства признаков, идентифицирующих данное множество и т. д.

Это внутреннее представление сформировано им в виде семантической сети, фрейма, предметной области и т. д. Понятия, образующие ее, выстраиваются в его сознании в иерархию, образуя при обобщении суперпонятия, а при детализации – подпонятия. Они вступают в логические и онтологические отношения между собой и т. д. Иными словами, когнитолог пользуется многоликим образом языка-предмета как инструментом, как эталоном, как источником в процессе понимания-порождения образов текста, их распознавания и представления смысла поступающей/передаваемой информации.

Выполнение этого условия, самого по себе представляющего самостоятельную проблему, находит также и теоретическое объяснение. В лингвистическом знании установлено, что «...процесс порождения речи не может получить своего адекватного описания, если мы не знаем, что именно использует человек из своего лингвистического багажа, а главное, какова форма его организации, каков его объем и структура» [145, с. 87].

Это знание «должно быть результатом познавательной деятельности» языковеда-исследователя, «той содержательной информацией, которая уже стала продуктом его интеллектуальной обработки и структуризации» [82, с. 37]. Предложенная теория языка как объекта со встроенными онтологиями грамматических единиц, сами созданные онтологии, семиотическая модель языка способствуют конструированию ментальных представлений в процессе понимания, поскольку они выступают как более общие ситуации по отношению к конкретным ситуациям изучаемого текста. Вот как описывают такое ментальное состояние Т. А. ван Дейк и В. Кинч: «Люди, понимающие реальные события или речевые события, способны сконструировать ментальное представление, и в особенности осмысленное представление, только при том условии, что они располагают более общими знаниями о таких событиях» [22, с. 157].

Сформированное ментальное состояние (внутреннее представление) когнитолога является выполненным условием когнитивного понимания текста, при котором осуществляется эвристический поиск способа производства достоверного знания о картине возможного

мира и выявляется методология когнитивных моделей и процессов. Его содержательную суть составляет стремление когнитивного субъекта к «истинному познанию» – «познанию, адекватному бытию» [126, с. 89]. Его деятельностную суть составляет осуществление серий вычислительных операций на разнообразных и разнородных значениях (понятиях) и вывод ненаблюдаемых свойств объектов и связей между ними в определенном пространстве и времени.

Обладание субъектом познания структурированным языковым знанием со встроенными в него онтологиями в родовидовой и обобщенной ситуативной форме, то есть обладание им необходимой полнотой предметного содержания, способствует развитию у него конкретных ситуативных знаний на базе когнитивно обрабатываемого текста – об объектах, включенных в процесс, об их свойствах, отношениях между ними и т. п.

2.2. Конструктивы методологического и междисциплинарного знания о понимании первичного текста и порождении вторичного текста

В методологии науки обсуждаемая проблема находит свое решение через посредство реализации системного семиотического подхода, разработки основной схемы организации системно-структурной методологии, метода проблематизации, методов основных направлений исследования знака, метода логико-эмпирического анализа развивающихся систем знания, способа построения системного объекта, моделирования объекта изучения, моделирования методологического мышления [155] и т. д. Ученые-методологи рассматривают понимание как мыслительную деятельность, а мыслительная деятельность – «это всегда решение строго определенной задачи или набора задач. Для этого на основе средств и метода строят процедуру по «переработке» или преобразованию объектов в продукты» [154, с. 199, 216]. В соответствии с требованием содержательно-генетической логики «любое знание должно быть представлено как сложное образование, включающее в себя три элемента: объективное содержание, знаковую

форму, связь между объективным содержанием и знаковой формой (знаковая форма определенным образом замещает, или фиксирует объективное содержание)» [154, с. 212].

Под объективным содержанием понимаются те отношения и свойства объектов, которые вычленяются в объектах при включении их в действия или операции. Под знаковой формой понимаются те знаковые материалы, в которых фиксируется вычлененное в объектах объективное содержание и которые замещают или выражают для определенной группы свойств данные объекты. Под связью объективного содержания со знаковой формой понимается связь, объединяющая объективное содержание и знаковую форму в единое образование – знание [154, с. 212-213].

Поддержку в построении содержания нашего восходящего анализа текста мы находим в общетеоретическом рассуждении П. В. Чеснокова. Приведем его полностью, чтобы сохранить мысль ученого. «Только в силу преобразования идеального содержания с помощью социальных средств, делающих его доступным и другим людям, человек сам начинает осознавать это содержание за счет подведения каждой части идеального содержания под известную ему заранее категорию. В результате этого преобразования формируется мысль, обладающая логической и семантической формой, как некоторый временный результат мыслительного процесса.

С помощью языковых средств могут производиться дальнейшие структурные преобразования ряда мыслей выводного характера, основанные на структурной противопоставленности их компонентов. Эти мысли приводят к образованию новых мыслей с иным сочетанием структурных частей, отражающим другие связи и отношения объективного мира, непосредственно не отраженные в исходном идеальном содержании.

Несмотря на облигаторность разложения исходного идеального содержания на ряд абстракций для его осознания, порождение противопоставленных друг другу абстракций не является самоцелью познавательной деятельности человека. Цель познания – отображение объекта в единстве всех его определений, осознание всей его целью-

сти на основе объединения уже осознанных отдельных сторон, воссоздание конкретного гносеологического образа предмета посредством синтезирующей обработки ряда абстракций, то есть восхождение от абстрактного в мышлении к конкретному в мышлении. Поэтому любой мыслительный акт должен быть двунаправленным, объединять в себе два противоположных процесса структурных преобразований исходного идеального содержания, которые последовательно сменяют друг друга» [147, с. 43-44].

Как известно, характеризуя единство и своеобразие этих двух процессов, К. Маркс писал: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения. На втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления» (Маркс, цит. по [147, с. 44]).

Приведенное высказывание К. Маркса относится к познавательной деятельности человека в целом, но оно характеризует и любой мыслительный акт, протекающий в рамках отдельного предложения, поскольку «в любом предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки всех элементов диалектики» (Ленин, цит. по [147, с. 44]).

Наши исходные конструктивные рассуждения проистекают из гносеологических представлений. Текст – материальный знак, будучи изучаем с точки зрения его функции – быть объектом познания предполагает связанного с ним в деятельности субъекта, направляющего на него свои действия. Объектами познания для него становятся те факторы, которые первоначально имели, а в дальнейшем утратили свое прямое практическое значение для человека. Для того чтобы извлечь эти факторы, необходимо образовать развитое диалектическое субъектно-объектное отношение. Такое отношение устанавливается в условиях постановки задачи-модели, требующей целевого отображе-

ния в виде типовой логической модели, имеющей своими компонентами объекты, атрибуты и связи. В процессе понимания искомая глобальная или частичная семантическая ситуация в единстве этих же трех компонентов соотносится с глобальной философской моделью мира «вещи, свойства и отношения».

Как известно, процесс познавательного отражения имеет три ступени. Вначале объективная действительность предстает как непосредственный объект наблюдения и восприятия. Нечто аналогичное происходит и при восприятии сведений об объектах текста. Познание возникает в качестве чувственного явления. В результате у человека образуется представление, воспроизводящее в памяти определенный конкретный образ, полученный из опыта. Представление – первое сознательное отображение (образ) объекта. Представления не позволяют понять суть отображаемой знаком ситуации. В связи с этим необходимо перейти от производства представлений об объектах к их понятиям на основе лингвистических данных – грамматических и лексических сем, извлекаемых из значений, представленных словарными дефинициями и контекстом. Происходит отвлечение от единичного и несущественного, формируется понятие о классе предметов или явлений, к которому принадлежит наблюдаемый объект. Понятие представляет собой результат обобщения выделенных конструктивных признаков и призывает свое имя (катеорию). Понятие выступает как результат мышления – понимания, и оно отличается от представления тем, что становятся известными и учтенными все его конституирующие свойства – признаки. Конечно, это всегда относительно. В таком случае их можно перечислить, назвать, предъявить и т. п. Самым существенным для понятия является изучение его отношения к действительности, процесс его построения, синтезирования признаков, образующих его, процесс его развития [27, с. 777]. Процесс образования понятий носит всегда продуктивный, а не репродуктивный характер, понятие возникает и образуется в процессе сложной операции, направленной на решение какой-либо задачи, одного наличия внешних условий и механического установления связи между словом и предметами недостаточно для его возникновения [там же, с. 779]. Об-

разование понятий строится не по типу ассоциативной цепи, где одно звено вызывает и влечет за собой другое, ассоциативно с ним связанное, а по типу целенаправленного процесса, состоящего из ряда операций, играющих роль средств по отношению к разрешению основной задачи. Само по себе заучивание слов и связывание их с предметами не приводит к образованию понятия; нужно чтобы перед испытуемым возникла задача, которая не может быть решена иначе, как с помощью образования понятий, для того чтобы возник и этот процесс [там же, с. 780]. Образование понятия или приобретения словом значения является результатом сложной активной деятельности (оперирование словом или знаком), в которой участвуют все основные интеллектуальные функции в своеобразном сочетании [там же, с. 789].

Философская модель мира рассматривается как система в отношении к цели и определяет полноту и безызбыточность данного набора частей для нахождения целостного или частичного смысла как неизвестного.

Это положение находит дополнение в СА в понятиях декомпозиции и агрегирования, то есть разложения целого на части либо объединения частей в целое. Задачу на выявление системы ситуации, состоящей из компонентов «объекты, атрибуты и связи» можно разбить на подзадачи, систему – на подсистемы, цели – на подцели и т. д.

Эти представления согласуются с мыслями ученых-лингвистов относительно выделения ситуации, объектов, атрибутов и связей. Например: «Dans la réalité objective, l'esprit humain distingue des éléments de nature différente. Il discerne d'abord les substances statiques ou objets, puis, les processus liés à ces objets (leurs mouvements, changements, états, relations entre eux) et, enfin, les qualités des objets ou celles des processus» [31, с. 129]. «Мы будем различать частные и общие модели. Частные модели отражают уникальную информацию о какой-либо одной ситуации, например о той, которая обрабатывается «сейчас», тогда как общие модели могут включать в себя и информацию из нескольких частных моделей об «одной и той же» ситуации «одного и того же типа» [23, с. 164]. Семантические репрезентации предложений отражают категорию главного предиката (обозначающего

Действие, Событие, Процесс или Состояние) и некоторое число участников, обслуживающих различные роли, такие, как Агенса, Пациенса, Объекта или Инструмента. Похожие выводы можно сделать и по поводу организации текста» [23, с. 167]. В ряде теорий основными конститuentами концептуальной системы признается концепт объекта и его частей, движения, действия, места или пространства, времени, признака и т. п. [82, с. 91-92]. Наиболее существенным условием осмысления и понимания текста является не языковое знание само по себе, а знание реальной действительности, с которой соотносятся языковые выражения в процессе их декодирования [83, с. 100] и др.

Заслуживает внимания с точки зрения внедрения в деятельность по «добыче» «чистого» знания из значений тезис о том, что языковая семантика в чистом виде объективируется в толковых словарях, знания о мире – в энциклопедических [71, с. 170, 172]. Мы берем на вооружение знание о психологической закономерности, связанной с тем, что тематический контекст, имплицитно связанный с содержанием анализируемого понятия, недостаточен для актуализации эффектов прототипичности. Эти эффекты наблюдаются лишь по отношению к существенным характеристикам понятия, большую часть которых составляют описания качеств референта, а также возможные действия с ним. Источником эффекта прототипичности является состав существенных свойств понятия, причем наиболее значимыми в его структуре могут рассматриваться категориальные признаки, в частности, категориальные субординаты. Тематический контекст важен, но не сам по себе, а в связи с тем, что он ориентирует на выбор какой-либо когнитивной модели, определяющей знания о содержании понятия в той или иной когнитивной ситуации [28, с. 108-109].

На втором этапе – этапе собственно выявления эвристик порождения вторичного текста на основе понятого в тексте первичном мы также обращаемся к заимствованиям и аналогии. Так, например, представляется уместной аналогия с понятием экспертных систем – инструментальных или проблемно-ориентированных. Это системы, «уже заполненные знаниями и данными и готовые для работы в своей проблемной области». Это программный комплекс, с помощью кото-

рого специалист самостоятельно может в достаточно короткое время создать свою экспертную проблемно-ориентированную систему, не будучи при этом программистом [21, с. 29]. Большинство экспертных систем имеют три общих компонента: базу знаний, управляющую программу, механизм выработки решений.

По нашему мнению, ментальное состояние «заполненности» знаниями может рассматриваться как состояние, приобретенное субъектом познания в результате построения базы знаний или модели языковой предметной области, что и обеспечит ему возможность осознанно работать в тексте как определенной проблемной области, воплощенной в языковых знаках.

Обладание субъектом познания структурированным языковым знанием (онтологиями) в родовидовой и обобщенной ситуативной форме, то есть обладание им необходимой полнотой предметного содержания, способствует развитию у него конкретных ситуативных знаний на базе когнитивно обрабатываемого текста – об объектах, включенных в процесс.

Служат выражению содержания наших представлений также кибернетические и психолингвистические понятия, позволяющие конкретизировать процесс интерпретации. Например, «текущее сознание», «окно сознания» [2, с. 3-4; 125, с. 19, 34-35]. Понятие текущего сознания мы применяем для выражения содержания блока продукций в виде последовательности диалектических моделей системного представления информации о свойствах развивающегося объекта. Результаты работы текущего сознания фиксируются не только в последовательности развивающихся свойств объекта «ситуация», но и в базовой модели интеллектуальных операций, сопровождающих понимание текста. Интерпретатор модели текущего сознания позволяет придать эвристике выявления элементов ситуации каузальный характер, типа: «Действие 1. влечет результат 1. Его аналоговое и символическое представление.

Новые когнитивные обстоятельства или новая эпистемологическая ситуация влекут действие 2» и т. д.

Система графики, логических умозаключений и высказываний, которую мы производим в процессе попризнакового построения образа, тем самым сохраняя его в памяти в аналоговой и символической формах, мы также можем отнести к сфере интерпретатора модели текущего сознания. Содержание понятия-термина «окно сознания» способствует организации уровней обработки информации, механизмов ее обработки в процессе развертывания структуры значения слова и учету как самих действий по выработке выводных знаний, так и промежуточных, и конечных продуктов мышления и воображения – лево- и правополушарных. Продуктивной предстает трактовка понимания как процесса построения проекции текста у его реципиента и признания особой роли в этом процессе опоры на мысленный образ ситуации как средства выхода на образ мира во всем богатстве его сущностей, связей и отношений [90; 48; 148; 121; 122; 123]. При этом проекция понимается как результат понимания текста, который имеет форму комплекса репрезентаций, связанных и интегрированных с разной степенью и на разных основаниях [123, с. 92].

В следующем рассуждении А. А. Залевской можно усмотреть набросок модели технологизации процесса понимания и обучения языку. «От «пускового момента» через процесс построения образа результата речемыслительной деятельности и его продукт – образ результата к процессу смыслового программирования и его продукту – смысловой программе и далее через процесс реализации смысловой программы с выбором стратегии перехода от смыслового кода к внешнеречевому, выбором слов, правил их комбинирования и способов моторной реализации к конечному продукту – высказыванию» [46, с. 119].

Наш объяснительный ресурс и ресурс обоснования разрабатываемой теории понимания-порождения содержит также положения, добытые в исследованиях по когнитивным аспектам языка в области ИИ, в которых обосновывается непродуктивность лингвистического изоляционизма как методологии. Моделирование процесса понимания в ней рассматривается с точки зрения обращения к когнитивным механизмам, лежащим в основе владения языком – процедурам вы-

бора, фокусирования, операциям естественного вывода, контрастирования, онтологизации знаний. Это и составляет когнитивный подход к исследованию языковой системы, согласно которому важнейшие языковые феномены – значение слова, правила сочетания смыслов, грамматические категории, оценка, аргументирование – суть языковые рефлексы соответствующих когнитивных структур [11, с. 20-21].

Именно когнитивный подход, возникший на стыке нескольких научных дисциплин и в то же время связанный с попытками создания моделей искусственного интеллекта, является основой таких исследовательских программ, в которых язык рассматривается как неотъемлемая и органическая составляющая человеческого разума. Эта составляющая тесно взаимосвязана со структурами различных типов знания и другими когнитивными структурами и процессами – восприятием, вниманием, воображением, памятью, мышлением, речью и др. [107, с. 5-7; 86, с. 7; 90].

Изучение специальной научной и прикладной литературы позволяет сделать вывод о том, что к настоящему времени вышеназванные задачи не могут быть решены только лингвистическими, только психолингвистическими, только нейрофизиологическими, только кибернетическими, только дидактическими и т. д. – только одной дисциплины – средствами. И это наше предварительное рассмотрение контекста проблематики вторичного текста согласуется с наблюдениями, к которым приходят ученые разных специальностей – лингвисты, философы, методологи, психологи-когнитивисты, прикладники и т. д. [107, с. 6; 159, с. 9; 154, с. 71; 155; 81, с. 32, 35; 134, с. 10 и др.].

Имеющиеся в этих областях изолированные знания и предметно-специфические представления не способны в полной мере объяснить факторы, обеспечивающие интегративный характер разноуровневой и одновременно единой деятельности как самого языка в виде его системного механизма, так и речевой и мыслительной деятельности субъекта языкового познания.

2.2.1. Модель деятельности понимания по методу восхождения

Ученые единодушны в мнении о том, что нет текста как такового без воспринимающего его человека. Для того чтобы текст «заговорил», нужна работа понимания, выполняемая человеком, а в любом понимательном действии присутствуют ментально-речевые компоненты процесса понимания, ментальные и речевые продукты понимания, предъявление понятого.

В качестве результата осмысления философских данных для практического их использования можно предложить общий, нормативный проект лингвистического диалектического познания.

Подготовительный этап. Наблюдение объекта, именуемого термином, терминируемым общеупотребительным выражением, заключенного в неразвитой форме в знаке; его «живое» созерцание; синтетический чувственный процесс; симультанное узнавание в процессе интуитивного понимания – схватывается весь объект в целом, то есть имеет место первичный синтез.

Первый, чувственный этап лингвистического познания. Наблюдение абстрактных объектов и действия с ними при исследовании значений выражений методом структурирования мысли, заключенной в тексте научного определения. Субъект познания в ситуации поиска или в процессе решения задач на объекты (признаки). Выявление их состава, связей и отношений; процесс мысленного расчленения объекта изучения на составные признаки; процесс «переведения» комплексов признаков объекта на другие символические «языки»; фиксация первичных чувственных образов – восприятия и представления об объекте изучения – имеет место вторичный синтез. Субъект оперирует в своем сознании комбинациями, комплексами взаимосвязанных гносеологических чувственных образов, которые индуцируются у другого субъекта при восприятии и обработке соответствующего знака.

Первый уровень этапа рационального лингвистического познания. Процесс развертывания решения задач на конкретизацию свойств, выявленных благодаря анализу значений выражений совокупностей признаков объекта – качественных, количественных и

функциональных в последовательности мысли от анализа к синтезу и от синтеза к анализу посредством классификации, сравнения и различения, категоризации; расширение ракурсов осмысления содержания образа; включение в состав прежних категорий новых философских категорий в соответствии с практикой познания и логикой образования объекта (значения, формы, функции, уровни образования объекта); усмотрение в нем стремления к структурной – вертикально-горизонтальной организации.

Второй уровень этапа рационального лингвистического познания. Развертывающийся процесс решения задач на выявление новых ракурсов осмысления содержания образа в мыслительной форме «анализ через синтез» посредством обобщения и специализации, абстрагирования и конкретизации. Субъект в своем сознании оперирует понятийными образами или информацией. Объект включается во все новые связи и отношения: содержание образа усложняется по вертикали и по горизонтали, что способствует обнаружению в нем соответственно новых свойств и качеств и его фиксации на разнообразных языках представления знаний.

В проблеме соотношения различных оснований теорий главным является то, что решение задач, стоящих перед ними, требует не просто комплексного использования различных оснований, а использования их при ведущей роли гносеологических оснований. Это значит, что прежде чем анализировать какие-то основания теории, надо проанализировать ее гносеологические основания.

В работе гносеологическими основаниями, детерминирующими принятие как собственно лингвистических, так и внешних для созданной теории оснований, являются закономерности диалектико-материалистического познания. Основным критерием гносеологической обоснованности теории является возможность быть отображением действительности и отвечать критерию практики.

2.2.2. Теоретико-множественная конструкция как инструмент лингвокогнитивного понимания

Итак, представляем разработанный вариант семиотической системы теоретико-множественного обоснования теории языка и понимания.

2.2.2.1. Алфавит

Σ – совокупность материальных элементов /идеальных объектов.

БД – база данных.

БЗ – база знаний.

ПО – предметная область.

ПОЦ – поисковый образ цели.

ЗСС – закон семантического согласования.

1 УДС – 1-ый уровень денотативного согласования.

2 УДС – 2-ой уровень денотативного согласования.

КСС – критерий смыслового соответствия (эталон).

ЛЗ – лексическое значение.

ГЗ – грамматическое значение.

С = П – сема или признак.

ЛС – лексическая сема.

ГС – грамматическая сема.

ПП – поисковое предписание.

ПМПВ – принципиальная мыслительная программа «восхождения».

СМП – сопутствующие мыслительные программы:

- «чистка» понятий;
- образование понятий;
- построение иерархий понятий;
- построение пропозиций;
- построение иерархических систем диалектических моделей – репрезентаций;
- обнаружение чистых, исходных форм объекта;

- обнаружение превращенных, основных форм объекта;
- создание комплекса условий для порождения суждений существования, атрибутивных, реляционных и др.;
- конструирование «охвата» системы;
- построение шаблонного фрейма понятия;
- шаблонного фрейма «охвата»;
- построение трехмерной десятичной таблицы частей речи;
- построение субфрейма отдельной части речи;
- построение принципиальной системы онтологий частей речи и др.

СУБД – система управления базами данных.

СУВ – система управления выводом.

СемС – целостная семантическая структура.

+ – функция отношения.

S – субъект грамматический.

S¹ – субъект семантический.

V – сказуемое.

Pr – предикат.

–S¹ – неназванность субъекта при осуществлении процесса.

–Pr – неназванность предиката при субъекте.

S² – субъект наблюдения, коммуникации и оценки (НКО), от-
правитель.

Pr_b – базовый предикат.

Pr_s – суперпредикат.

Pr_q – квазипредикат.

Pr_{b ac} – базовый предикат действия.

Pr_{b pr} – базовый предикат процесса.

Pr_{b é} – базовый предикат состояния.

Pr_{b q} – базовый предикат свойства.

Pr_{b at} – базовый предикат отношения.

Pr_{s af} – суперпредикат утверждения.

Pr_{s n} – суперпредикат отрицания.

Pr_{q pos} – квазипредикат положительной оценки.

Pr_{qn} – квазипредикат отрицательной оценки.

N_p – одушевленное имя существительное.

N_{ch} – неодушевленное имя существительное.

$N_{ém}$ – имя существительное с сильной эмотивной семьей.

2.2.2.2. Синтаксис

Σ – совокупность элементов.

$(S) .?!$ – подлежащее предложение.

$(V) .?!$ – сказуемое предложение.

$(S+V) .?!$ – простое нераспространенное предложение.

$(S+V+O_d) .?!$ – простое распространенное на один член предложение.

$(S+V+O_d+O_i) .?!$ – простое распространенное на два члена предложение.

$(S+V+O_d+O_i+Circ) .?!$ – простое распространенное на три члена предложение.

$(S_1+V+O_d+O_i+Circ+S_2) .?!$ – осложненное двуподлежащее простое предложение.

$[(S+V)_1+(S+V)_2+\dots+n] .?!$ – сложносочиненное предложение.

$\left[\frac{(S+V)_1}{(S+V)_2} + \dots + n \right] .?!$ – сложноподчиненное предложение.

$\left\{ \left[\frac{(S+V)_1+(S+V)_2}{(S+V)_3} \right] + (S+V)_4 + [(S+V)_5+(S+V)_6+\dots+n] \right\} .?!$ – сверхсложное предложение.

$\left\{ (S+V)_1 + [(S+V)_2+(S+V)_3] + \left[\frac{(S+V)_4}{(S+V)_5} \right] + (S+V)_6 + (S+V)_7 + \left[\frac{(S+V)_8}{(S+V)_9} \right] + \dots + n \right\} .?!$

– текст.

2.2.2.3. Семантика

$S^2 \rightarrow (S^1)$ – частичное одноместное предикативное образование. Вариант моделирующего рассуждения: субъект НКО строит в своем сознании сообщение о бытийном признаке (признаке существования) названного участника внешнего события.

$S^2 \rightarrow (Pr)$ – частичное нульместное предикативное образование. Вариант моделирующего рассуждения: субъект НКО строит в своем сознании сообщение о процессуальном признаке неназванного участника внешнего события.

$S^2 \rightarrow (S^1 + Pr)$ – полный одноместный (минимальный) предикатно-актантный узел (пропозиция). Вариант моделирующего рассуждения: субъект НКО строит в своем сознании сообщение об одном (минимальном) отрезке (событии) внешнего мира с одним действующим объектом.

$S^2 \rightarrow (S^1 + Pr + O_d)$ – полный двухместный предикатно-актантный узел (пропозиция). Вариант моделирующего рассуждения: субъект НКО строит в своем сознании сообщение об одном отрезке (событии) внешнего мира с двумя действующими объектами, из которых один является главным.

$S^2 \rightarrow (S^1 + Pr + O_d + O_i)$ – полный трехместный предикатно-актантный узел (пропозиция). Вариант моделирующего рассуждения: субъект НКО строит в своем сознании сообщение об одном отрезке (событии) внешнего мира с тремя действующими объектами, из которых один является главным.

$S^2 \rightarrow (S^1 + Pr + O_d + O_i + Circ)$ – полный четырехместный предикатно-актантный узел (пропозиция). Вариант моделирующего рассуждения: субъект НКО строит в своем сознании сообщение об одном конкретизированном в пространстве-времени отрезке (событии) внешнего мира с тремя действующими объектами, из которых один является главным.

$S^2 \rightarrow (S^1_1 + Pr + S^1_2)$ – неполное одноместное предикативное образование с включенным дополнительным самостоятельным участником, и этот участник не получает своего полноценного про-

цессуального признака (расширенная пропозиция). Вариант моделирующего рассуждения: субъект НКО строит в своем сознании сообщение об одном расширенном по составу участников события внешнего мира, в котором второй участник не реализует себя в пространстве-времени.

$S^2 \rightarrow [(S^1 + Pr)_1 + (S^1 + Pr)_2 + \dots_n]$ – сложный горизонтальный полипредикативный предикатно-актантный узел (совокупность координативно связанных пропозиций). Вариант моделирующего рассуждения: субъект НКО строит в своем сознании сообщение об одном целостном макрособытии внешнего мира, включающем совокупность независимых микрособытий.

$S^2 \rightarrow \left[\frac{(S^1 + Pr)_1}{(S^1 + Pr)_2} + \dots_n \right]$ – сложный вертикальный полипредикативный

предикатно-актантный узел (совокупность субординативно связанных пропозиций). Вариант моделирующего рассуждения: субъект НКО строит в своем сознании сообщение об одном целостном макрособытии внешнего мира, включающем совокупность зависимых микрособытий.

$S^2 \rightarrow \left\{ \left[\frac{(S^1 + Pr)_1 + (S^1 + Pr)_2}{(S^1 + Pr)_3} \right] + (S^1 + Pr)_4 + [(S^1 + Pr)_5 + (S^1 + Pr)_6 \dots_n] \right\}$ – ослож-

ненный горизонтально-вертикальный полипредикативный предикатно-актантный узел (совокупность недистантных субординативно и координативно связанных пропозиций). Вариант моделирующего рассуждения: субъект НКО строит в своем сознании сообщение об одном целостном макрособытии внешнего мира, включающем совокупность независимых и зависимых микрособытий.

$S^2 \rightarrow \left\{ (S^1 + Pr)_1 + [(S^1 + Pr)_2 + (S^1 + Pr)_3] + \left[\frac{(S^1 + Pr)_4}{(S^1 + Pr)_5} \right] + (S^1 + Pr)_6 + (S^1 + Pr)_7 + \left[\frac{(S^1 + Pr)_8}{(S^1 + Pr)_9} \right] + \dots_n \right\}$

– текст – сверхсложный горизонтально-вертикальный полипредикативный предикатно-актантный узел (совокупность дистантных субординативно и координативно связанных пропозиций). Вариант моделирующего рассуждения: субъект НКО строит в своем сознании сообщение об одном целостном гиперсобытии внешнего мира, вклю-

чаюшем совокупность распределенных независимых и зависимых микро- и макрособытий.

2.2.2.4. Прагматика

(S^2 ; O appr; ■ i, s ; – 0 +) – оценочная структура: субъект оценки; объект оценки; точка отсчета – индивидуальная / социальная; характер оценки.

2.2.2.5. Некоторые правила образования строчек символов

1. Синтаксическая модель строится путем определения синтаксических функций членов предложения.

2. Семантическая формула строится путем преобразования синтаксической модели в соответствующий предикатно-актантный узел.

3. Знаки (в том числе и пунктуационные), не являющиеся членами предложения, должны получить интерпретацию в составе субъектно-предикатного образования.

4. Семантическая структура предложения должна предстать как сложное динамичное трехуровневое образование, включающее базовый предикат, суперпредикат и квазипредикат.

5. Основание семантической структуры предложения должно быть выявлено как денотативное двухуровневое согласование по несубстанциональной и субстанциональной семам.

6. Разработать блок анализа лингвистических данных: построить семантические структуры терминируемых выражений текста в виде комплексов сем, дать их интерпретацию, преобразовать в понятия, зафиксировать аналоговым и символическим способом.

7. Первоначально класс базового предиката определить исходя из несубстанциональной семы глагола-сказуемого. Затем подключить семы имени, выступающего в роли субъекта и определить первоначальный смысл пропозиции. Затем подключать лексические и грамматические семы других актантов, сирконстантов, супер- и квазипредиката, уточняя и конкретизируя значение всей семантической структуры.

8. На каждом шаге преобразования порождаемого смысла фиксировать продукты производства чувственного и теоретического познания, «сшивая» их, обобщая их категориально и ситуативно.

9. Различение класса базового предиката осуществлять согласно шаблонным фреймовым структурам значений действия, процесса, состояния, свойства, отношения. Например:

Имя «Субъект при классе базового предиката»

{Действие < субъект – агенс, активный производитель действия, воздействует на объект, образует точку на временной оси; при построении предметной СемС одушевленный может быть активным агентивным и активным неагентивным, неодушевленный – инактивным неагентивным; при построении признаковой СемС из субъекта-предмета внешнего мира он превращается в субъект оценки и становится постоянно одушевленным, агентивным, характеризуемым...>}.

{Процесс < субъект инактивный, но энергия, необходимая для поддержания процесса, от него исходит; при построении предметной СемС может быть одушевленным инактивным в виде пациенса, реципиенса, агентивного и активного неагентивного; в таких же условиях может быть неодушевленным событийным, синкретически представленным в слиянии двух актантов и вводимым безличной формой глагола; при порождении признаковой СемС становится более активным, сближая тем самым процесс и действие путем увеличения местности предиката за счет правых актантов...>}.

{Состояние < субъект реципиенс, пациенс, чувствующий; при порождении предметной СемС будучи одушевленным, может быть реципиенс-пациенс и реципиенс-характеризуемый; при порождении признаковой СемС вместо ролей пациенса и реципиенса становится постоянно характеризуемым...>}.

{Свойство < субъект определяемый инактивный, его характеристика постоянна; при порождении предметной СемС будучи одушевленным может предстать как посессор, а неодушевленным – только как инактивный определяемый; при порождении признаковой СемС перестает быть посессором и становится определяемым...>}.

{Отношение < субъект инактивный, но не страдательный, сопровождается разнореферентным или однореферентным с субъектом объектом; при порождении предметной СемС только одушевленный инактивный, регистрирующий; при порождении признаковой СемС он регистрирующий, но с элементами оценочности, направленной на актант-объект...>}

Имя «Характер процессуальности при классе базового предиката»

{Действие < процессуальность протекает, а не длится, образует точку на временной оси; количество и качество актантов способствует выделению более дробных разновидностей: намеренности / ненамеренности, адресованности / неадресованности; учет фазовости приводит к разновидностям: однократному / повторному, постепенного осуществления / мгновенного осуществления ...>}

{Процесс < выраженная временная и пространственная координация; учет глагольных и именных лексем приводит к разновидностям: процессуальное состояние / гомогенный процесс, естественное / неестественное процессуальное состояние, материальный / нематериальный процесс ...>}

{Состояние < процессуальность длящаяся, а не протекающая; отражает статальный отрезок на временной оси; в зависимости от глагольных и именных лексем отражает естественное, органическое / неестественное, неорганическое, обратимое / необратимое, внешнее / внутреннее, физическое / психофизическое / моральное и т. д. состояния ...>}

{Свойство < постоянство процессуальности, а не фазовость; невозможность смены одного качества процессуальности другим; физическое, моральное, психическое, психофизическое, внешнее, внутреннее и т. д. ...>}

{Отношение < постоянство процессуальности, а не фазовость ...>}

Имя: «Характер модальности»

{Действие < является объектом оценки; нейтральное, положительно или отрицательно оцениваемое формирует поведение – поступок – преступление ...>}

{Процесс < является объектом оценки; положительный / отрицательный процесс...>}.

{Состояние < является объектом оценки; положительно или отрицательно оцениваемо самим субъектом или другим лицом ...>}.

{Свойство < не является объектом оценки, при нем оценивается субъект; объективное, оценочное, оценочно-сравнительное и т. д. ...>}.

{Отношение < является объектом оценки, положительно или отрицательно оцениваемо...>}.

9. Различение подкласса базового предиката [59, с. 81-92, 152-166, 198-208] осуществлять согласно алгоритму: АЛГОРИТМ «Выявление систематики форм гносеологического объекта».

10. Действия на пропозициях осуществлять согласно математическим правилам: вначале в круглых, затем в квадратных, затем в фигурных скобках и др.

АЛГОРИТМ

**Выявление систематики форм гносеологического объекта
«семантическая структура предложения»**

НАЧ	Результаты
Действие 1. Образовать простые понятия и присвоить им имена	Множество простых (аналитических) объектов-понятий с потенцией связей между ними
Действие 2. Образовать главные понятия субъекта и предиката и присвоить им имена	Синтетический объект – понятие (категория) «субъект», синтетический объект – понятие (категория) «предикат»
Действие 3. Образовать исходное линейное отношение между субъектом и предикатом или первичную пропозицию и присвоить ей имя	Новый синтетический объект – связь между субъектом и базовым предикатом, зародыш или пропозиция
Действие 4. Образовать промежуточное вертикальное отношение или соотнести (сверить с эталоном) смысл – зародыш с реальностью и присвоить ему имя	Новый синтетический объект – подтвержденная (истинная) связь – отношение между субъектом и предикатом, то есть семантическое единство или концептуальная структура
Действие 5. Образовать промежуточное вертикальное отношение или соотнести смысл – пропозицию с точкой зрения отражающего лица и присвоить ему имя	Новый синтетический объект – семантическая структура (ситуация, сцена, сценарий) со встроенным отношением отражающего лица; всему концептуальному образованию присваивается значение, образованное во всей иерархической структуре горизонтально-вертикальных соотношений
Действие 6. Образовать целостное конечное горизонтально-вертикальное отношение – структуру конкретизированной пропозиции	Преобразованный сложный объект в формате матрицы, семантической сети и под.

КОН

3. КОГНИТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПОНИМАНИЯ ПО ЗАДАЧНОМУ ТИПУ

Совокупность вводных данных к организации понимания-порождения-представления эмпирического знания позволяет придать им характер проекта лингвокогнитивной технологии направляющего характера.

Проект структуры и содержания технологии построения эмпирического объекта

Общая модель технологии: блок управления и самоуправления проектом → мотивационный блок + целевой блок + операционно-технический блок + контрольный блок. Режим ее реализации – итеративный, циклический.

Блок управления и самоуправления проектом – субъект познания находится в центре акта отражения, осуществляемого на материи текста. Он отображает в своем сознании предметы, их характеристики, их связи, его сознанием вычленяются участники события, оцениваются их свойства, характер взаимоотношений, определяются как статические признаки, так и динамические проявления. В нем осуществляется осознание познающим субъектом целостной структуры и содержательных компонентов деятельности; процессов, которые управляют созданием, обработкой, использованием, объективацией, ростом знания. Это блок планирования, общего контроля, гарантий качества.

Мотивационно-потребностный блок. Его строение характеризуется как изоморфное структуре и подструктурам познавательного цикла с выделением компонента самоактуализации субъекта.

Целевой блок содержит основную цель субъекта – создать такую программу лингвистической и речемыслительной деятельности, которая обеспечила бы ему построение и структурирование поля знания в виде целостной концептуальной структуры (семантической ситуации, сцены, сценария), накопление, использование и ее дальнейший рост.

Здесь выстраивается целый ряд подцелей: определить входные и выходные информации; составить словарь признаков и объемов понятий; выявить связи между признаками и объемами понятий; извлечь значения признаков (смыслы); сконструировать понятия как результат познания; категорировать их; придать им имена; построить решетки из пучков признаков; сконструировать первичную, вторичную и последующие модели ситуации (объекты, атрибуты, связи); выявить логические и онтологические отношения между понятиями; провести анализ-синтез на трех уровнях организации знака-текста; объективировать продукты познания и т. д. – их полный список определяется целостной структурой познавательного цикла, состоящего из списка (комплекса) действий, выполняемых в операционно-техническом блоке.

Операционно-технический блок. В нем лингвистическое знание, содержащее эмпирические понятия (языковые единицы, формы, категории), мы перестраиваем в гипотетико-дедуктивную теорию, в которой все выводы-высказывания являются логическими следствиями группы фундаментальных положений закона «восхождения-нисхождения». Его содержание определяется стратегической линией организации этапов познания и фаз порождения гносеологического образа в его частичности и целостности, списком действий в том порядке, который определился логикой решения возникающих гносеологических задач и производства знания на подготовительном этапе и этапах чувственного и рационального познания.

3.1. Модель теоретико-множественного обоснования языка в действии

Проиллюстрируем принцип действия семиотической системы применительно к художественному тексту, состоящему из одной фразы. Некоторые ученые подвергают сомнению возможность формализации семантики художественного текста, так как «формализация в большей степени возможна там, где выражаемая в тексте действительность достаточно четко очерчена тематически, а сами тексты характеризуются определенной стандартизованностью [101, с. 196].

Работа с таким объектом оказывается очень трудоемкой даже в рамках одного предложения. Решение глобального семантического пространства целого текста являет собой самостоятельную исследовательскую задачу.

Задача. Решить систему образа, изображенного предложением-высказыванием (или, иначе говоря, выявить гносеологические объекты в последовательности их возникновения до фазы завершения, то есть систематику форм абстрактного объекта – ситуации или СемС).

Le garçon lit le livre.

Дано: 1. семантическая структура каждого выражения, отраженная посредством комплексов лексических и грамматических сем (ЛС и ГС):

Le garçon	lit	le livre
┌+ предметность	┌– предметность	┌– предметность
+ одушевленность	+ действие интеллектуальное	+ произведение печати
+ мужескость	+ длящееся	+ информирующее
+ детского возраста		
6-8 лет	+ реально протекающее	+ служит человеку
└+ известность	└+ актуализированное	└+ источник знания

2. синтаксическая модель: (S + V + O_d);

3. семантическая формула: (S² → (S¹ + Pr + O_d)).

Необходимо показать на этом примере, что требуемые результаты – систематика форм целостной семантической ситуации могут быть получены при любых допустимых исходных условиях (предикативная единица текста, воздействующая на концептуальную систему субъекта познания).

Действие 1. В ментальном расплывчатом пространстве познающего индивида образованы простые понятия – частичные базовые гносеологические объекты: объект, атрибут, связь путем присваивания им пучков признаков: 'Le garçon' := человек, мальчик, ему от 6 до 8 лет, он известен коммуникантам; 'lit' := длящаяся интеллектуальная деятельность; 'le livre' := произведение печати, служащее источником информации. Им приданы предварительные имена путем идентификации и категоризации.

Действие 2. В ментальном пространстве образовано первое главное понятие – промежуточный образ целесообразного действующего в ситуации объекта: одушевленный, человеческий, детского возраста, активный, по отношению к предикату – «субъект». Второй главный объект – предикативный признак субъекта с качеством длящейся интеллектуальной деятельности, связанной с извлечением информации из письменного источника знания. Объекты опознаны и категорированы благодаря присваиванию им пучков признаков. Им приданы имена.

Действие 3. Ментальное пространство получает дальнейшую конкретизацию. Обнажено соотнесение субъекта и предиката по линии несубстанциональных и субстанциональных или денотативных сем (горизонтальная, координативная связь). На базе чувственного отражения построен промежуточный образ – первичная модель локальной картины мира (ситуация: объекты, атрибуты, связь). Пропозиция опознана, категорирована. Ей придано имя – одушевленный, человеческий, детского возраста, активный субъект осуществляет интеллектуальную деятельность, связанную с извлечением информации из письменного источника знания.

Действие 4. Ментальная конструкция сверяется с эталоном – образом мира. Обнажено логическое соотнесение зародившейся пропозиции с действительностью (вертикальная, субординативная связь). Построен усложнившийся промежуточный образ – вторичная модель локальной картины мира путем ее верификации, пропозиционализации, идентификации, категоризации. Ей придан смысл соответствия реальной картине мира и «иное» имя – верно, что одушевленный, человеческий, детского возраста, активный субъект осуществляет интеллектуальную деятельность, связанную с извлечением информации из письменного источника знания».

Действие 5. Конструкт оборачивается новой гранью. Обнажено личностное соотнесение уточненной пропозиции с действительностью в целом – с точки зрения отражающего лица (вертикальная, субординативная связь). Построен промежуточный образ модели локальной картины мира с включенным компонентом отражающего ли-

ца путем пропозиционализации, идентификации, категоризации. Ему присваивается иное имя – «субъект наблюдения и коммуникации строит в своем сознании нейтральное сообщение о ситуации с активным участником детского возраста, осуществляющим интеллектуальную деятельность, связанную с извлечением информации...».

Действие 6. Конструкт получает конечное ограничение в виде системы – целостного образа локальной картины мира. Образ опознается, пропозиционализируется, категоризируется. Иерархия репрезентаций преобразуется в знание. Его имя уточняется – «знаком изображен минимальный отрезок действительности, ограниченный одним активным участником детского возраста и его специфическим процессуальным признаком в виде интеллектуальной деятельности».

Утверждение. Для любой синтаксической (предикативной) единицы и для любых значений субъекта и предиката представленные шаги и формулы дают решение системы развития сложного гносеологического объекта.

3.2. Эвристика понимания с использованием системы «восхождение – нисхождение» на подготовительном и чувственном этапах познания

Настоящий раздел посвящен конкретизации рационалистического понимания предложения-знака методом «восхождения» на чувственном этапе познания-понимания текста, на котором субъект должен совершить перцептивные действия, которые представляют собой целую систему.

Чувственные образы наделены своей, особой функцией, поскольку чувственные компоненты, продукты чувственных познавательных процессов участвуют во всякой, казалось бы, совсем абстрактной мыслительной деятельности. Согласно психологии отражения самые абстрактные понятия, взятые как реальные познания, представляют собой пирамидальные сооружения, в которых абстракции все более высокого порядка образуют вершину, а в основе лежат, прикрытые несколькими слоями абстракций разного уровня, чув-

ственные обобщения, продукты более или менее элементарной генерализации [126, с. 234]. Став продуктом, результатом перцептивной деятельности, образ, фиксируясь (в слове), в свою очередь становится идеальным объектом и отправной точкой дальнейшей познавательной деятельности.

Цель исследования на этом этапе – попытаться выявить и показать формальный механизм языка, работа которого служит получению нового знания в процессе когнитивной обработки значения предложения-знака на эмпирическом уровне познания.

Как мы уже неоднократно отмечали, в соответствии с методологией науки мы можем демонстрировать создаваемую теорию на образцах изучаемого явления. Поэтому в качестве типового объекта исследования мы рассматриваем предложение-знак, служащий отображению локальной картины возможного мира, лежащего за ним, то есть замещающий пространственно-временной отрезок мира – ситуацию. Для большей наглядности процесса диалектического развития свойств объекта «ситуация» мы демонстрируем его на предложении конкретной семантики.

Значения слов и выражений, образующих предложение, подвергаются специальной обработке по принципу предметности знаков путем выявления и оперирования интенционалами этих знаков, что обеспечивает познание объекта в форме деятельности на понятиях.

Отправным пунктом поисковой деятельности являются мысли ученых-логиков, лингвистов, психологов о том, что предметными значениями выражений являются воображаемые или мыслимые предметы, что в воображаемой обработке участвуют те же нервные области, что и в перцептивной обработке [26, с. 12, 13; 36, с. 159; 5, с. 140].

Они служат формулированию гипотезы данного этапа исследования: если к признакам, извлекаемым из номинальных и ситуативных определений значений слов и выражений предложения применить систему перцептивных действий согласно нормам закона «восхождения» в познании, то удастся создавать мысленно-конкретные образы из пучков признаков. То есть «видеть» достоверное отраже-

ние предметов возможного мира текста, лежащего за предложением, в гносеологической последовательности развивающихся свойств состава целостного объекта – ситуации. О целостности очень емко говорит М. Хайдеггер: «единство», целостность – как всепронизывающее единение, упорядочение и подразделение всего в целом [142, с. 80]. Следствием спецификации «восхождения» на эмпирическом уровне изучения значения предложения явится нахождение эвристики или схемы (модели) деятельности по пониманию языкового знака в перцептивном блоке познания.

Известно, что современные методики понимания текста ориентированы в основном на работу с поверхностными знаниями. Это связано с тем, что на данный момент в науке о языке нет универсальных технологий, позволяющих выявлять глубинные структуры знаний и работать с ними. Поэтому для определенности представлений нам вновь необходимо показать ряд положений, из которых было выведено содержание гипотезы, составившее ее теоретическую основу, а затем привести образец ее эмпирического обоснования.

Как было неоднократно отмечено, разрабатываемый способ понимания-порождения вторичного текста базируется на представлении о языке как знаковой системе. Слова и словосочетания языка, их комплексы – суть знаки, поскольку, с одной стороны, они являются материальными объектами и как таковые доступны органам наших чувств. С другой стороны, они представляют какие-то объекты, и, прежде всего, из внеязыковой действительности, то есть имеют те или иные предметные значения. Предметное значение – это именно то, представителем чего является знак. Его наличие обязательно у каждого знака в силу самого понятия знака. Предметные значения разнообразны. Это могут быть отдельные предметы и одушевленные существа, классы предметов, явления, процессы, свойства, отношения предметов и т. д. Предметная, или перцептивная функция слова как основного языкового знака одна из самых главных. В этой функции слово, или имя, выступает заместителем предмета. Вновь выдвиганию познавательной гипотезы (и мы ранее уже отмечали это обстоятельство) способствует методологическое, психологическое знание о

том, что восприятие у человека теснейшим образом связано с мышлением, с пониманием сущности предмета и протекает как динамический процесс поиска ответа на вопрос «Что это такое?». Оно взаимосвязано с речью, а слово позволяет глубже познать и отнести воспринимаемый объект к определенной категории. Перцептивные процессы нельзя изучать независимо от памяти, так как кодирование и сохранение информации происходит на каждой стадии ее обработки, а память неотделима от восприятия, так как восприятие является первой ступенью в непрерывном процессе переработки информации.

Познание возникает в качестве чувственного явления. В результате у человека образуется определенное представление о познаваемом объекте. Понятие отличается от представления тем, что субъекту становятся известными все его существенные (конституирующие) свойства – признаки, то есть понятие – форма мышления (мысль), содержание которой составляет совокупность общих и существенных признаков предмета [25, с. 146].

Обоснованность развиваемых здесь положений поддерживается теми представлениями, которые достигнуты в соответствующих областях научного знания. Согласно данным психологии мышления, теории ИИ левое полушарие способно как бы «оторвать» признаки от конкретного объекта и приписать их абстрактному объекту, обладающему этими признаками. Такие признаки в ИИ называют категориальными. С их появлением связан и следующий шаг в развитии мышления – образование понятий. Понятия есть совокупности категориальных признаков, определенным образом связанных между собой [117, с. 6-7]. Речевой центр находится в левом полушарии. Появление речи невозможно без механизма образования понятий. Каждому понятию, синтезированному в левом полушарии, соответствует звуковой код, называющий это понятие. Оторванность понятий от конкретной предметной ситуации дает возможность перехода к абстрактным символам, соотносимым со словами языка. А это, в свою очередь, делает естественный язык мощным инструментом символических преобразований. Так появляется понятийное мышление. Оно строится на конкретно-ситуационном мышлении, оперирующем с

механизмами сходства-различия, эмпирическом мышлении, когда выделенные признаки оцениваются с точки зрения прагматической, функциональной, и категориального мышлении, опирающемся на манипулирование с категориальными признаками. Эти четыре типа мышления соотнесены с речью. Процедуры, связанные с ними, могут вербализоваться, то есть описываться в виде текстов на естественном языке. Так возникают тексты человеческих рассуждений, основанных на рациональных предпосылках и на осознанных шагах вывода [117, с. 6-7].

Правополушарные образы и действия с ними не находят прямой вербализации. Высшим уровнем правополушарного мышления служит символическо-образное мышление. На этом уровне возникают символические системы, в которые группируются те или иные образы. Эти системы связаны друг с другом цепями аналогий и ассоциаций различной силы. Любой образ, переходя из системы в систему, трансформируется, изменяется, сохраняя лишь то, что составляет его суть. Их словесное описание практически невозможно, как невозможно словами описать впечатление от увиденного потрясшего нас пейзажа. И если для левополушарного мышления характерна единственность того объекта, с которым оно в данный момент оперирует, то для правополушарного мышления характерна множественность, неопределенность этого объекта. Логика рассуждений, возникшая еще в Древней Греции и благополучно дожившая до наших дней, занималась и занимается лишь теми механизмами, которые характерны для левостороннего мышления. Вне этой науки остались все способы принятия решений, опирающиеся на нерасчлененные образы правого полушария, преобразуемые сложными операциями ассоциативного типа [117, с. 8].

Правополушарное мышление обладает иными особенностями. Оно оперирует неразделенными образами конкретных ситуаций (гештальтами), в которых объекты вместе с их отношениями и признаками неразрывно связаны с временем и пространством, а также со всем отражением этого в эмоционально-волевой сфере «Я». В правом полушарии возникают чувственные образы реального мира. С его

помощью происходит созерцание этих образов, или застывших в полной неподвижности, или текучих, постоянно меняющихся во времени и пространстве. На этом уровне правостороннего мышления также реализуются операции типа сходство-различие. Но эти операции касаются не признаков, которыми оперирует левое полушарие, а тех комплексов ощущений-состояний, в которых фиксируются отдельные ситуации. В памяти правого полушария хранится своеобразный кинофильм, кадры которого представляют собой следующие друг за другом чувственные образы ситуаций, каждая из которых существует как кадр киноленты обособленно от других, но образует связный фильм при последовательном их прокручивании [117, с. 7-8].

Вклад правосторонних механизмов в творческую деятельность огромен. Интуиция, озарение, догадка, поэтический образ – порождение правого полушария. Без этого остается лишь левое полушарие, функции которого чрезвычайно близки к функциям программиста, формирующего алгоритм решения нужной задачи для компьютера или исполнительного механизма типа станка с программным управлением. Если продолжить эту метафору, то можно сказать, что в голове у человека как бы действуют две машины. Левосторонняя машина похожа на современный компьютер. Она оперирует с отдельными элементами, образуя из них некоторые правильные последовательности, соотносит эти последовательности с реалиями внешнего мира и некоторыми реалиями внутреннего мира (с левосторонним компонентом пространства «Я»), планирует предметную деятельность во внешнем мире и анализирует накопленный опыт. Она создает классификацию всех знаний, накопленных в процессе жизнедеятельности, опирающуюся на вербализованные признаки и отношения, оперирует с формально-логическими системами и делает многое другое, что умеет, в принципе, делать программа для компьютера. Правосторонняя машина на компьютер совсем не похожа. Она работает параллельно, используя ассоциативный принцип. В ее операциях нет четко выраженной цели, планирования на основе этих целей, программирования последовательности операций. В этой машине текут непрерывные процессы, аналогичные волновым, и конечный резуль-

тат ее деятельности никогда не фиксируется в виде единственно возможного [117, с. 9; 43, с. 63-76; 79, с. 91-101; 109].

Следовательно, степень осознаваемого восприятия в познавательной деятельности на тексте предстает неотъемлемым, обязательным звеном полного цикла познания, который должен иметь своим содержанием извлечение и оперирование пучками признаков (интенциональных характеристик) понятий, отсылающих когнитивного субъекта к объектам возможного мира текста, связям между ними и их отдельными свойствами. Предварительное исследование показало, что при этом необходимо различать понятие как смысл общего имени и понятие как систему знаний. Понятие представляет собой в некотором роде схематическое, но, как правило, более глубокое отображение предметов. Отображение действительности в понятиях обеспечивает неограниченные возможности познания действительности. Представления субъективны, а понятия в силу их фиксации в языке интерсубъективны [26, с. 91, 98, 162]. Представление более или менее конкретно, понятие абстрактно. Однако и оперирование понятиями в той или иной мере связано с представлениями. Расчленяя в понятии предметы и явления на признаки, мы связываем в свою очередь обычно сами эти признаки с некоторыми представлениями. Представление, возникая в момент отсутствия предмета, является, тем не менее, образом всецело чувственным и наглядным. Переход от первичных образов к вторичным, то есть к представлениям, осуществляется посредством механизма их обобщения и схематизации.

Выделение содержательных признаков и объемов понятий, усвоение понятий, операций с понятиями, производство понятий и их применение соответствуют внутренней структуре родового психического процесса. Наше знание о предмете выражается в совокупности суждений о нем, то есть в приписанных ему в этих суждениях признаках.

Смысл – это способ, каким знак обозначает предмет; информация о предмете, которую он содержит и которая достаточна именно для мысленного выделения этих предметов. По существу, имеется в виду совокупность свойств (признаков), которыми характеризуется

предмет и по которым он выделяется из множества других предметов. Смыслы в свою очередь представляют собой некоторые качественно определенные, структурированные образования, формы отражения предметов и явлений действительности в мышлении. Так, смыслы знаков-имен – это понятия. Смыслы повествовательных предложений – суждение.

Под синтактикой предложения-знака в монографии понимается цепочка символов – слов и выражений. Принимаются упрощения и огрубления в рассмотрении их семантики. Мы исходим из общепринятого мнения о том, что структура смысла предложения понятийна, адекватно соотносима с реальными свойствами предметов и явлений, становящихся объектом познания и языкового оформления.

Вслед за Ю. С. Степановым под семантикой слов и выражений мы понимаем значение как набор или «пучок» признаков, конституирующих идеальный объект.

Соответственно, выявление семантики текста предполагает конструирование мира, который состоит из предметов, индивидов, сущностей, соответствующих интенционалам языка [130, с. 17, 21]. В практическом анализе нами применяется положение о том, что каждый языковой знак связан на уровне сознания и подсознания с определенными квантами знаний, существующих в памяти в форме ментальных репрезентаций. В прагматическую составляющую создаваемой семиотической модели входят, согласно представлениям инженерии знаний, практические аспекты извлечения и использования отдельных признаков и их совокупностей на основании дефиниций, то есть то, путем каких операций от значений выражений перейти к стройной модели деятельности.

Вновь, как и при обработке явного конъюнктивного определения научного термина, обнаруживает себя оператором использование понятия определения как абстрактного способа познания значения и обозначаемого словом предмета. Этим термином обозначают и определенный логический прием, имеющий целью раскрытие содержания понятия, и результат применения данного приема. О познавательной ценности лингвистического определения можно сказать то же самое,

что и о научном определении вообще. Слова в их значениях невозможно отделить от обозначаемых ими предметов. Определение формулирует основное содержание понятия. Особо выделим наше наблюдение о том, что на начальном этапе анализа слово называет понятие, которое следует рассматривать как представляющее собой лишь результат обобщения предметов некоторого класса по указанной в дефиниции совокупности признаков. Оно представляет собой на этой стадии смысл общих имен (например, «девочка», «семья», «деревня» и т. п.) и является основой порождения понятия как системы знания, получаемого в результате обобщения совокупности признаков, извлеченных из номинальных и реальных определений слова. Глубина познания самого предмета внешнего или возможного мира текста так же, как и степень «чистоты» конструируемого образа, может регулироваться использованием дифференциальных признаков не только толковых, но и энциклопедических, культурно-исторических, этнолингвистических и т. п. словарей.

Как мы указали ранее, существенной чертой разрабатываемого нами подхода является тщательная, скрупулезная обработка извлекаемых из дефиниций слов и выражений грамматических и лексических сем, которые преобразуются в конституирующие признаки порождаемого гносеологического образа и образуют базу сугубо лингвистических данных, «чистое» знание, «чистый» вторичный текст. Следует сказать, что в лингвистике пока не существует полностью развитого процессуального подхода к лексическому значению, но, как отмечает Т. Виноград, уже имеются начала теории, использующей ряд вычислительных идей, применимых к случаям, когда происходит «подбор» ситуативных типов к индивидуальным явлениям [24, с. 144]. Этот этап предварительной когнитивной классификации признаков вызывает аналогию и требует заимствования содержания информационных понятий сортировки, создания массивов объектов – наборов пронумерованных по порядку однотипных величин, многократных просмотров этих массивов объектов, выполнения определенных операций над их элементами и др. [35, с. 152]. Комплексы или массивы сем-признаков должны быть описаны до начала работы лингвистиче-

ского процессора субъекта познания. Ср. с психологическим понятием ранней перцептивной и семантической обработки (“priming”), концептуальной преднастройки [78, с. 152]. Здесь предстают необходимыми действия логической классификации терминируемых понятий, логическое деление, нахождение экстенции и интенции слов и выражений и др. [136, с. 23]. Иными словами, основу построения комплексов сем и, соответственно, формируемой субъектом предметной области, составляет процедура терминологизации общеупотребительного слова, которая обеспечивает точность и устойчивость внутренней характеристики замещаемого им объекта в качестве его значения [118, с. 53-54]. В целом предлагаемый когнитивно-методологический подход к пониманию означает привнесение в лингвистическую деятельность точности, математизации и формализации.

Описать комплекс или массив сем – значит определить каждый признак и совокупность признаков путем соотнесения с картиной реального мира, учесть их количество, сохранить в памяти для последующего использования в качестве предикатов наблюдения, то есть произвести внутреннюю и внешнюю сортировку [35, с. 152; 150, с. 79]. Как мы говорили ранее, образ-цель деятельности по пониманию предложения-знака мы представляем в виде формализма его проекции – системы «объекты, атрибуты и связи» или $(S^2 \rightarrow (S^1 + Pr)) = \Sigma$. Этот искомый семантический объект является специфическим явлением опережающего отражения, он вызывает к реализации активность субъекта, генерацию познавательных гипотез.

Создание когнитивной модели деятельности и ее продукций предполагает уточнение принятых в ней тактических ограничений и допущений.

Мы рассматриваем приводимую далее схему как исходную, приблизительную, позволяющую отобразить координированный ряд чувственных деятельностей и соответствующих им продукций, направляемых общей целью понимания и преобразования информации из аналоговой формы в символическую.

Мы не детализируем в ней содержание подготовительного этапа, целью которого является создание ментального объекта исследования или базы лингвистических данных (БД). Этому вопросу, как и целому ряду других, необходимо посвятить специальное исследование, поэтому мы сделаем лишь самое необходимое предварительное пояснение.

В моделировании содержания данного этапа мы исходим из методологического, онтологического и психолингвистического положения о том, что каждый языковой знак связан на уровне сознания и подсознания с определенными квантами знаний, существующих в памяти в форме ментальных репрезентаций [46, с. 3-4]. Поэтому мы полагаем, что на этом этапе субъект может обрести отдельные представления на основании предыдущего опыта онтологизации – путем частеречной и лексической классификации слов и создания их «массивов» перевести значения в комплексы (массивы) грамматических и лексических сем. Он осуществляет наблюдение характера организации и статического взаимодействия признаков; он производит структурные и содержательные преобразования предложения в синтаксическую модель и семантическую формулу; он переводит формулы в уравнение и др. В создаваемом ментальном пространстве он разграничивает семантическое данное и семантическое искомое в глобальной задаче на построение образа ситуации, планирует ход ее решения и свои предметно-познавательные действия в соответствии с регулятивами научного познания. Всем этим комплексом исследовательских действий и их продукций управляет метазадача – усматривать за значениями и частицами значений знаков частицы предполагаемого образа (предметного мира).

Например, в отрывке текста сказки Ш. Перро [33, с. 74-75] 26 имен существительных создали первоначальный нерасчлененный образ «субстанции» (см. систему онтологий: [68, с. 191 и сл.]). Их дальнейшее разбиение по основанию «конкретность/абстрактность» приводит к выделению дихотомической пары частичного образа «предметы предметные/предметы не предметные». Дальнейшее их деление на подклассы подклассов выделяет среди предметных имен одуше-

ленные в количестве 9 единиц: *fille, mère-grand, mère, compère, loup, enfant, femme, papillon, bûcheron* и неодушевленные в количестве 13 единиц: *chaperon, village, galette, pot, beurre, bois, moulin* и др., создав точное воспроизведенное отражение называемых предметов. Эти первичные репрезентации создают стержневые фигуры. Подключенные семантических данных прилагательных в количестве 12 единиц: *petit, jolie, folle, bonne, malade, rouge, pauvre, court* и т. д. формируют частицы свойств соответствующих предметов.

Анализ-синтез глагольных лексем в количестве 29 позволяет выявить дихотомию отношений – материальных: *faire, appeler, cuire, aller voir, porter, partir* и др. и нематериальных: *avoir envie, vouloir, oser, être dangereux* и т. д. Их дальнейшая семантическая классификация позволяет предварительно воссоздать образы 'действий': *porter, manger, s'arrêter, écouter* и т. д.; «состояния»: *être dangereux, demeurer, savoir*; «отношения»: *aimer, avoir envie, vouloir* и др.

Подключение класса наречий *plus, loin, bien, là, ici, encore, tôt* позволяет предварительно «увидеть» образ «признаки, характеристики процессуальности или движения» и т. д.

По Пиаже, эти статические образы-модели создают «фигуративный» тип репрезентации как своего рода ментальную экспозицию «фигурантов» и статичных связей между ними [110].

Подключение к анализу-синтезу семантики предлогов, союзов придает образу «преддинамичный» вид; частиц и междометий – позволяет обнаружить «следы» автора: *Ah! Oh! Hé bien. Ne... pas* и др. Описание всех обследовательских действий заняло бы слишком много места в связи с необходимостью линейного изложения процесса развертывания процедур. Существенным здесь представляется отметить, что названные схемы (репрезентации) кодируют категории событий и объектов в терминах их привычных свойств [5, с. 134, 141]. «Фигуративный» тип репрезентации состоит только в представлении данных восприятием элементов без возможности их связей или операций над ними (в нашей схеме это действия 1 - 2.12.).

Второй тип репрезентаций, основанных на значении – пропозициональные структуры, – обнаруживает себя значительно позже – в

процедуре установления онтологических связей между произведенными понятиями (в нашей схеме это действия 3.1, 3.2 и следующие, а также действия рационального цикла, см. раздел 3.3 данной главы). Этот тип репрезентаций кодирует уже информацию о конкретном событии и собственно обеспечивает возможности мышления. Операциональная репрезентация допускает различные трансформации, которые аналогичны внешним действиям с предметами. Это выполнение внешних действий во внутреннем плане или оперировании с умственными репрезентациями. К моменту их возникновения можно отнести промежуточный этап между чувственным и рациональным пониманием.

Мы его усматриваем в этапе выявления и перевода синтаксических моделей предложения в семантические формулы и их когнитивной обработке (см. синтаксис и семантику семиотической системы: раздел 2.2.2 настоящей работы). Тем не менее, мы полагаем, что приводимая далее схема узловых процедур и показ моментов возникновения типов суждений в качестве «чистой» основы вторичного текста позволяют показать, каким образом осуществляется идеализация перцептивного языкового познания и получаются в качестве результата «чистые» формы объекта и «чистый» вторичный текст.

Заметим, что о возможности выделения информации с точностью до конкретного грамматического или семантического признака говорил А. И. Новиков в 1983 году. В своем исследовании, посвященном формализации семантики текста, он пришел к выводу о том, что эта задача в связи с ее сложностью и трудоемкостью может быть предметом самостоятельного исследования [101, с. 188].

Обоснование выводов по построению идеальных объектов из признаков, (несмотря на их характер неполной индукции) мы признаем соответствующими нормам логики. В этом утверждении мы основываемся на логической норме. Извлекаемые нами конструктивные признаки предстают не случайно взятой частью целого, которая могла бы быть заменена произвольно другой. Это целое мы находим в виде совокупности членов множеств, которые извлекаются из сло-

варных и контекстуальных дефиниций таким образом, что ими намечается логический строй, логическое очертание целого [140, с. 216].

В связи с тем, что мы рассматриваем линию интерпретации в единстве со схематизацией и идеализацией, нам потребовалось изобрести способ представления интегрированной, иерархической системы диалектических моделей как формы стандартизации диалектического моделирования. Ср. с понятием наследования знаний в мультииерархических мирах [120, с. 92-101]. Заметим, что согласно методологии мышления, стандартизация диалектических моделей является сложной проблемой, и она вытекает из общепринятых законов познания [25, с. 264]. Закон определенности знания предполагает четкое установление «наличия» или «отсутствия» у формы объекта, выделение его раздвоенности согласно диалектике познания. Это требование мы исполняем тем, что представляем в виде схемы единство чувственных деятельностей и продукций воображения и мышления в аналоговом и символическом (вербальном) изображении.

Вербальный аспект процесса когнитивной обработки информации представляется посредством предикатов, знаковых форм признаков или высказывательных форм со свободными переменными, представляющих собой формы утверждения или отрицания наличия у предметов тех или иных качеств, свойств и т. п.

Эти формы, как и в процессе конструирования теоретических объектов, находят свою реализацию в стандартных суждениях существования, атрибутивных, реляционных, прагматических, смешанных и т. д. Аналоговый способ кодирования мы изображаем графически, в виде рисунков. Единство планов интерпретации, схематизации и идеализации позволяет конструировать матрицу свойств объекта, проявляющую его развитие, и служит исходным звеном для переноса свойств с познанных таким образом объектов на иные объекты.

В процессе понимания-порождения знания мы ограниченно показываем линию интерпретации для выражения идеи системности образа как самой общей тенденции развития форм объекта. Так, например, мы не приводим содержание прагматической модели, которая представляла бы планирование действий и протоколизацию их

осуществления подобно записи хода математического решения. Это вынужденное ограничение, связанное с масштабом сопутствующих решаемых задач и необходимостью представления их решения. Мы приходим к выводу о том, что функциональная структура «понимание-порождение-представление» должна была бы включать гносеологическую характеристику не только «входных» (восхождение) правил, но и «выходных» (нисхождение) правил. Мы в своем исследовании делаем лишь его эскизный проект. Очевидно, это дело научного будущего. Подобным образом мы пытаемся всего лишь показать тот путь организации понимания-порождения-представления, на котором производство «чистого» знания и его фиксация «чистым» же текстом, функции познания и общения выступают в неразрывном диалектическом единстве.

Требует обращения к себе понятие «начало существования», предполагающее вычленение субъектом гносеологического и онтологического моментов, которые находят одновременную реализацию в «начале» существования объекта для познающего и в осознании им отношения произведенного знания к его объекту. При таком понимании нечто начинает существовать для человека лишь в связи и благодаря вычленяемым признакам и служить моментом зарождения и отправной точкой последующего становления иерархической системы диалектических моделей развивающегося объекта.

Исследователю предстает логически необходимым осуществить подключение триадности в качестве приема диалектического мышления с самого начального этапа познания (объект «вообще») и на всем его протяжении с целью выявления промежуточных форм объекта и, соответственно, построения моделей более конкретного уровня. Ср. с наблюдениями о деривации текста Л. Н. Мурзина и А. С. Штерна [97, с. 44-47]. Выделяя триаду, обращаем внимание на то, что объект в своем развитии представлен в трех составных частях трех систем. Его формы находят свое отражение в общности свойств в трех множествах, которые соотнесены между собой. А именно: содержание познавательного процесса организуется по логическому стандарту системы (совокупности или множества), движение мысли осуществля-

ется в трех составных частях диалектической модели системы реального мира «вещи, свойства и отношения» и в трех же частях коррелирующей с ней модели системы возможного мира текста «объекты, атрибуты и связи». Именно трехуровневость и трехчленность «клетки» – конструктора мира придают объем структурам знания, производимого субъектом.

Как было сказано выше, для наглядного изображения результатов чувственной диалектической трактовки объекта целесообразно обратиться к графической визуализации информации об объекте – к рисункам, которые позволяют наглядно передать идею его развития и связи с вновь полученными знаниями. Сама проблема закономерностей графической визуализации информации об объекте в лингвистике еще только-только начинает осваиваться.

Действие принципиальной схемы эвристики, ограниченной блоком деятельности и сопряженных с ними продукций воображения и мышления, проиллюстрируем на предложении конкретной семантики, замещающей абстракции, которые можно назвать эмпирическими объектами, выделяющими в действительности некоторую совокупность свойств и отношений вещей (схема 1).

Чтобы описать поведение порождаемого объекта (знания о ситуации), нужно составить пошаговое описание процесса приобретения объектом ситуация «вообще» каждого свойства, конкретизирующего его (промежуточные репрезентации). Приступая к построению схемы, переводим в лингвистические действия психологическое знание о том, что репрезентации и операции альтернативны, что на одном этапе обработки информации осуществляется образное кодирование, а на другом – вербальное.

Принципиальный путь генерации аналогов наглядно покажем процедурами, формирующими исходную (рис. 2), промежуточную (рис. 3-19) и конечную (рис. 20) фазы развития образа ситуации, символизирующими отправной момент и момент относительного завершения этапа чувственного познания.

Дано предложение-знак: «*Il était une fois une petite fille de Village, la plus jolie qu'on eût su voir; sa mère en était folle, et sa mère-grand plus folle encore*» (33, с. 74].

Схема 1

Чувственные деятельности = продукции воображения и мышления в аналоговом и символическом изображении

1. Подготовительный этап познания.

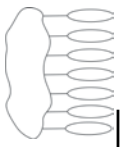
1.1. *Наблюдение* знака («живое» созерцание) = Рис. 2 | «Объект заключен в неразвитой форме в предложении-знаке».

1.2. *Интуитивное понимание* = Рис. 3 | «Весь объект (ситуация), отображенный знаком, схвачен, узнан в целом».

1.3. *Снятие «копии»* (первичный синтез) = Рис. 4 | «Речь идет об одушевленном объекте и о том, что с ним происходило где-то, когда-то».

2. Первый этап познания. Чувственное отражение. Синтаксический уровень организации знака.

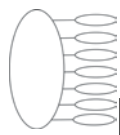
2.1. *Переведение* слов и выражений предложения в форму дефиниций = Рис. 5

 | «раскрывается содержание понятий».

2.2. *Выделение нечеткого множества сем из номинального определения* – исходное звено движения от материального к идеальному = Рис. 6

 | «выявляется общая основа предметности оперативного образа».

2.3. *Наблюдение и сравнение каждого признака-объекта в условиях номинального и реального определений* = Рис. 7

 | «выявляется конкретная основа предметности оперативного образа».

2.4. *Дифференцировка сем-признаков* = Рис. 8 | «разграничиваются грамматические и лексические семы, и возникает соотне-

сенность воображаемых конкретных предметов и явлений, представляемых в знаке, с предметами и явлениями реального мира».

2.5. *Выделение, идентификация и иерархизация грамматических*

сем = Рис. 9 | напр.: предметность, одушевленность, человечность, женскость, нарицательность, счисляемость, неопределенность и т. д. – выделяются внутренние связи между отдельными общими свойствами и качественной и функциональной спецификой предмета, объект предварительно воспроизведен – «получены первичные чувственные оперативные образы».

2.6. *Выделение, идентификация и иерархизация лексических сем*

= Рис. 10 | напр.: детскость, сельскость, доверчивость; красивость, доброта, наивность, ласковость; предмет обожания мамы и бабушки, предмет любви всех селян, предмет восхищения повествователя ... и т. д. – выделяются внутренние связи между отдельными частными характеристиками предмета, объект воспроизведен – «получены вторичные чувственные оперативные образы».

2.7. *Обобщение грамматических и лексических признаков =*

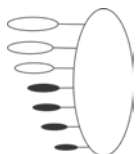

Рис. 11 | «признаки собраны в «пучки», в системы знания, и эти знания обоснованно ограничиваются форматом «понятие»: «мама», «бабушка», «дочка», «внучка» и др.».

2.8. *Опознание сконструированных абстрактных объектов и их*

категориальное обобщение = Рис. 12 | «понятия предстают как результат мышления в качестве чувственного явления (три вида идеальных предметов: объекты – *une fille, sa mère, sa mère-grand*; атрибуты – *petite, la plus jolie qu'on eût su voir, folle, plus folle encore* и

связи – il était une fois, de Village, sa mère, sa mère-grand, qu'on eût su voir, sa mère en était folle, et sa mère-grand plus folle encore»).

2.9. *Построение ситуативных определений объектов – им придан определенный смысл, найдены смысловые эквиваленты (категории), языковые «ярлыки» для выделенных структур, а значит и предметное значение = | «субъект осознает, что именно в предметном плане обозначает определяемое выражение как знак».*

2.10. *Экспликация полученных абстрактных предметов, их свойств и связей = характеристика предметов: их существования, свойств и связей с указанием отличительной совокупности признаков (то есть сохранение знания, образованного из полученных понятий путем приписывания им отличительной совокупности признаков в следующей форме мышления – суждении). По основанию «характер предикации» выделяются суждения атрибутивные, суждения с отношениями и суждения существования; реализуется такая форма мышления как функция высказывания.*

2.11. *Верификация утверждений путем установления присущности существования, свойства или отношения объекту, выражаемому субъектом суждения.*

2.12. *Обзор следствий (выводов) по процессу стандартного построения объекта = производство совокупностей категорических суждений, которые утверждают обоснованность образования трех видов пучков признаков в составе целого на основании характеристик объектов и которые служат преобразованию выводов из умозаключений в тезисы для последующего написания текстового объяснения (теории) объекта.*

3.1. *Выявление онтологических связей между единичными объ-*

ектами как представителями понятий = Рис. 13 | напр.: выявлено отношение между тремя предметами – одушевленными участниками ситуации.

3.2. Выявление онтологических связей смежности, контактов

отдельных объектов в пространстве и во времени = Рис. 14

| грамматические семы imparfait выражений *il était une fois, en était folle* генерируют репрезентацию о размещении сообщаемого в неопределенный момент времени, предшествующий моменту повествования о сказочном мире; лексические специфические семы имени-идентификатора *de Village* репрезентируют знание о сельском типе поселения или места, где обитает система персонажей описываемой сказочной ситуации.

3.3. Выявление онтологических связей отдельных объектов по

признаку причинности происхождения = Рис. 15 | *sa mère – une petite fille, sa mère – sa mère-grand.*

3.4. Выявление онтологического сочленения трех индивидов,

относящихся к тому же понятию = Рис. 16 | «семья».

3.5. Выявление межкатегориальной связи детерминации =

Рис. 17 | качественная характеристика понятия *une petite fille + la plus jolie qu'on eût su voir* – получено новое понятие.

3.6. Выявление межкатегориальной связи конъюнкции =

Рис. 18 | *sa mère en était folle, et sa mère-grand plus folle encore* – объединение понятий для выражения превосходной степени признака отношения.

3.7. *Выявление межкатегориальной связи дизъюнкции =*

Рис. 19 | *sa mère et sa mère-grand* – получается ближайший общий род – «взрослые» или новое понятие.

3.8. *Ситуативное обобщение объекта =*

Рис. 20 | «сшивание решений» и получение устойчивого чувственного образа, символически отраженного в виде описания чувственно воспринятых свойств объекта на основе ранее установленных признаков. Оно отражает упорядочение и более конкретное содержание свойств многих форм объекта в качестве единой мысленной их картины.

Формой объяснения или теорией описания порожденного интегрированного объекта предстает построенный вторичный дескриптивный или дискурсивный текст. Дескриптивный текст получает характер «качественного» повествования о чувственно воспринятых свойствах развивающегося образа семантической ситуации. Например: «некогда, в некотором сельском французском поселении имело место некоторое событие с девочкой – селяночкой, которая жила с мамой и с бабушкой. Девочка была прехорошенькая, ее любила мама и обожала бабушка». Дискурсивный текст реализует себя во вторичном тексте с рассуждениями, когда множество признаков объектов объединяются в один предикат, представляющий проекцию текста посредством операции конъюнкции.

Например, утверждение 1: в локальной картине мира присутствует (изображена) маленькая девочка.

Названное представление правильное, потому что: 1) конкретизированный предмет отражен пучком соответствующих грамматических и лексических сем; 2) об актуализации этого частичного чувственного мысленного объекта свидетельствует эксплицитная сема существования глагола *être*; 3) сема существования поддерживается грамматической семой прошедшего описательного («сказочного») *imparfait* безличной конструкции; 4) она поддерживается также семой

отдаленного, неопределенного прошлого «à l'époque» существительного une fois; 5) этот объект находит необходимую локализацию в пространстве-времени, о чем сигнализирует грамматическая сема времени безличной конструкции глагола être в сочетании с лексической семой местонахождения имени de Village. Следовательно, произведенное на базе перечисленных оснований знание (репрезентация) о существовании объекта в картине возможного мира можно признать относительно истинным на основании индукции по длине качественных сем выражения.

Утверждение 2. Образ девочки в картине возможного мира является центральным, потому что... и т. д.

3.9. Верификация образа локальной картины мира путем построения структуры доказательства: тезисов, аргументов и демонстрации.

Подводя итог описанию принципиальной схемы найденной эвристики, отметим, что каждый ее шаг обнаруживает перспективу для специального, более глубокого обоснования и разработки.

Таким образом, содержание начального этапа проникновения в формальный и содержательный механизмы языка, в его «работу» на эмпирическом уровне исследования предложения составило превращение материального знака в идеальные объекты и образование первичной чувственной мысленной целостности – понятий (концептов). Являясь частями целой понятийной организации, концепты обнаружили способность образовывать иерархические категориальные структуры и вступать в онтологические отношения между собой, придавая тем самым перцептивному образу форму осознаваемой вертикально-горизонтальной схемы или фрейма. Эти концептуальные образования обладают стремлением к семиотической упорядоченности генерализованного понятийного знания в формате системы, состоящей из структурных частей проекции текста «объекты, атрибуты и «связи», которая становится отправной точкой для последующего перехода к циклу рационального познания.

По своей сути эвристика производства понятийных структур на этапе перцепции текста-знака, состоящая в выявлении его интенцио-

нальных признаков и установлении связи между отдельными свойствами предметов и между самими предметами, позволяет отнести ее к признаковой семиотической модели перцептивного цикла понимания методом «восхождения», обретшей свою синтактику, семантику и прагматику.

Тем самым наше предположение о продуктивности методологического когнитивного подхода к исследованию эмпирического знания нашло подтверждение. Для построения системы понимания на этапе перцепции в полной мере применимы тезаурус, понятийный аппарат и закономерности закона восхождения и сопряженных с ним принципов. Выявленный способ действия позволил подтвердить гносеологический потенциал семы (признака) как единицы анализа значения, как исходной «клеточки» и «начала» порождаемой концептуальной схемы в форме ситуации, смоделировать ее предварительный «результат» и образовать чувственный образ как необходимый компонент для осуществления следующего этапа формирования мысленного образа и реализации теоретического цикла исследования. Гносеологический объект получил объяснение посредством всех ставших известными благодаря лексическим и сопряженным с ними грамматическим значениям форм данного объекта. Диалектическая обработка форм объекта нашла свое выражение в составлении рядов его аналогового (по возможности) и символического изображения, построении единой иерархической системы диалектических моделей и образцов написания текстового объяснения (теории) произведенного объекта.

Основу верификации модели перцептивного цикла понимания составляет научное знание о понятии как средстве решения некоторого класса задач, о возможности семантического конструирования предмета на основе заданного набора характеристик, о конструктивной проверке новых абстрактных объектов, а также различные прикладные методы исследования понятий и представлений.

3.3. Эвристика понимания с использованием системы «восхождение – нисхождение» на уровнях этапа рационального познания

На этапе чувственного познания мы выделили объекты из фона; сформировали визуальный и вербальный коды объекта; установили тождества и различия объектов; классифицировали объекты по категориям; сформировали когнитивную схему для построения пространственных сцен; сформировали статичный перцептивный образ ситуации; выявили условия и характер вторичного вербального кодирования перцептивного образа.

Чтобы выявить специфику поведения порождаемого объекта на этапе рационального познания, нужно мысленно вновь обратиться к модели цели деятельности и к модели ее результата, выявить целесообразные задачи, найти способы их решения и составить пошаговое описание каждого действия, свойственного генерируемому эмпирическому объекту. Вновь нам необходимо осуществить эвристический поиск способа решения комплексных задач различного типа: стратегических и тактических, эпистемологических и прагматических, логических и онтологических, задач, связанных с необходимостью выявления способа представления произведенного знания.

Как мы уже отмечали, на данный момент в лингвистике отсутствует единая теория рациональности понимания, построенная на глубоко методологической платформе, которая исчерпывающе показала бы все его существенные стороны.

Когнитивный подход позволяет ученым вплотную приблизиться к такому пониманию содержания процесса языкового познания, который определяется как переход от значений к знаниям. Это длительный и трудоемкий процесс, обусловленный целым рядом обстоятельств.

Важнейшие из них: необходимость «сцепления» разных знаний, владение лингвистом гносеологическим понятийным аппаратом и методом «восхождения», наличие у исследователя математического аппарата для формализации процедур построения теоретической схемы

и оснащения целенаправленной знаковой деятельности, наличие изобретенных абстрактных объектов, представляющих линию вводного и выводного знания. Едва ли не самыми существенными при индуктивном способе производства знания являются умения осуществлять идентификацию в пределе, осуществлять длинную серию выводов, «мысленно видеть», сохранять образы и обосновывать их.

Когнитивному субъекту следует иметь значительный опыт обработки разнообразных значений мышлением, воображением и конфигурирования производимого знания, построения программ мысли и слова и т. д.

Особую значимость в составе инвариантной деятельности приобретает умение удерживать частицы образа в оперативной памяти, распознавать и «склеивать» их, преобразовывать вербальный код в визуальный и далее – в коды других знаковых систем и целый ряд других.

Как уже было отмечено ранее, в ходе поиска способа рационалистического понимания обнаруживается логическая необходимость интеграции лингвистического и информационного представления о понятиях объекта, атрибута и связи. Из информатики, в частности, заимствуются понятия объектно-ориентированной технологии, объектно-структурного подхода и анализа (ОСП и ОСА), понятия константы, переменной и ряд других понятий.

Благодаря овладению этими понятиями открывается возможность построить мысленную модель цели деятельности по пониманию. Предлагаемая нами модель цели получает такой вид: выявить целостный системный объект – семантическую ситуацию (совокупность ситуаций), стоящую за языковым знаком-предложением (или текстом) через посредство частичных семантических компонентов – объектов, их свойств, связей и отношений. При этом моделью результата становится структура знания как своеобразная предметная область, получающая конфигурацию семантической ситуации (СемС) или совокупности семантических компонентов или ситуаций ($\sum$ СемС).

Таким образом, лингвист получает возможность постановки целого ряда сложным образом организованного комплекса полисистемных задач в рамках основного гносеологического отношения. Его организация требует умственного построения сложной вертикально-горизонтальной структуры познания (понимания), имеющей циклический итеративный характер и обусловленной необходимостью решения последовательностей задач различного типа: стратегических и тактических, эпистемологических и прагматических, логических и онтологических.

Постановка стратегических задач обуславливается содержанием этапа научного познания и фазой развития гносеологического образа, то есть собственно лингвистической гносеологией.

Постановка тактических задач связана с решением эпистемологических и прагматических задач, то есть задач на преобразование объектов – языковых значений в продукты. Особую роль в когнитивной обработке информации познающим субъектом выполняют задачи на выяснение типа отношений между понятиями – логических (иерархических, вертикальных) и онтологических (неиерархических, горизонтальных) внутри самой структуры порождаемого образа значения предложения, их сложного взаимодействия и взаимовлияния, постигаемого путем анализа действия закона многомерного и многоуровневого семантического согласования.

В основу построения предлагаемой в работе модели понимания легла такая ее трактовка, согласно которой она является результатом естественной обработки языковых данных и требует вначале построения когнитивной модели отдельной ситуации как исходной информационной единицы или элементарной клетки знания.

В логике таковой считается мысль, структура которой отражает знание о вещи с приписанным свойством или установленным отношением, и это представление соотносится с лингвистическим и психологическим понятием пропозиции или пропозициональной функции.

Выявление рационального способа производства знания о ситуации как его единице позволяет выяснить как их полный состав в тек-

сте, так и механизм их взаимодействия и характер их целостного (системного) образования. То есть реализовать вывод о целостной концептуальной структуре, изображенной текстом, благодаря неограниченному повторению основного процесса извлечения-порождения знания и вычислению характера взаимодействия и взаимовлияния между составляющими ее частичными пропозициональными структурами.

В нашем рассуждении мы исходим из изобретенной нами фундаментальной теоретической схемы, представляющей идеализированную модель возможной действительности текста-знака: $(S^2 \rightarrow (S^1 + Pr)) = \Sigma$, которая получает необходимое уточнение применительно к знаку-предложению:

$$\text{СемС}_{\text{предложения}} = \Sigma = (S^2 \rightarrow (S^1 + Pr + O_d + O_i + Circ)) = ?$$

Эту модель, включающую все необходимые составляющие семантической структуры предложения как единицы анализа, мы принимаем за репрезентацию начального состояния (начальная ментальная модель – ситуация «вообще»).

Следовательно, в своем семантическом решении нам нужно конкретизировать названные заданные части ситуации посредством выявления предиката – Pr, его развертывания актантами – семантическим субъектом – S^1 , объектами – O_d , O_i , сирконстантами – Circ, квалификаторов, интенсификаторов, отражающего лица – S^2 .

То есть мы вводим в лингвистический оборот понятие смысловой задачи как поиска многоуровневой соотнесенности понятий, категорий или закона семантического согласования и единиц ее анализа в виде предложенных смысловых компонентов в их взаимодействии и взаимовлиянии. Когнитивная обработка лексико-грамматических элементов (сем, признаков), понятий, участвующих в реализации закона многофакторного и многоуровневого отношения обусловливания на длине текста любой протяженности, являет собой центральное звено в порождаемой системе знания, так как оно опосредованно фиксирует существующее отношение в объективном мире и тем самым достигается равновесие – соответствие мыслительных структур с объектами реальности.

Развитие и углубление образа – перцепта, произведенного на этапе чувственного понимания, осуществляется дальнейшим последовательным уточнением свойств объекта (его систематики). Использование построенной ранее модели перцептивного цикла рассматриваем как универсальный принцип взаимодействия ментальности с информацией, полученной от органов чувств. Моделью представления знания так же, как и в модели перцептивного цикла, является продукционная модель.

Цель понимания конкретизируется – когнитивно освоить локальную картину возможного мира вышеназванного текста как сложного, комплексного объекта, значения которого представляют преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений. Общее содержание процесса понимания на этом этапе составляет оперирование простыми объектами-понятиями, образованными на этапе восприятия, выявление главных понятий – субъекта и предиката, их конкретизация по отношению к действительности и к отражающему лицу, то есть построение пропозиции как онтологического отношения между свойством и его носителем, как речемыслительного отражения ситуации (отрезка возможного мира). Локализация объекта в пространстве-времени и качественная спецификация движения продолжает развитие картины (ситуации, сцены, сценария). Уточнение позиции отражающего индивида к развивающемуся объекту и ко всему миру завершает понимание объекта. Объяснение пути и методологического статуса продуктов понимания осуществляется путем нормативных выводов на основе закона восхождения-нисхождения и эвристических – на основе лингвистического знания. По сути дела поиск решения в ранее сформированной когнитивным субъектом базе знания или семантической сети субъекта сводится к задаче поиска фрагмента сети, соответствующего некоторой подсети, отражающей поставленный запрос к базе. Решением является вывод на однородной с базой знания семантической сети предложения. Действие компонента вывода основывается на применении правила *modus ponens*. Управление деятельностью понимания состоит в сопоставлении порождаемых

образов с эталонами языковой картины мира и их «сверке» по «подсказке» со стороны физической картины мира. При построении очередной части образа ситуации (репрезентации, диалектической модели, промежуточной формы объекта) добавляем ее в рабочую память или в память состояний, которая содержит «протокол» действий и продукций всей системы понимания, начиная от подготовительного этапа. При номинации результирующего семантического представления, формулировании лингвистических предложений, истинность которых устанавливается посредством доказательства (рассуждения), целесообразна аналогия с математическим понятием теоремы. Такое построение рассуждения позволяет комплексно обозреть ранее полученные семантические предпосылки (условия, при которых рассматривается тот или иной объект) и сделать обоснованное утверждение об объекте (заключение теоремы). Условие теоремы обозначают символом p , заключение теоремы – символом q . Чтобы легче выделить условие и заключение теоремы, ее следует формулировать в виде импликации, применяя логический союз «если..., то...». Такую логическую конструкцию можно записать в общем виде на языке логики так: $(p \rightarrow q)$. Таким образом, доказательство семантической теоремы состоит в том, чтобы показать, что если выполняется условие, то из него логически следует заключение, то есть приняв, что p (образ, репрезентация, проекция) истинно, в соответствии с правилами вывода показать, что q истинно, и тем самым получить возможность утверждать, что данное высказывание-теорема истинно в целом.

В мыслительном процессе синтез непрерывно переходит в анализ и наоборот. Анализ предстает как путь к открытию знания, а синтез – как путь к обоснованию. Средством наглядного изображения гносеологических объектов здесь могут выступать как рисунки, так и условные знаки – точки, прямые и ломаные линии, углы и другие элементы графического изображения. Очевидно, что разработка линии наглядного представления порождаемого лингвистического знания в зависимости от характера текста, условий конкретной/признаковой, полуконкретной/полупризнаковой семантики в цикле лингвистического познания таит в себе много неизведанного и интересного.

Как мы уже отметили выше, в качестве средства вербального представления мы рассматриваем гносеологическую и прагматическую интерпретацию.

Следует заметить, что когда специалисты в области моделирования человеческих рассуждений начали свою работу, они столкнулись с тем, что человеческие рассуждения представляют собой нечто загадочное и детально никем не изучались. Казалось бы, в логике – науке о рассуждениях – за многие века ее существования должны были накопиться горы фактов о том, как люди делают выводы на основании знаний. Но логиков традиционно интересует лишь чрезвычайно узкий класс рассуждений, которые можно было бы назвать строгими, а остальные многочисленные формы человеческих рассуждений они не включают в свою компетенцию. Психология мышления также весьма сдержанно относится к тому, как формируются у человека схемы рассуждений и как он ими пользуется в конкретных ситуациях. Лингвисты, которые много занимались логическими проблемами естественного языка, остались далеки от понимания того, как носитель этого языка строит на нем свои схемы принятия решений. До появления работ в области искусственного интеллекта человеческие рассуждения оставались *terra incognita* [117, с. 3-4]. Поскольку типологии естественных рассуждений пока не существует [91, с. 131], а вопросы аргументации и места вторичного текста в ее структуре в рамках теории лингвистического познания требуют придания им статуса самостоятельной проблемы, мы ограничимся представлением линии порождения гносеологических продуктов и их представления символическим вербальным способом (объяснение, обоснование, доказательство). Невербальное формализованное отображение находит себя в языке лингвистических символов и уравнений и может применяться как для дедуктивных выводов, так и в индукции. Предложенный язык семантических формул, показывая творческий синтез категорий, позволяет воспроизвести в них различные уровни отношений и взаимодействий объектов, выразить основные этапы теоретического воссоздания объекта «ситуация» в его целостности.

Завершается данный процесс построением конкретизированной базы данных субъектно-предикатной структуры предложения, внедренной в картину мира автора (локальной картины возможного мира) через посредство ее конструктивно-смысловых частей [ср.5].

Построение когнитивной модели понимания текста требует вначале построения когнитивной модели отдельной ситуации как исходной информационной единицы, или элементарной клетки знания, которая соотносится с лингвистическим и психологическим понятием пропозиции или пропозициональной функции.

Выявление рационального способа производства знания о ситуации как его единице позволяет выяснить как их полный состав в тексте, так и механизм их взаимодействия и характер их целостного (системного) образования. То есть реализовать вывод о целостной концептуальной структуре, изображенной текстом, благодаря неограниченному повторению основного процесса извлечения-порождения знания и вычисления характера взаимодействия и взаимовлияния между составляющими ее частичными структурами.

Образцовый характер создаваемой гносеологической теории понимания позволяет продолжить ее обоснование описанием одного сложного деятельностного проявления языка в целостном познавательном акте. Необходимо особо подчеркнуть, что с точки зрения теории прикладного понимания работа с глубинным семантическим компонентом текста, состоящего из пяти фраз, оказывается практически пока невыполнимой даже в рамках одного предложения. Реализация «чисто лингвистического» понимания крайне трудоемка, даже если предполагается очень ограниченное понимание естественного текста [91, с. 23, 24]. Это положение справедливо и для осуществляемого нами немашинного понимания, имеющего целью построение концептуальной структуры отдельной макроситуации, знаком которой является вышеназванное сложное предложение-высказывание.

Руководствуясь стоящей перед нами задачей, мы помещаем в фокус наблюдения продукции, нормативные и эвристические выводы, место, роль, состав, характер вербального компонента интерпретации в процессе порождения субъективного образа объективного

отражения и представляем порождаемые образы на аналоговом и символическом вербализованном языке.

Когнитивный субъект овладел способностью строить концептуальные структуры, закономерным образом на основании логических и онтологических связей между понятиями упорядочивать их диалектический модельный ряд, осуществлять управляемое ментальное манипулирование объектами входного и выходного текста. Он овладел способностью программировать ментальную деятельность путем реализации необходимых шагов СА – построения средствами мышления модели-цели, эталона правильных действий, содержательной модели, модели-основания, модели состава, модели структуры, формальной модели, модели «жизненный цикл», модели «сшивания» решений, модели категориального и ситуативного обобщения произведенного знания о мире текста.

Согласно нашему проекту направляющего характера этапу семантического уровня организации знака предшествует промежуточный синтактико-семантический уровень, на котором происходит переход от чувственного отражения к рациональному: (S + V...). Здесь выявляется синтаксическая структура исходного предложения и осуществляется ее перевод в другую знаковую форму – в семантическую формулу: (S¹ + Pr...).

Далее объект «ситуация» в качестве познаваемого на основе диалектической логики и мышления проходит ряд новых образных ступеней, на которых его свойства и свойства его частей конкретизируются.

На данном этапе, как этот полученный образ, так и последующие понятия «свойства объекта» не только включаются в более крупную концептуальную структуру, соотносящуюся с пространством-временем, отражающим лицом, но и проверяются путем логической операции установления присущности свойства или отношения объекту, выражаемому субъектом суждения [108, с. 22]. Тем самым вновь обнаруживает себя необходимость включения высказывательной функции мышления. Напомним, что мы оперируем тремя видами текста в составе интерпретации: встречным, гипер- и вторичным.

Встречный текст обнаруживает себя в обозначении порождаемых продуктов, им мы отвечаем на вопросы: Что это такое? Какой он? Каковы его свойства? и под. Гипертекст обнаруживает себя в единой структуре смешанного представления, объяснения и предъявления производимого знания. Вторичный текст проявляет себя в ином формате: это строгий логический «документальный», точный текст, текст, в терминах которого производится собственно доказательное предъявление «чистого» продукта понимания исходного текста, который строится субъектом на конечной стадии познания объекта «ситуация» и когда факты лингвистической действительности используются в качестве аргументов построенного выводного знания.

На первой ступени порождения образа выявляется субъект ситуации S^1 – ее целесообразный участник, представленный именем понятия «сельская девочка» – *une petite fille de Village*.

Это простое понятие предстает как результат познания, оно сформировано ранее в процессе производства первичного и вторичного чувственного оперативного образа, формирование которого осуществлялось путем построения промежуточных репрезентаций или операций приписывания предиката суждения субъекту. Ср. с понятием метакогниции, особенность которой заключается в том, что содержанием когнитивных процессов являются интенциональные объекты – собственные ментальные состояния когнитивного субъекта или ментальные состояния другого когнитивного субъекта [74, с. 7].

Образ субъекта представлен рядом промежуточных диалектических моделей, которые представляют знание о свойствах целесообразного участника ситуации.

На этапе чувственного познания объекту, который уточняет свою роль как роль субъекта ситуации на рациональном этапе и называется именем *une petite fille de Village* приписывались признаки или предикаты суждения. Например: объект приобрел свойства одушевленности, человечности, женскости, счисляемости, детскости, сельскости и т. д. (см.: схема 1 раздела 3.2. данной главы).

Далее субъект определяет и присваивает себе свой предикативный признак – Pr, вернее, его прообраз на основании онтологического партитивного отношения [136, с. 144], и это отношение сигнализиру-

ет о соединении единичных объектов как представителей простых понятий «субъект» + «предикат», формально – $(S^1 + Pr)$.

Субъект приобретает основной смысл – базовый предикат Pr_b , приобретенный им признак сверяется с эталоном или физической картиной мира – суперпредикат – Pr_s , вся зародившаяся пропозиция обретает своего производителя-автора и помещается в его личностную или социальную систему ценностей – квазипредикат – Pr_q .

В ходе развития объекта возникают новые его формы с принципиально новыми свойствами – характером субъекта, предиката, других актантов, квалификаторов, интенсификаторов и т. д., тем самым происходит становление новых понятий, которые призывают придание им своих собственных обозначений (имен). В результате порождаемая концептуальная структура получает горизонтально – вертикальное измерение. Объект «ситуация» предстает в виде интегрированной иерархической системы развивающихся диалектических моделей, которые между собой соотнесены и которые на каждом обороте образа (при добавлении нового свойства объекта) способствуют образованию стандартной формы конкретизируемой целостности «субъект НКО строит в своем сознании сообщение об одной целостной макроситуации художественного мира, включающем совокупность трех микроситуаций». Организация и содержание деятельности по пониманию-производству-представлению знания на этапе рационального познания методом восхождения обеспечивает преемственность в развитии единой, интегрированной, иерархической системы диалектических моделей, начало ряда которых составили чувственные, а продолжили рациональные модели ситуации. Познаваемый объект «СемС» получает через посредство дефиниционного и контекстуального нечеткого множества признаков системную упорядоченность определенной конфигурации, обусловленную законом восхождения.

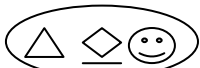
Принципиальный путь генерации наглядно покажем процедурами, продолжающими формирование исходной, промежуточной и конечной фаз развития образа ситуации, символизирующими отправной момент и момент относительного завершения этапа рационального

познания. Обобщение, которым был завершен этап чувственного познания, получило свое выражение в суждениях, отразивших отдельные отношения между предметами и их признаками. Наш образ получил предварительную законченную форму, его истинность нашла подтверждение, а сам образ «3 одушевленных человеческих предмета, связанных ассоциативными отношениями родства и эмоционального отношения к одному главному предмету с его атрибутами» – обоснование. Поскольку характер субъекта, предиката, их свойств получают рациональный, то есть сознательно устанавливаемый характер, мы обращаемся в аналоговом кодировании информации к условному языку графики. Здесь своеобразным отражением художественной действительности становятся и сами формы мыслей – пропозициональные репрезентации. Сохраним форму представления индуктивной программы действий и прямого вывода, тем самым продолжим показ дальнейшего развития образа ситуации и лингвистических фактов, используемых во вторичном тексте в качестве аргументов.

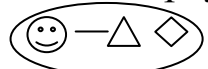
Схема 2

Рациональные деятельности = продукции воображения и мышления в аналоговом и символическом изображении

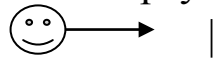
Представляем модель исходного для этапа интеллектуальной обработки информации ментального состояния когнитивного субъекта:

Рис. 21 | «3 одушевленных человеческих предмета, ассоциативно связанных отношениями родства и эмоционального отношения к одному главному предмету с его атрибутами».

Второй этап познания. Рациональное отражение. Семантический уровень организации знака. Денотативный и смысловой подуровни

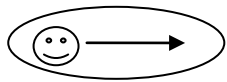
4.1. Выявление онтологического логического отношения «аргумент – функция» в части аргумента – субъекта = рис. 22 | частичный образ ситуации S^1 – ее целесообразный участник, представлен именованием понятия «сельская девочка» – *une petite fille de Village*; реальный носитель предикативного признака, выраженного безличной формой глагола – *il était ...une petite fille = il y avait une pe-*

tite fille, локализованного в пространстве-времени – «актуализируется функция субъекта».

4.2. Выявление онтологического логического отношения «аргумент – функция» в части функции – предиката = рис. 23 | частичный образ ситуации – базовый Pr_b, выражен глаголом *être*, одновалентным, трехместным: *il, une fois, une petite fille de Village*, бытийности, существования – «актуализирует субъекта в частичной ситуации, представленной первой пропозицией».

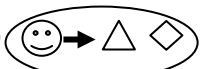
4.3. Выявление экстенции эмпирических терминов или первого уровня денотативного динамического согласования между категориями субъекта и предиката в зарождающейся системе знания = рис. 24 | субъект инактивный, определяемый в своем физическом, интеллектуальном, нравственном и т. д. свойстве говорящим лицом (интенсифицированным квалификатором *la plus jolie qu'on eût su voir*), предикат неуточненной, вневременной бытийности – «образуется горизонтальная основа или элементарная клетка знания о предмете с приписанным ему динамическим свойством или пропозиция».

4.4. Уточнение характера семантического взаимодействия субъекта и предиката на уровне интенции терминов – путем подключения значения других актантов (*sa mère, en, sa mère-grand*), квалификаторов (*folle, folle*) и интенсификаторов (*plus, encore*) = рис. 25

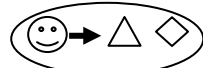

| характер определяемого субъекта конкретизируется – он инактивный, определяемый в своем физическом, интеллектуальном, нравственном и т. д. свойстве, но уже не говорящим лицом, а близкими ему людьми – мамой и бабушкой (*sa mère en était folle, et sa mère-grand plus folle encore*) – «образуется второй уровень линейно организованного знания: элементарная клетка получает характер развивающейся динамической ситуации, которая обогащается и конкретизируется путем добавления уточненных свойств единства субъекта и предиката и всей пропозиции в целом в рамках его системной организации».

4.5. Соотнесение произведенного знания или смыслового содержания с реальностью («сверка» с эталоном) = рис. 26 | образ получает новый импульс своего развития, сообщающий его горизонтальной организации вертикальную направленность – «образуется новый вид концептуальной структуры – она усложняется в своем объемном измерении, будучи соотнесенной с философской моделью – эталоном «вещи, свойства и отношения» посредством логического оператора системы, получает, дополнительно к горизонтальному измерению, вертикальное измерение и тем самым – подтверждение относительной истинности своей организации и содержания».

4.6. Соотнесение произведенного знания – конкретизированной и размещенной в пространстве-времени пропозиции с точкой зрения

- 0 +
отражающего лица = рис. 27 | образ получает новый импульс своего развития, концептуальная горизонтально-вертикальная конструкция знания усложняется: в нее встраивается личностное отношение отражающего лица – автора (*la plus jolie qu'on eût su voir*).

На всей длине знака в его глубинной структуре происходит процесс новой многомерной, многоуровневой, многокомпонентной семантической настройки. Она осуществляется по трем измерениям, трем уровням знака, трем компонентам системы, в соотнесении с эталоном системы картины реального мира, по формальному образцу системы.

Ее качество определяется соотнесением не только с картиной реального мира, но и с картиной возможного мира автора и его высоко положительным отношением к определяемому субъекту – «образуется новый вид упорядоченной объемной динамической концептуальной структуры. Она уточняется, конкретизируется, иерархизируется, достигает фазы зрелой системной формы ситуации сообразно систематизации своих форм, в гносеологической последовательности движения от общих свойств к частным».

4.7. Ситуативное обобщение объекта, окончательная структуризация всей его сложной понятийной системы, сформированной из подсистем разных уровней, его окончательное определение и присво-

ение ему имени: «Субъект наблюдения, коммуникации и оценки строит в своем сознании сообщение о его высоко положительной оценке и такой же оценке близкими людьми определяемого в физических, интеллектуальных, нравственных и т. д. свойствах субъекта».

4.8. Верификация образа локальной картины художественного мира осуществляется путем построения структуры доказательства: построения тезисов с помощью других суждений (аргументов), истинность которых обосновывалась в процессе производства выводного знания на базе лингвистических данных. То есть на основании обратимости рассуждений.

Умозаключения, связывающие тезис с основаниями (аргументами, семантическими фактами, выявленными в задачной деятельности по типу «анализ через синтез»), составляют содержательную основу последующего производства вторичного текста.

4.9. Преобразование полученной концептуальной структуры в иной формат – фрейма, семантической сети и др.

Таким образом, формой объяснения или теорией описания порожденного интегрированного объекта является построенный ВТ, синтезирующий единую чувственно-рациональную мысленную картину художественной действительности текста. Это объяснение проистекает из терминологизации эмпирических понятий, из использования их лингвистической, логической и диалектической дефиниции, их логических и онтологических отношений, обеспечивающих отработку «вертикальных» и «горизонтальных» соотношений форм объекта посредством отражающих их понятий.

Верификация приведенных рассуждений, составляющих основу теории рационального понимания-порождения-представления знания в формате ситуации посредством построения пространственно-временных репрезентаций, осуществлена на основе двух типов выводов: нормативных и эвристических.

Нормативные выводы представлены выводами, которыми мы обосновываем выбор гносеологической системной модели понимания-порождения-представления знания и обосновываем каждый шаг рассуждения. Их построению служит интегрированная теоретическая база знаний, используемая в исследовании. Они лежат в основе по-

строения десяти умственных моделей системной деятельности понимания: цели, состава, структуры, содержательной модели, модели – основания, формальной и прагматической моделей, моделей «жизненный цикл», «сшивания» решений или интерпретации, категориального и ситуативного обобщения произведенного знания о мире текста.

Помимо дедуктивных выводов мы пользуемся вероятностными и выводами по аналогии, которые определяются эвристиками.

Эвристические выводы – это наши рассуждения, которые в связи с характером лексических и грамматических значений производятся в среде нечетких семантических множеств, нечеткого знания, слабоструктурированных смысловых задач, не всегда имеют строгое обоснование, следуя которым мы выявляем инструментарий порождения «чистого» знания и его представления посредством вторичного («чистого») текста. Большинство наших рассуждений в ходе осуществления познавательного хода мысли носит эвристический характер. Эвристикой является подбор аргументов из области построения иерархической системы диалектических моделей – путем преобразования языковых значений в знание наблюдалось порождение соответствующих диалектических моделей более конкретного уровня; эвристический характер имеет сам подход к построению системы эмпирического знания исходя из всеобщей диалектической модели «вещи, свойства и отношения», выражающей самую общую тенденцию развития форм объекта.

Эвристикой является полученная система диалектических моделей, представляющая собой матрицу свойств объекта, проявившую его развитие, которая может служить исходным для переноса свойств с познанных таким образом объектов на иные объекты. Эвристической предстает графическая визуализация информации об объекте; эвристический характер имеет использование приема трехуровневости и трехзвенности и др.

Для того чтобы получить результат, который не искажает образное содержание исходного текста, и предъявить его в форме вторичного текста, следует обратиться к интегрированным междисциплинарным, гносеологически ориентированным инструментам – мето-

дам, формам и приемам познания, и применять их не произвольно, а руководствуясь требованиями и нормами научного познания, свойствами познаваемого объекта.

Лингвокогнитивное понимание или освоение возможного мира текста должно осуществляться с позиции рассмотрения типов языковых единиц как типов знаков, в соответствии с принципами употребления языковых знаков, служащих для выделения объектов познания и мысленного оперирования с ними.

Исследование значения языковых единиц, форм, категорий эффективно в деятельности понимания текста, организуемой по типу научного познания, нацеленной на открытие совокупности знаний о различных предметах, их свойствах и отношениях, стоящих за его знаками. Когнитивная обработка лексических и грамматических значений посредством ощущений, восприятий, памяти, воображения, мышления и речи обеспечивает отражение в окне сознания когнитивного субъекта любых объектов путем их идеального воспроизведения. Отражение художественного мира текста так же, как и отражение действительности, осуществляется в чувственных формах познания и в мыслительных, являющихся опосредованным, обобщенным отражением. Посредством мышления умственно осваиваются такие свойства объектов, которые не могут быть раскрыты при помощи только одних чувственных форм отражения.

Зависимость системной организации содержания искомого образа – проекции «объекты, атрибуты и связи», представленного исходным текстом, обуславливается тем, что содержание любого результата познания в идеальной форме отражает содержание (сущность) системной же организации внешнего мира «вещи, свойства и отношения». Таким образом, «начало» познания текста совпадает с его «результатом», а сами изучаемые объекты различаются лишь по форме познания – восприятием или мышлением. При познании возможного мира текста восприятием отражением содержания искомого идеального объекта является его конкретное содержание в мысленной форме. При его познании мышлением своеобразным отражением мира текста (знания о нем) являются и сами формы мыслей.

В лингвистическом познавательном акте конкретные мысленные содержания обнаруживают общее. Они обусловлены: моментом возникновения гносеологического объекта в окне сознания субъекта (ответ на его вопрос: что это такое? и под.), моментом присвоения им своих свойств (ответ на вопрос: какой? и под.) и образования связей (ответ на вопросы: как работает? чему служит? и под.).

Необходимость выражения ответов как типов мыслей (знания об объекте, суждений) призывает аналоговый и символический (вербальный) или смешанный код, который находит себя в структуре ответных действий (встречный и гипер- тексты).

Здесь зарождается ВТ, содержательную суть которого составляет обоснование произведенного знания об эмпирическом объекте. Таким образом, его предназначение – доказательно предъявить то «чистое» знание, которое когнитивный субъект обрел в процессе рационалистического понимания. Его структура обусловлена структурой ментальной экспозиции целостной ситуации и ее частей, представляющих собой элементы или систему знания.

Порождение ВТ обусловлено необходимостью построения предварительного объяснения как синтетического воспроизведения всех чувственно и рационально построенных представлений о свойствах объекта. Построение объяснения требует особых размышлений, поскольку оно должно быть детерминировано развитием объекта, синтезирующим единую чувственно-рациональную мысленную картину художественной действительности текста. Объяснение должно служить обзором всей максимально возможной лингвистической доказательной базы системного отображения объекта и показывать все причинно-следственные «внутренние» связи полученного объекта.

Сам же «чистый» ВТ базируется на едином чувственно и рационально построенном представлении о выявленных свойствах объекта и находит себя в их полном доказательном диалектическом воспроизведении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвокогнитивная модель понимания как системного (логического) объекта, построению которой посвящена монография, направлена на экспликацию механизмов возникновения, места и характера ВТ в нем.

Основой возможного моделирования становятся закономерности процесса понимания текста, организуемого по типу научного познания и деятельности, в котором имеют место акты преобразования объектов – языковых значений в продукты (образы, смыслы), продукты одной деятельности переходят в другую, становятся ее компонентами, образуют целостные ментальные структуры и получают свое символическое изображение.

Осознаваемый ВТ зарождается в качестве языка представления знания в условиях означивания (вербализации) образов в процессе понимания методом «восхождения», то есть при осуществлении субъектом полноценной познавательной деятельности на знаковой материи текста.

Ее организация носит характер развитого субъект-объектного отношения «исследователь ↔ текст».

Это отношение направляется идеальной моделью предполагаемого результата (система знания «объекты, атрибуты и связи»), состоит из «встречных» действий субъекта и объекта на этапах эмпирического и теоретического познания, реализуется путем постановки последовательностей задач различного типа и выдвижения семантических гипотез, производства и объективации чувственных и мысленных образов, находит свою формализацию и т. д.

Процесс непосредственной фиксации производимых порций знания об объектах, атрибутах и связях посредством видов суждения – высказывания (существования, атрибутивных, релятивных) следует отнести к типу «выходного языка» или «встречного текста». Достижение в понимании систематизации всех выявленных свойств объекта на основе изучения синтактики, семантики и прагматики знаков обеспечивает его окончательное определение, формирование «чисто-

го» знания. «Чистое» знание выступает как результат его мысленного конструирования из существенных, строго определенных семантических признаков и связей этих признаков. Процесс специального построения превращенного определения целостного сконструированного образа (смысла) находит себя во вторичном логическом, синтетическом тексте: тексте-описании, тексте-рассуждении или комбинированном тексте.

Включение в его состав визуализированных аналоговых представлений приводит к необходимости построения гипертекста.

Лингвокогнитивное понимание текстов различных жанров, осуществляемое с позиции комплексного методолого-системно-семиотического подхода с использованием междисциплинарного инструментария, подчиняется одним и тем же гносеологическим нормам. Гносеологически и онтологически ориентированная деятельность по рационалистическому пониманию позволяет когнитологу пронаблюдать, объяснить влияние, оказываемое текстовым знаком «в трех аспектах его бытия» синтактикой, семантикой и прагматикой на когнитивную систему познающего субъекта и установить закономерности преломления «восхождения» – закона научного познания применительно к языковой знаковой материи. В ряду других видов языковой деятельности человека, изучаемых в лингвистике, понимание может и должно занять свое самостоятельное место в качестве области трехмерного моделирования знания, порождаемого языковыми единицами, формами, категориями и единицами знания по образцу (стандарту) системного (целостного) объекта.

Вопреки сложившемуся представлению о том, что понимание лишено отчетливой, допускающей расчленение структуры и не способно быть объектом логического анализа, выявлена его расчлененная деятельностная структура, коррелирующая со структурой, составом, фазами, характером продуктов и т. д. научного познания.

Рациональный характер понимания как системного объекта обеспечивается ходом и организацией познавательного процесса по типу восхождения от абстрактного к конкретному. Будучи используемым в качестве принципа (закона) мышления, он обеспечивает усло-

вия для одновременного наблюдения и использования языка в качестве средства познания и анализируемого материала в его соотношении со структурами знания и их когнитивными основаниями. Применение восхождения как общего рационального способа познания приводит к возможности создания модели осознанного лингвистического понимания, основными признаками которого становятся целенаправленность и продуктивность (результативность).

Существенным признаком гносеологически ориентированной деятельности по извлечению и порождению знания, представленного языковыми единицами, формами, категориями является обнаружение «начала» построения искомого теоретического и эмпирического знания (объект «вообще»), совпадающего со своим «результатом» («конечная» форма объекта). «Клеточка» теоретического знания является статичное концептуальное образование, построенное из постоянных дефинитивных признаков. «Клеточка» эмпирического знания построена из переменных признаков и содержит в себе потенциал пространственно-временного (динамического) развертывания.

Логическая структура лингвокогнитивного понимания обрела формат познания и номологического или каузального объяснения. При обязательном соблюдении в деятельности по пониманию как познанию принципов системности, единства логического и исторического осуществляется общая логическая форма сильного понимания.

Всякое научное познание должно быть восхождением.

Всякое рационалистическое (целенаправленное, осмысленное, осознаваемое, управляемое) понимание есть научное познание.

Значит, всякое рационалистическое понимание должно быть восхождением.

Реализация этого основного условия позволяет связать предложенную теорию лингвокогнитивного понимания-порождения ВТ с теорией построения концептуального научного и эмпирического объектов «язык», «ситуация» закономерным и необходимым логическим образом.

Эта связь находит аналогию с информационной системой понимания-порождения текста и ее блоками – базой знаний и ее устрой-

ством, с которым соотносится наше трехзвенное и трехуровневое представление «клеточки» и «результата», базой данных, процессо-рами анализа и синтеза, онтологиями, системой генерации, блоком продукций, блоком выводов и др.

Стержневая методологическая составляющая этой целостной информационной системы определена основным законом научного познания «восхождением» в его преломлении к лингвистическому знанию и познанию (мышлению), следовательно, объяснение способа построения теории языка-объекта и теории понимания-порождения можно отнести к «объяснению посредством охватывающего гносеологического закона».

Целью лингвокогнитивного понимания должно быть умственное освоение действительности, лежащей за текстом.

Ее математизированное представление в виде уравнения $SемC_{предложения} = \sum = (S^2 \rightarrow (S^1 + Pr + O_d + O_i + Circ)) = ?$ позволяет обнаружить идею решения и применить анализ в форме расчленения, анализ в форме рассуждения в его восходящем (совместно с синтезом) и нисходящем (совместно с обоснованием) виде. Выявленный формализм позволяет разбить условие задачи на отдельные части; выделить отдельные условия; из отобранных условий составить вспомогательные задачи; переформулировать задачу и т. д. Содержанием процесса понимания становится построение проекции текста в ее частичности и целостности у его реципиента; способом понимания обнаруживает себя способ решения полисистемных задач, обеспечивающий регулярную актуализацию механизмов семиозиса. Поскольку только когнитивное понимание обладает способностью превращаться в знание, то неотъемлемым компонентом деятельности понимания должно быть конструирование интерпретаций; выводное знание (систематика форм гносеологического объекта) должно получать аналоговое и символическое предъявление. Для того чтобы возникли условия для порождения творческого, синтетического вторичного текста, необходимо, чтобы оперативная память субъекта произвела обработку оперативных образов (репрезентаций), чтобы у него сформировалось знание и было сохранено в долговременной памяти. Для

решения смысловой задачи путем включения работы сознания необходимо отладить обмен информацией между аналоговым и символическим кодами, между правым и левым полушариями, достичь системного, гармоничного мышления.

Аналоговое представление знания находит себя в графическом способе изображения – рисунках, условных изображениях. Символическое – в формализованном, математизированном виде – в синтаксических моделях и семантических уравнениях и неформализованном виде – в естественном языковом, вербальном.

Выводное знание получает строгие, «чистые» логические формы диалектических моделей промежуточных и конечных продукций, построенных («выкроенных») по единому стандарту – стандарту системы. Оно получает подтверждение практикой познания. Является итогом познавательного процесса, который связан с обретением истины – правильного, достоверного отражения предметов, свойств и связей художественного мира познающим субъектом. Оно характеризует соответствие знания действительности возможного мира текста, совпадение человеческой мысли и объекта. Истина – цель познания, осуществляемого субъектом.

В общей структуре теории моделирования понимания представление знания в форме вторичного текста получило свою реализацию в рамках общего когнитивного процесса интерпретации.

В единстве состава интерпретации следует вычленять условия, принципы, установки, процесс, результат, восходящие и нисходящие стратегии, инструменты, процедуры, действия и пр.

Рационалистическое понимание первичного и порождение вторичного текста предстает осуществимым при реализации следующих основных условий:

- сам текст должен рассматриваться с методологических и психолингвистических позиций – как знаковое образование, воздействующее на концептуальную систему человек, как область, где конкретно стыкуется язык и мышление и осуществляется их взаимодействие;

- осознанное понимание должно осуществляться на платформе гносеологии согласно «восхождению» как основному закону научно-

го познания и его принципам, то есть к деятельности по пониманию должны применяться процедуры научного познания, понимание и есть познание (мышление);

- в умственном плане оно должно предполагать исследование действительности, лежащей за текстом (возможного мира текста), то есть обнаружение его проекции в виде микро- или макросистемы «объекты, атрибуты и связи», что сближает его с объектно-ориентированным подходом компьютерных технологий и с решением любых математических или мыслительных задач;

- осуществляться с использованием базы лингвистического знания, включающей онтологию предметной области «язык»;

- производиться путем достижения системного объяснения объекта на основании лингвистических фактов и построенных «чистых» диалектических моделей;

- находить завершение в ситуативном обобщении образа и его доказательном предъявлении в форме «чистого» логического текста и др.

Конкретными принципами лингвокогнитивного понимания предстали: принцип основания деятельности на учении о научном познании, законах и принципах гносеологии; ориентации на систему актуального междисциплинарного знания; концептуального единства; единства сознания и деятельности; целостности познавательного образа; сущностного анализа; системности и историзма; учета непрерывного изменения, развития познавательного образа, количества конструктивных признаков и количества предикатов наблюдения; единства логического и исторического. Это также принципы раскрытия противоречивости изучаемого объекта, его качественной и количественной определенности, взаимосвязи и взаимопереходов количественных и качественных изменений образа, движения к более высоким стадиям его развития; генетический – рассмотрения процесса и продукта понимания на основе анализа лингвистических условий его происхождения, выявление моментов смены одной репрезентации другой (качественно другой); верифицируемости теории; содержа-

тельного анализа и проектирования продуктов мышления и воображения; моделирования конечного результата и др.

Поиск способов решения комплексных задач исследования потребовал не только принятия, но и «снятия», замены общих гносеологических предпосылок новыми, более детальными, более специфическими. В условиях обработки идеальных объектов они также приобретают характер принципов, например:

- целостности, то есть анализа развития и формирования концептуальных новообразований, их системного рассмотрения (системность есть всеобщее свойство материи, форма ее существования, а значит и неотъемлемое свойство человеческой практики, включая мышление);

- диалектического метода как системы строгих «драгоценных приемов» познания, детерминирующих мышление развитием объектов;

- системного анализа (СА), объектно-структурного анализа (ОСА) текста как знакового образования;

- диалектического мышления, то есть необходимости исполнения общенаучного закона «восхождения»;

- единства логического и образного в мышлении;

- единства чувственного и мысленного образов;

- множественности существований всякого смыслового образования;

- преемственности и дополнительности различных теоретических взглядов по отношению друг к другу;

- предметности и др.

Выявлены следующие синтетические установки, способствующие формулированию в лингвистических терминах тех шагов в мыслительной деятельности (процедуры или порядка выполнения действий), которые позволили найти решение задач исследования, то есть преобразовать знания в лингвокогнитивные действия или операционализировать понятия и описать их (или: программы действий):

- понимание есть процесс познания;

- свойство познания – выступать как единство эмпирического и теоретического познания;
- структура акта познания включает два момента: момент эмпирического познания или чувственное познание и момент теоретического познания или рациональное познание;
- эмпирическое познание базируется на чувственном опыте, но целиком к нему не сводится, рациональное мышление в виде замысла, задачи, цели выступает как исходный пункт познания;
- в своей основе все когнитивные действия по характеру являются решением проблем;
- основание понимания – технология мышления;
- технология мышления – строго детерминированный умственный процесс;
- технология обучения логическому мышлению (пониманию) может быть создана аналогично технологии математического мышления;
- диалектическое мышление должно стать нормой понимания всех объектов;
- психической формой существования знаний в памяти является ментальная репрезентация;
- проекция текста есть результат его понимания;
- результат понимания – проекция текста имеет форму комплекса репрезентаций, связанных и интегрированных с разной степенью и на разных основаниях;
- в способах репрезентации значения задействованы две системы: невербальная (образная) и вербальная. Невербальная обеспечивает хранение сенсорных воздействий в целостной аналоговой форме (мы репрезентируем часть информации в невербальных образах аналоговой природы; это могут быть любые образы, в основе которых – перцептивные признаки). Вербальная система репрезентирует информацию в вербальной и символической формах, то есть абстрагированными единицами или схематическими образованиями;
- регистрации и фиксации подлежат два вида ментальных продуктов – производимых системой чувственного восприятия, непо-

средственно отображающей внешний мир и производимых системой знаковой переработки информации об этом мире, то есть представления и их знаковые эквиваленты.

Выявленная цель, структура, состав, формализм, прагматика и т. д. лингвистического отражения в соответствии с закономерностями познания обусловили системный характер процесса понимания.

Прежде чем осуществить вербальное описание мысленного объекта, субъект познания должен построить его в голове, вообразить его. Образ воображения становится материалом, которым в дальнейшем пользуется мысль исследователя. Он должен создать в своем воображении, представить себе новое, наиболее рациональное расположение признаков (смыслов) конструируемого объекта. Мышление, оперирующее понятиями, нуждается в помощи конкретных образов. Нельзя понять абстрактную смысловую организацию текста, если не иметь ясного представления расположения и взаимодействия ее частей.

Графически образ задачного хода мысли может быть представлен так: чистые (первичные, исходные) формы объекта ↔ превращенные ↔ чистые ↔ превращенные (вторичные) ↔ чистые ↔ превращенные (третичные) и т. д. «Превращения», которые претерпевает выявленная в работе основная смысловая задача на пути к ее решению, суть внешнее выражение процессов анализа, синтеза, обобщения. На каждом этапе ее решения возникает новая задача на выявление частичных семантических компонентов ситуации – объектов, атрибутов и их связей. Она поддается рассмотрению как некоторой гипотезы попытки по-другому соотнести условие и требование задачи в новой системе связей. Каждая частная задача является исходным пунктом для возникновения новой задачи, связанной с другими задачами, поскольку она отвечает на вопрос предыдущей и ставит новый вопрос для последующей.

Исследованием обнаружена следующая точная постановка и решение обобщенной задачи понимания, нацеленной на выявление структуры знания, стоящей за предложением и фиксируемой им.

Задача. Какова система образа – абстрактного объекта-ситуации, изображенного предложением-высказыванием? То есть какие гносеологические объекты в последовательности их развития от зарождения до фазы завершения составляют систематику ее форм.

Дано: простое распространенное предложение, построенное по стандартной модели: (S + V + O_d + O_i + Circ).

Требуется: найти систему образа, изображенного предложением-высказыванием, или, формально выражаясь:

$$\text{СемС}_{\text{предложения}} = \Sigma = (S^2 \rightarrow (S^1 + \text{Pr} + O_d + O_i + \text{Circ})) = ?$$

Что будет правильным результатом решения задачи? – найденная целостная понятийная структура смысла предложения, произведенная на базе многомерного и многоуровневого согласования лексических и грамматических сем (признаков), адекватно соотносимая с реальными предметами, их свойствами и отношениями, ставшими объектом познания и языкового оформления отражающего лица. Формально: (S² → (S¹ + Pr)).

Какие данные допустимы? – любое простое предложение с любым морфологическим и лексическим наполнением его элементов (в принципе, модель может быть применена для извлечения знания из предикативной единицы любого состава и любой протяженности, а также из целого текста).

Ход решения и решение

1. *Получить образы отдельных гносеологических объектов.*

Планируемый промежуточный результат понимания знака – отдельные воспроизводящие представления или начало воссоздания объектов через прошлый опыт. Этап познания – первичная форма чувственного отражения. *Фаза – зарождение образа.*

1.1. выявить и обосновать знание о синтаксическом уровне организации предложения-знака;

1.1.1. выявить синтаксическую структуру предложения – = (S + V + ...);

1.1.2. выявить подлежащее – = S;

1.1.3. выявить сказуемое – = V;

1.1.4. выявить прямое дополнение – = O_d и т. д.

2.1. *Получить образы исходных объектов ситуации (объектов-предметов, объектов-атрибутов, объектов-связей, их взаимодействия).*

Планируемый промежуточный результат – знание (репрезентации) в форме отдельного признака, совокупности существенных и необходимых признаков или простые понятия. Знание о характере взаимодействия и взаимовлияния простых понятий – воссоздаваемые (воображаемые) исходные объекты, их статические свойства, их связи. Этап познания – переход от чувственного отражения к рациональному. Вторичное чувственное отражение. Развитие отдельных компонентов первичной целостности образа. *Фаза – становление образа.*

2.1.1. выявить и обосновать знание о промежуточном синтактико-семантическом уровне организации знака-предложения;

2.1.2. выявить знание о лексических понятиях в структуре предложения;

2.1.3. выявить знание о логических отношениях между понятиями;

2.1.4. выявить знание об онтологических отношениях между понятиями;

2.1.5. обнажить соотнесение лексических понятий или действие закона семантического согласования по итеративным несубстанциональным семам;

2.1.6. обнажить соотнесение лексических понятий или действие закона семантического согласования по субстанциональным семам;

2.1.7. обнажить соотнесение лексических понятий или действие закона семантического согласования по процессуальным семам;

2.1.8. обнажить результат действия грамматических сем в общем механизме семантической настройки;

2.1.9. построить знание (первичную воображаемую схему) о содержании изображенного и отраженного знаком отрезка действительности (или времени);

2.1.10. сохранить это знание аналоговым (графическим) способом в виде рисунка;

2.1.11. сохранить это знание символическим способом – путем вербализации и т. д.

2.2. *Получить первичный образ 'целостная ситуация в пространстве-времени'.*

Планируемый промежуточный результат – знание (репрезентации) о главном (целесообразном) участнике ситуации, присваиваемом им общем процессуальном признаке, о других участниках ситуации, о размещении события или ситуации в пространстве-времени, об отражающем лице. Этап познания – развитие первичной целостности образа. *Фаза – становление образа.*

2.2.1. перевести синтаксическое знание (репрезентацию, модель) в семантическую формулу (в формат пропозиции) – $= (S + V + \dots) \rightarrow (S^1 + Pr)$;

2.2.1.1. найти смысловой компонент главного участника ситуации или субъект мысли – $= S^1$;

2.2.1.2. найти смысловой компонент присваиваемого им предикативного признака или предикат – $= Pr$;

2.2.1.3. найти в предикативном признаке смысловой компонент актанта-объекта прямого – $= O_d$;

2.2.1.4. найти в предикативном признаке смысловой компонент актанта-объекта косвенного – $= O_i$;

2.2.1.5. найти в предикативном признаке смысловой компонент сирконстанта – $= C_{irc}$ и т. д.

3. *Получить целостный структурированный образ отраженного и изображенного естественно-языковым способом отрезка действительности.*

Планируемый промежуточный результат на этапе изучения денотативного подуровня организации знака – огрубленное знание (репрезентация) о локальной картине мира, отраженной и изображенной в предложении. Этап познания – развитие целостности образа в пространственно-временных отношениях. *Фаза – созревание образа.*

Планируемый промежуточный результат на этапе изучения смыслового подуровня организации знака – познавательное отношение, целостность и единство субъекта и предиката или элементарная

клетка знания, то есть понимания. Этап познания – развитие целостности образа в пространственно-временных отношениях. Фаза – созревание образа.

3.1. выявить и обосновать знание о семантическом уровне (денотативном подуровне) организации знака-предложения;

3.1.1. выявить отношение знака к предмету, который этим знаком обозначается;

3.1.2. выявить отношение знака к целостной ситуации внешнего мира;

3.1.3. выявить соотнесенность пропозиции с целостной ситуацией внешнего мира путем выявления согласования на всей длине языковой конструкции по итеративным семам;

3.1.4. выявить общий характер образа субъекта, представленного совокупностью исчисленных признаков;

3.1.5. выявить общий характер образа предиката, представленного совокупностью исчисленных признаков;

3.2. выявить и обосновать знание о семантическом уровне (смысловом подуровне) организации знака-предложения;

3.2.1. выявить отношение знака к смыслу;

3.2.2. выявить предикатно-актантную структуру в ее конкретной реализации;

3.2.3. выявить характер субъекта – S^1 ;

3.2.4. выявить характер базового предиката – Pr_b ;

3.2.5. выявить характер суперпредиката – Pr_s ;

3.2.6. выявить характер квазипредиката – Pr_q ;

3.2.7. выявить характер взаимодействия трех рангов предиката;

3.2.8. выявить характер субъекта наблюдения, коммуникации и оценки в семантической ситуации – S^2 ;

3.2.9. обнажить целостное горизонтально-вертикальное смысловое соотнесение;

3.2.10. выявить совокупный смысл (целостный образ ситуации) предложения-знака – $СемС = \Sigma$.

4. Получить целостный структурированный образ отраженного и изображенного естественно-языковым способом отрезка дей-

ствительности с включенным в него отношением отражающего лица (автора, субъекта оценки).

Планируемый конечный результат – элементарная клетка знания, то есть понимание сущности отношения психического субъекта или субъекта наблюдения, коммуникации и оценки к изображаемой им вербально ситуации, к ее участникам или другим людям, которые обмениваются знаками. Этап познания – рациональное отражение. Фаза – завершение образа.

4.1. выявить и обосновать знание о прагматическом уровне организации знака-предложения;

4.1.1. выявить отношение психического субъекта, или субъекта отражения, или субъекта наблюдения, коммуникации и оценки к изображаемой знаком целостной ситуации или ее участникам – $S^2 \rightarrow =?$;

4.1.2. выявить характер системы объектов оценочной структуры;

4.1.2.1. выявить характер субъекта оценки – $= S^2$;

4.1.2.2. выявить объект оценки;

4.1.2.3. выявить точку отсчета;

4.1.2.4. выявить характер оценки.

5. Проанализировать порожденный совокупный смысл знака с позиции автора $\Sigma = (S^2 \rightarrow (S^1 + Pr)) = ?$

Планируемый результат – вербально изображенный вычисленный сложный образ-система «субъект наблюдения, коммуникации и оценки строит в своем сознании сообщение об участнике внешнего события путем приписывания ему специфицированного процессуального признака», подпадающий под исходное уравнение: $СемС_{предложения} = (S^2 \rightarrow (S^1 + Pr + O_d + O_i + Circ)) = \Sigma$.

6. Получить ответ.

7. Проверить точность и адекватность достигнутого теоретического понимания знака по системным параметрам – как множество элементов (форм объекта) вместе с совокупностью отношений между ними или их свойствами.

Все перечисленные этапы находятся в тесной органической связи между собой и при этом в реальном процессе научного познания могут проводиться не всегда в одной и той же последовательности.

В предложенной модели процесса понимания как решения задач фиксируются единые познавательные линии – стратегическая и тактическая, обусловленные методологическими и психологическими закономерностями восхождения в цикле научного познания. Все выходные данные в модели коррелируют с типами результатов, фиксируемых в теории познавательного отражения, поэтому ее можно отнести к правильному представлению хода когнитивного освоения текста. Процедуры идентификации, как отдельных компонентов, так и всей семантической ситуации строятся на основе сверки с эталонами языковой картины мира и «подсказки» со стороны физической картины мира. Процедуры верификации – на установлении связей между признаками абстрактных объектов (лексическими и грамматическими семами), образующими совокупности – концептуальные структуры разной величины путем применения правил соответствия, которые выступают в качестве описаний этих процедур. Они составляют содержание операциональных определений значимостных величин, фигурирующих в семантических уравнениях предлагаемой теории. Выводное знание получает закономерный характер, поскольку найденные формализмы и результаты повторяются неограниченное число раз при освоении любой предикативной единицы.

Выводное («чистое») знание, которое образует содержание вторичного текста, проистекает из вербального описания той ментальной системы знания о ситуации или совокупности ситуаций (признаковой или концептуальной конструкции), что лежит за словами и выражениями текста. Технология выявления систематики форм гносеологического объекта в форме ситуации на этапе чувственного познания позволяет отобразить историю (генезис) становления в формате первичной целостности образа ситуации или совокупности ситуаций; на этапе рационального отражения позволяет отобразить историю (генезис) развития целостности образа ситуации или совокупности ситуаций в пространственно-временных и социальных отношениях. Она предполагает разграничение предметных и событийных, полупред-

метных и полусобытийных ситуаций. Тем самым обеспечивается принципиальная возможность применения формата «СемС» $\rightarrow \sum \text{СемС} \rightarrow (S^2 \rightarrow (S^1 + \text{Pr})) \rightarrow \sum (S^2 \rightarrow (S^1 + \text{Pr}))$ в качестве конструктивной единицы ситуативного (пропозиционального) представления текста любого жанра и любой протяженности.

Развитие отражающего объект вторичного текста может начать осуществляться в разное время – в процессе восхождения одновременно с развитием образа, подведением своеобразного итога после подключения каждого нового извлеченного из значения признака, обращаемого в свойство объекта, то есть протоколно. Например: что это означает? какие имеются основания для данного утверждения? какую пользу можно извлечь из данного факта? какое следует заключение из этих посылок? почему следует (не следует).

Он может быть построен по завершении, достижении предела его конструирования, путем нисхождения. В таком случае процесс становления мысли об объекте, ее вербальное оформление может получить дополнительное доказательное упорядочение или композицию. Поиск доказательства направляется тремя основными вопросами: «ЧТО? ОТКУДА? КАК?»

ЧТО? – что доказывается? каково «доказываемое» представление (смысловое образование, образ), для которого мы ищем доказательство? как оно формулируется? все ли понятно в этой формулировке? нельзя ли иначе формулировать доказываемый образ? что «дано»? что «требуется доказать»? Необходимо обозреть все семантические условия, приведшие к образованию образа.

ОТКУДА? – откуда, из каких посылок следует доказываемое представление? из каких уже известных определений, ранее уже доказанных концептуальных образований можно «вывести» это предложение?

Поиск ответа на этот вопрос можно вести исходя из компонентов самого содержания образа ситуации или из моделирующего рассуждения, то есть в определенном смысле противоположными путями. Иначе говоря, двумя методами поиска доказательства: от целостной концептуальной структуры – проекции текста «объекты, атрибуты и связи» к тем ранее доказанным частичным смысловым образо-

ваниям, из которых оно выводится – «движение назад», и от уже установленных предложений данной области к новому доказываемому – «движение вперед».

КАК? – как доказываемое образование (предложение, суждение) получается из ранее установленных предложений данной теории (вторичного текста).

Под доказательством образа (целостной концептуальной структуры в формате «ситуация» или своеобразной «теоремы» T или «чистого» текста) предлагается понимать конечную последовательность предложений $(A_1, A_2, \dots, A_n)$, принадлежащих данной теории, которая удовлетворяет двум условиям: а) каждое предложение этой последовательности представляет собой или аксиому (системы), или определение, или ранее уже доказанную теорему, или допущение (условие доказываемой теоремы), или же получается из предшествующих предложений по одному из (допустимых) правил вывода и б) последнее предложение этой последовательности (A_n) есть предложение T .

Предложение T является теоремой, если для него может быть построено хотя бы одно доказательство, то есть найдена хотя бы одна последовательность предложений, удовлетворяющая условиям а) и б).

Правильность доказательства образа (относительности знания о нем) проверяется средствами традиционной формальной логики. Для этого следует, например: расчленив доказательство на умозаключения; каждое умозаключение построить по полной схеме; проверить наличие всех значимых (грамматических и лексических) посылок умозаключений среди ранее введенных определений понятий (категорий) и ранее доказанных семантических фактов; проверить правильность каждого умозаключения.

Благодаря следованию общенаучной системе идеалов и норм в процессе выявления причинно-следственных связей между способами извлечения, обработки, производства, фиксации, использования информации о возможном мире текста и языке представления этого знания в процессе понимания найдена такая последовательность форм порождаемого идеального объекта, которая отражает его развитие и проявляет наращивание (приращение) его свойств.

Последовательность форм порождения объектов обусловлена этапами рационалистического понимания – подготовительным, чувственного отражения, перехода от чувственного отражения к рациональному, рациональным; фазой генезиса образа: зарождения, становления, созревания, завершения. Диалектическая обработка форм объекта включает составление тезаурусов их обозначений (картотека дефиниций и синтаксических комплексов), обнаружение адекватных задаче информационных признаков, обследование выделенных признаков, составление единой иерархической системы диалектических моделей и создание текстового объяснения (теории, вторичного текста) целостного объекта, получаемого путем длинной цепи выводов.

Положительным ответом на поставленный вопрос стало признание следующих воззрений на природу ВТ:

1) ВТ в системе рационалистического понимания текста является собой логический язык, язык представления знаний в виде системы упорядоченных согласованных мыслей и соответствующих высказываний (логики высказываний);

2) он позволяет моделировать процесс логических выводов когнитивного субъекта на этапах чувственного и рационального познания (понимания);

3) он представляет тезисы, выраженные на естественном языке, в виде высказываний логики предикатов первого порядка (называет предметные переменные, возможными значениями которых являются предметы конструируемой предметной области «семантическая ситуация» = «объекты, атрибуты и связи»);

4) он является одним из закономерных способов (символическим неформализованным) кодирования генерируемых субъектом ситуативно обусловленных гносеологических образов наряду с аналоговым способом, независимо от пропозиционального объема текста;

5) смысловое содержание (познавательный образ) целостного текста конструируется посредством его системной, ситуативно обусловленной организации и в соответствии с качеством (перцептивным или рациональным) гносеологического образа;

6) он обеспечивает единое представление основных смысловых объектов текста в виде развертывающейся иерархической тернарной

концептуальной структуры «объекты, атрибуты и связи», построенной при помощи логического оператора системы;

7) он прост и унифицирован, ибо в одном и том же формате – высказывания позволяет описывать четыре вида знания: знания о языке (База Знания); знания, формирующие структуру возможного мира текста – об объектах, атрибутах и связях; знания, отсылающие к системе реального мира – к вещам, свойствам и отношениям; метазнания, использующие в качестве объектов знания в высказываниях, а это означает, что он имеет гибкую структуру как язык описания знаний;

8) он имеет мощный механизм обратных выводов или отождествление, поэтому знания, описанные на нем, уже оснащены функциями моделирования механизмов и процессов познания; обеспечивается не только дедукция, но и индукция, абдукция, импликация, аналогия, эвристика и другие выводы;

9) он однороден по своему происхождению и функционированию с экстралингвистическим знанием, относящимся к понимаемому тексту, с сопутствующими знаниями из других предметных областей: точных наук, семиотики, кибернетики, инженерии знаний, психологии;

10) он базируется на аксиомах системного анализа, на определенных правилах и формулах внутри данной логики;

11) исчисление высказываний можно задать, например, следующим способом:

Алфавит

не – отрицание;

& – конъюнкция

или – дизъюнкция;

→ - импликация (если p , то q);

( ) – скобки;

p, q, r – пропозициональные переменные.

Грамматика

1. Любая переменная есть правильно построенная из признаков (сем) формула.

2. Если A – правильно построенная формула, то $не-A$ тоже правильно построенная формула.

3. Если A и B – правильно построенные формулы, то $(A \ \& \ B)$, $(A$ или $B)$ и $(A \rightarrow B)$ тоже правильно построенные формулы.

Аксиомы

1. Система – множество элементов вместе с совокупностью отношений между этими элементами или между их свойствами.

2. $(p \rightarrow (q \rightarrow p))$.

3. $((p \rightarrow (q \rightarrow r)) \rightarrow (p \rightarrow q) \rightarrow (p \rightarrow r))$.

4. $(\text{не-не } p \rightarrow p)$.

Правила вывода

1. Если $A \rightarrow B$ и формула A выводима, то и B тоже выводимо (*modus ponens*).

2. Если имеется правильно построенная формула A , содержащая переменную p , то вместо всех вхождений p в A может быть подставлена любая формула B (правило подстановки);

12) его элементарным выражениям можно приписать значения истинности, основываясь лишь на сугубо лингвистических данных и др.

Проблема моделирования понимания и производства вторичного текста, фиксирующего его результат, относится к одной из наиболее перспективных областей исследования в лингвистике. Это связано с тем, что ее решение способствует выведению в фокус внимания исследователей необходимости не альтернативного, а симультанного восходящего и нисходящего направлений анализа текста и объективации разных форматов знания одновременно в двух ракурсах – когнитивном и дискурсивном. При всей трудности дифференциации процессов, имеющих место в понимании как рациональной деятельности, попризнакового построения объемных продуктов понимания, трудоемкости признакового подхода, он позволяет одновременно выявлять структуры знания, стоящие за определенными языковыми знаками, и обнаруживать, с помощью каких языковых форм эти форматы знания могут быть репрезентированы.

Дальнейшее исследование проблемы объективации продуктов лингвистического диалектического познания может идти по линии выявления типологии смысловых конфигураций в различных типах речемыслительных произведений и разработки теории и практики порождения осознаваемого, управляемого, контролируемого логиче-

ского текста. Автор выражает надежду, что выявленная лингвокогнитивная технология понимания методом «восхождения – нисхождения» будет служить также реальной основой сближения методологии обучения естественнонаучному и лингвистическому знанию и оперированию им.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абиева, Н. А. Когнитивные механизмы межсемиотического перевода / Н. А. Абиева // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. мат-лов 26-28 сентября 2006 г. ; отв. ред. Н. Н. Болдырев ; Федеральное агентство по образованию ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006.
2. Акимов, В. П. Компьютерная модель текущего сознания в системе «АВГУР» / В. П. Акимов, А. Н. Баранов, В. М. Сергеев // Исследования по когнитивным аспектам языка: труды по искусственному интеллекту. – Тарту : Издательство Тартуского университета, 1990. – Вып. 903.
3. Алексеев, П. В. Теория познания и диалектика / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М. : Высш. шк., 1991.
4. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2005.
5. Андерсон, Джон Р. Когнитивная психология / Р. Джон Андерсон. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2002.
6. Андреева, Е. С. Диалектика текста: понятийная сеть как логическая основа естественного языка / Е. С. Андреева. – 3-е изд., доп. – М. : МАКС Пресс, 2002.
7. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988.
8. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник-практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2003.
9. Базылев, В. Н. Общее языкознание : учеб. пособие / В. Н. Базылев. – М. : Гардарики, 2007. – 285 с.
10. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.
11. Баранов, А. Н. Структуры знаний и их языковая онтологизация в значении идиомы / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Исследования по когнитивным аспектам языка: труды по искусственному интеллекту. – Тарту : Издательство Тартуского университета, 1990. – Вып. 903.

12. Барт, Р. Нулевая степень письма / Р. Барт // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. – изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001.
13. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1980.
14. Белянин, В. П. Психолингвистика : учебник / В. П. Белянин. – М. : Флинта : Московский психолого-социальный институт, 2003.
15. Бирвиш, М. Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка / М. Бирвиш // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23.
16. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.
17. Богин, Г. И. Типология понимания текста : учеб. пособие / Г. И. Богин. – Калинин, 1986.
18. Болдырев, Н. Н. Прототипический подход : проблемы метода / Н. Н. Болдырев // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. мат-лов 26-28 сентября 2006 г. ; отв. ред. Н. Н. Болдырев ; Федеральное агентство по образованию ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006.
19. Большой энциклопедический словарь: Языкознание / гл. редактор В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000.
20. Бремон, К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа / К. Бремон // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. – изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001.
21. Бушуев, М. В. Блок анализа знаний в инструментальной экспертной системе Эксна / М. В. Бушуев, В. Н. Елкина, Н. Г. Загоруйко, Е. Н. Шемякина // Методы и системы искусственного интеллекта (вычислительные системы). – Вып. 145. – 1992.
22. Ван Дейк, Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. Ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23.

23. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. А. Ван Дейк ; сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989.
24. Виноград, Т. К процессуальному пониманию: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики семантики / Т. К. Виноград // Сборник статей. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.
25. Войтов, А. Г. Самоучитель мышления / А. Г. Войтов. – 4-е изд. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К⁰», 2006.
26. Войшвилло, Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ / Е. К. Войшвилло. – 2-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2007.
27. Выготский, Л. С. Психология развития человека /Л. С. Выготский. – М. : Изд-во Смысл, Изд-во Эксмо, 2006.
28. Высоков, И. Е. Прототипичность в семантическом контексте / И. Е. Высоков // Психологический журнал. – 1999. – Том 20. – № 3.
29. Гаазе-Рапопорт, М. Г. Имитация сказочного мира / М. Г. Гаазе-Рапопорт, Д. А. Поспелов, Е. Т. Семенова // Принципиальные вопросы теории знаний: труды по искусственному интеллекту. – Тарту : Издательство Тартуского университета, 1984.
30. Гаврилова, Т. А. Базы знаний интеллектуальных систем / Т. А. Гаврилова, В. Ф. Хорошевский. – СПб.; М., Харьков, Минск, 2001.
31. Gak, V. G. Essai de grammaire fonctionnelle du français: Première partie / V. G. Gak. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1974.
32. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения : Энциклопедия философских наук: Т. 1. часть первая : Логика / Г. В. Ф. Гегель. – Т. 1. – Ленинград, 1929.
33. Гил, Д. Знание грамматики, знание языка / Д. Гил // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2.
34. Голованова, Е. И. Возможности синтезирующего подхода к исследованию лексической категории / Е. И. Голованова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов. – 2004. - № 2/3.

35. Горячев, А. В. Практикум по информационным технологиям / А. В. Горячев, Ю. В. Шафрин. – М. : БИНОМ ЛЗ, 2002.
36. Гречко, В. А. Теория языкознания : учеб. пособие / В. А. Гречко. – М. : Высш. шк., 2003.
37. Григоренко, И. Н. Текст как пространство реализации смысла и когниции : дис. ... д-ра филол. наук / И. Н. Григоренко. – Краснодар, 2002.
38. Григорьева, В. С. Когнитивно-прагматические аспекты конструирования дискурса / В. С. Григорьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов. – 2007. – № 2.
39. Григорьева, В. С. Аргументативный дискурс в когнитивно-коммуникативном аспекте / В. С. Григорьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов. – 2008. – № 1.
40. Демьянков, В. З. Когниция и понимание текста / В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов. – 2005. – № 3.
41. Динсмор, Дж. Ментальные пространства с функциональной точки зрения / Дж. Динсмор // Язык и интеллект : сборник ; пер. с англ. и нем. / сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1995.
42. Дмитриевская, И. В. Логика: учеб. пособие / И. В. Дмитриевская. – М. : Флинта : МПСИ. 2006.
43. Ефимов, Е. И. Системы обоснования, основанные на знаниях / Е. И. Ефимов // Исследования по когнитивным аспектам языка : Труды по искусственному интеллекту / Уч. записки Тартуского ун-та. – Вып. 903. – Тарту : Тартуский университет, 1990.
44. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6.
45. Залевская, А. А. Значение слова и возможности его описания / А. А. Залевская // Языковое сознание : формирование и функционирование : сборник статей ; отв. ред. Н. В. Уфимцева. – 2-е изд. – М. : Институт языкознания РАН, 2000.

46. Залевская, А. А. Индивидуальное знание : специфика и принципы функционирования / А. А. Залевская. – Тверь : Изд-во ТГУ, 1992.

47. Залевская, А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию / А. А. Залевская // Языковое сознание и образ мира : сборник статей ; отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М. : Институт языкознания РАН, 2000.

48. Залевская, А. А. Некоторые проблемы теории понимания текста / А. А. Залевская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3.

49. Залевская, А. А. Проблема признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при межэтнических контактах / А. А. Залевская // Этнокультурная специфика языкового сознания : сб. ст. ; отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М. : Институт языкознания РАН, 2000.

50. Звегинцев, В. А. Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996.

51. Зинченко, Т. П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии / Т. П. Зинченко. – СПб. : Питер, 2002.

52. Знаков, В. В. Понимание в познании и общении / В. В. Знаков. – 2-е изд., испр. и доп. – Самара : Самарск. гос. пед. ун-т, 1998.

53. Золотова, Н. О. Идентификация незнакомого слова как необходимое звено познавательных процессов / Н. О. Золотова, Ю. В. Комарова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2008. – № 2.

54. Зубов, А. В. Информационные технологии в лингвистике : учеб. пособ. / А. В. Зубов, И. И. Зубова. – М. : Издательский центр «Академия», 2004.

55. Зубов, А. В. Основы искусственного интеллекта для лингвистов: учеб. пособ. / А. В. Зубов, И. И. Зубова – М. : Университетская книга ; Логос, 2007.

56. Ивин, А. А. Современная философия науки: А. А. Ивин / А. А. Ивин. – М. : Высш шк., 2005.

57. Ивин, А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998.

58. Ипполитова, Н. А. Текст в системе обучения русскому языку в школе : учебное пособие / Н. А. Ипполитова. – М. : Флинта. Наука, 1998.

59. Исенбаева, Г. И. Синтактико-семантические пределы функциональной синонимии : дис. ... канд. филол. наук / Г. И. Исенбаева. – М., 1985.

60. Исенбаева, Г. И. Об организации и содержании экспериментально-опытного обучения чтению на французском языке как средство формирования образного и логического мышления у учащихся гимназии / Г. И. Исенбаева, И. Г. Новикова // Вуз и школа. Научно-теоретический и методический журнал. – № 3. – Орск : Издательство Орского государственного педагогического института, 1998.

61. Исенбаева, Г. И. Создание вторичных лингвистических деятельности как условие результативности анализа художественного текста / Г. И. Исенбаева // Лингвистика текста. Тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции (26-27 марта 1998г.). – Орск: Издательство Орского государственного педагогического института, 1998.

62. Исенбаева, Г. И. Осознанность решения учебно-познавательных задач в процессе анализа литературно-художественного текста / Г. И. Исенбаева // Тезисы докладов внутривузовской научно-практической конференции (9 апреля 1998). – Орск: Издательство Орского государственного педагогического института, 1998.

63. Исенбаева, Г. И. Технология развития мышления и речи учащихся в процессе выявления содержательно-смысловой структуры текста / Г. И. Исенбаева, О. Ф. Бурдастова // Единство аксиологических основ культуры, филологии и педагогики. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Орск: Издательство ОГТИ, 2001.

64. Исенбаева, Г. И. Структурное представление технологии развития понятийного лингвистического знания, мышления и речи

студентов-филологов / Г. И. Исенбаева // Методология и методика формирования научных понятий у учащихся и студентов вузов. Тезисы докладов Республиканской VIII научно-практической конференции 14-16 мая 2001 г. – Часть 1. – Челябинск, 2001.

65. Исенбаева, Г. И. Понятие в системе средств обучения языку и мышлению / Г. И. Исенбаева // Учебная, научно-производственная и инновационная деятельность высшей школы в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Оренб. гос. ун-та. – Оренбург, 2001.

66. Исенбаева, Г. И. Показатели национального менталитета в синтактико-семантической сети художественного текста / Г. И. Исенбаева // Человек и общество. Материалы международной научно-практической конференции 15-17 ноября 2001 г. – Ч 3. – Оренбург, 2001.

67. Исенбаева, Г. И. Понимание как системный объект: предпосылки моделирования / Г. И. Исенбаева // Вестник Челябинского государственного университета : Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2007. – № 22. – Вып. 17.

68. Исенбаева, Г. И. Основы теории построения концептуального научного объекта «язык». Внешние и внутренние основания : монография / Г. И. Исенбаева. – Орск : Издательство ОГТИ, 2008.

69. Исследования по общей теории систем : сб. пер. / под ред. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М., 1969.

70. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация : учеб. пособие / О. Л. Каменская. – М. : Высш. шк., 1990.

71. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Едиториал УРСС, 2004.

72. Карманова, З. Я. Риторика и проблема интерпретации научно-технических текстов / З. Я. Карманова // Понимание и интерпретация текста. – Тверь : ТГУ, 1994.

73. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5.

74. Клепикова, Т. А. Типология лингвистических метарепрезентаций / Т. А. Клепикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 3.

75. Клычникова, З. И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке / З. И. Клычникова. – М., 1983.

76. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебное пособие / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000.

77. Кобрина, Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости / Н. А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов. – 2005. – № 3.

78. Когнитивная психология : учебник для вузов / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М. : ПЕР СЭ, 2002.

79. Койт, М., Ыйм, Х. Об одном подходе к моделированию процесса естественного рассуждения / М. Койт, Х. Ыйм // Исследования по когнитивным аспектам языка : Труды по искусственному интеллекту : уч. записки Тартуского ун-та. – Тарту : Тартуский университет, 1990. – Вып. 903.

80. Коршунов, А. М. Отражение, деятельность, познание / А. М. Коршунов. – М. : Политиздат, 1979.

81. Кравченко, А. В. Знак, значение, знание : очерк когнитивной философии языка / А. В. Кравченко. – Иркутск : Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001.

82. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.

83. Кривоносов, А. Т. К интеграции языкознания и логики (на материале причинно-следственных конструкций русского языка) / А. Т. Кривоносов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2.

84. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1.

85. Кубрякова, Е. С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека / Е. С. Кубрякова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. мат-лов 26-28 сентября 2006 года / отв. ред. Н. Н. Болдырев ; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006.

86. Кубрякова, Е. С. Введение / Е. С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке : Язык и порождение речи. – М. : Наука, 1991.

87. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2009. – № 1.

88. Лейчик, В. М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX-XXI веков / В. М. Лейчик // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сб. науч. тр. – М.; Рязань, 2007.

89. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 3-е изд., доп. – М. : Смысл, 2007.

90. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997.

91. Леонтьева, Н. Н. Автоматическое понимание текстов : системы, модели, ресурсы : учеб. пособие / Н. Н. Леонтьева. – М. : Издательский центр «Академия», 2006.

92. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2000.

93. Лукин, В. А. Художественный текст : основы лингвистической теории и элементы анализа : учеб. для филол. спец. вузов / В. А. Лукин. – М. : Издательство «Ось-89», 1999.

94. Максименко, С. Д. Генетическая психология : методологическая рефлексия проблем развития в психологии : монография / С. Д. Максименко. – М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000.

95. Методика преподавания математики в средней школе : общая методика / Ю. М. Колягин, В. А. Оганесян, В. Я. Саннинский, Г. Л. Луканкин. – М. : Просвещение, 1975.

96. Миронов, В. В. Онтология и теория познания : учебник / В. В. Миронов, А. В. Иванов. – М. : Гардарики, 2005.

97. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск, 1991.

98. Нестерова, Н. М. Текст перевода – текст вторичный? (к постановке и обоснованию проблемы) / Н. М. Нестерова // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001 : сб. статей / отв. ред. А. И. Новиков. – М. : Азбуковник, 2001.

99. Нефедова, Л. А. Когнитивные особенности перевода научно-технического текста / Л. А. Нефедова, И. Н. Ремхе // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2008. – № 2.

100. Новиков, А. И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста / А. И. Новиков // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001 : сборник статей / отв. ред. А. И. Новиков. – М. : «Азбуковник», 2001.

101. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М. : Наука, 1983.

102. Новиков, А. И. Смысл как особый способ членения мира в сознании / А. И. Новиков // Языковое сознание и образ мира : сборник статей ; отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М. : Институт языкознания РАН, 2000.

103. Павилёнис, Р. И. Проблема смысла : современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павилёнис. – М. : «Мысль», 1983.

104. Папина, А. Ф. Текст : его единицы и глобальные категории: учебник для студентов-журналистов и филологов / А. Ф. Папина. – М. : Едиториал УРСС, 2002.

105. Папковская, П. Я. Методология научных исследований: Курс лекций / П. Я. Папковская. – Мн. : ООО «Информпресс», 2002.

106. Перегудов, Ф. И. Введение в системный анализ / Ф. И. Перегудов, Ф. П. Тарасенко. – М. : «Высшая школа», 1989.

107. Петров, В. В. На пути к когнитивной модели языка / В. В. Петров и В. И. Герасимов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. XXIII.

108. Петров, Ю. А. Общая методология мышления / Ю. А. Петров, А. А. Захаров. – М. : Компания Спутник +, 2001.

109. Петрова, Т. Е. Особенности построения текста в аспекте функциональной асимметрии мозга : дис. ... канд. филол. наук / Т. Е. Петрова. – СПб, 2000.

110. Пиаже, Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение / Ж. Пиаже // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001.

111. Пирс, Ч. С. Из работы «Элементы логики. Grammatica speculativa» / Ч. С. Пирс // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001.

112. Плотников, А. М. Сущность суждения и его строение / А. М. Плотников // Формальная логика. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.

113. Попова, З. Д. От теории психолингвистики к методологии когнитивной лингвистики / З. Д. Попова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. мат-лов 26-28 сентября 2006 года / отв. ред. Н. Н. Болдырев ; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006.

114. Попова, З. Д. Семиотические аспекты когнитивной лингвистики / З. Д. Попова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2006. – № 2.

115. Попова, З. Д. Общее языкознание : учебн. пособ. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд., пераб. и доп. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007.

116. Пospelов, Г. С. Системный анализ и искусственный интеллект / Г. С. Пospelов. – М. : Вычислительный центр Академии наук СССР, 1980.

117. Пospelов, Д. А. Моделирование рассуждений. Опыт анализа мыслительных актов / Д. А. Пospelов. – М. : Радио и связь, 1989.

118. Почепцов, Г. Г. Русская семиотика / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 2001.

119. Представление и использование знаний : пер. с япон. / под ред. Х. Уэно, М. Исидзука. – М. : Мир, 1989.

120. Приобретение знаний / под ред. С. Осуги; Ю. Саэки. – М. : Мир, 1990.

121. Рафикова, Н. В. Опорные элементы понимания текста / Н. В. Рафикова // Психолингвистические исследования: слово и текст : сб. науч. трудов. – Тверь, Тверской госуниверситет, 1995.

122. Рафикова, Н. В. Влияние внутреннего контекста на понимание слова и текста : обзор моделей понимания / Н. В. Рафикова // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. – Тверь : Тверской госуниверситет, 1998.

123. Рафикова, Н. В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста : монография / Н. В. Рафикова. – Тверь : Тверской госуниверситет, 1999.

124. Ришар, Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений / Ж. Ф. Ришар. – М. : Издательство «Институт психологии РАН», 1998.

125. Рогожникова, Т. М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. М. Рогожникова. – Уфа, 2000.

126. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003.

127. Сахарный, Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л. В. Сахарный // Человеческий фактор в языке : язык и порождение речи. – М. : Наука, 1991.

128. Серио, П. Анализ дискурса во французской школе [Дискурс и интердискурс] / П. Серио // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001.

129. Серкин, В. П. Методы психосемантики : учеб. пособие / В. П. Серкин. – М. : Аспект Пресс, 2004.

130. Степанов, Ю. С. Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001.

131. Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Ю. С. Степанов ; под ред. д-ра филол. наук Ю. Н. Караулова. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2002.
132. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – М. : Едиториал УРСС, 2003.
133. Степин, В. С. Философия науки. Общие проблемы : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В. С. Степин. – М. : Гардарики, 2007.
134. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Р. Л. Солсо. – М. : Тривола, 1996.
135. Сунцова, Н. Л. Лингвистическая модель порождения вторичного текста : автореф. дис... канд. наук / Н. Л. Сунцова. – М., 1995.
136. Суперанская, А. В., Подольская, Н. В., Васильева, Н. В. Общая терминология : Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева ; отв. ред. Т. Л. Канделаки. – 4-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2007.
137. Тишкова, Е. В. Значение, смысл, понятие, концепт / Е. В. Тишкова // Реферативный журнал «Языкознание». – 2003. – № 2.
138. Тодоров, Ц. Семиотика литературы / Ц. Тодоров // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001.
139. Филмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII.
140. Формальная логика / под ред. И. Я. Чупахина и И. Н. Бродского. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1977.
141. Фрумкина, Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике / Р. М. Фрумкина // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2.
142. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления : пер. с нем. / М. Хайдеггер – М. : Республика, 1993. – (Мыслители XX в.).

143. Худяков, А. А. Когнитивная лингвистика и искусственный интеллект: результаты и тенденции взаимодействия / А. А. Худяков, Е. М. Чухарев // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2004. – № 2-3.

144. Чейф, У. Память и вербализация прошлого опыта / У. Чейф // Аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики : сборник статей. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.

145. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1991.

146. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста и когнитивная лингвистика, или когда анализ текста становится анализом дискурса / В. Е. Чернявская // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сборник научных трудов. – Москва; Рязань, 2007. – Вып. 5.

147. Чесноков, П. В. Об отношении между речевым и мыслительным процессами с точки зрения единства языка и мышления / П. В. Чесноков // Синтаксическая семантика и прагматика : межвузовский тематический сборник. – Калинин : Калининский государственный университет, 1982.

148. Чугунова, С. А. Образ ситуации как медиатор процессов понимания художественного текста: дис. ... канд. филол. наук / С. А. Чугунова. – Тверь, 2001.

149. Шамис, А. Л. Поведение, восприятие, мышление: проблемы создания искусственного интеллекта / А. Л. Шамис. – М. : Эдиториал УРСС, 2005.

150. Шафрин, Ю. А. Информационные технологии. В 2 ч. Ч. 1. Основы информатики и информационных технологий / Ю. А. Шафрин. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003.

151. Шевченко, Н. В. Основы лингвистики текста : учеб. пособие / Н. В. Шевченко. – М. : Приор-издат, 2003.

152. Шкатова, Л. А. Семантические и ономаσιологические категории / Л. А. Шкатова // Семантические категории языка и методы их изучения. – Уфа : БашГУ, 1985.

153. Шенк, Р. Обработка концептуальной информации / Р. Шенк. – М. : Энергия, 1980.

154. Щедровицкий, Г. Педагогика и логика / Г. Щедровицкий, В. Розин, Н. Алексеев, Н. Непомнящая. – М. : Касталь, 1993.
155. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М. : Шк. культ. политики, 1995.
156. Щедровицкий, Г. П. Философия. Наука. Методология / Г. П. Щедровицкий. – М. : Шк. культ. политики, 1997.
157. Юртаев, С. В. Анализ создания текста в письменной речи учащихся : монография / С. В. Юртаев. – М. : МПГУ, 2002.
158. Юртаев, С. В. Конструирование текста учащимися : монография / С. В. Юртаев. – М. : МПГУ, 2002.
159. Язык и структуры представления знаний : сб-к научно-аналитических обзоров. – М., 1992.
160. Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001.
161. Adam, J.-M. *Eléments de linguistique textuelle*. – Bruxelles, 1990.
162. Adam, J.-M. *Les textes : types et prototypes*. – P., 1992.
163. Adam, J.-M. *Linguistique textuelle. Des genres des discours aux textes*. – P., 1999.
164. Altmann, G. T. M. *Cognitive models of speech processing: An introduction* / G. T. M. Altmann // *Cognitive models of speech processing*. – Cambridge, 1990.
165. Anscombre, J. -C. et Ducrot, O. *L'argumentation dans la langue* / J. -C. Anscombre et O. Ducrot // *Langages*. – 1976. – № 42.
166. Anscombre, J. -C. *Regards sur la sémantique française contemporaine* / J. -C. Anscombre // *Langages*. – 1998. – № 129.
167. Barthes, R. *La linguistique du discours* / *Signe. Langage. Culture*. The Hague / R. Barthes. – P., 1970.
168. Benveniste, T. *Problèmes de linguistique générale* / T. Benveniste. – P., 1966 (I); 1974 (II).
169. Bourquet, S. *Multiplicité et unicité d'un objet empirique* / S. Bourquet // *Langages*. – 1998. – № 129.

170. Bouveret, Al. La grammaire générative entre comparatisme et cognition / Al. Bouveret, Ph. Schlenker // *Langages*. – 1998. – № 129.
171. Brassac, Ch. L'interaction communicative entre intersubjectivité et interagentivité / Ch. Brassac // *Langages*. – 2001. – № 144.
172. Bremond, C. Le rôle d' influenceur / C. Bremond // *Communications*. – 1970. – № 16.
173. Brunot, F. La pensée et la langue / F. Brunot. – P., 1965.
174. Buysens, E. Les catégories grammaticales du Français / E. Buysens. – Bruxelles, 1975.
175. Caré, J. M. Le point de vue de la sémiotique: Entretien avec Denis Bertrand / J. M. Caré // *Le français dans le monde*. – 1989. – Numéro spécial: Recherches et applications. Apprendre les langues étrangères autrement.
176. Chiss, J.-L., Présentation / J.-L. Chiss, Chr.. Puech // *Langue française*. – 1998. – № 117.
177. Coquet, J.-C. Le discours et son sujet. Essai de grammaire modale / J.-C. Coquet. – P., 1984.
178. Cordier, F. Typicalité et représentation cognitive / F. Cordier, J. Dubois // *Cahiers de psychologie cognitive*. – P., 1981. – № 1.
179. Culioli, A. Pour une linguistique de l'énonciation: Opérations et représentations / A. Culioli. – P., 1990.
180. Declès, J.-P. Langage, cognition et textes / J.-P. Declès, J.-Ch. Soh, I.-D. Dongdaemun. – P., 1996.
181. Denis, M. Modèles et concepts pour la science cognitive. Hommage à J.-F. Le Ny / M. Denis, G. Sabah. – Grenoble, 1993.
182. Ducrot, O. Les Echelles argumentatives / O. Ducrot. – P., 1980.
183. Ducrot, O. Les mots du discours / O. Ducrot. – P., 1980.
184. Ducrot, O. Logique, structure, énonciation / O. Ducrot. – P., 1989.
185. Galichet, G. Grammaire structurale du français moderne / G. Galichet. – P., 1970.
186. Galisson, R. –P. Analyse sémique / R. – P. Galisson. – P., 1973.
187. Galmiche, M. Sémantique generative / M. Galmiche. – P., 1975.

188. Galmiche, M. Sémantique linguistique et logique. Un exemple de la théorie de R. Montague / M. Galmiche. – P., 1991.
189. Ganier, F. Discours procédural et activités mentales: de la compréhension d' instructions complexes à la planification de l'action / F. Ganier, J.-E. Gombert, M. Fayol // Langages. – 2001. – № 141.
190. Genouvrier, E. Linguistique et enseignement du français / E. Genouvrier, J. Peytard. – P., 1970.
191. Greimas, F.-J. Sémantique structurale / F.-J. Greimas. – P., 1966.
192. Grice, H. P. Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics : Speech acts. – New York, 1975.
193. Gross, M. Méthode en syntaxe. Régime des constructions complétives / M. Gross . – P., 1975.
194. Gross, M. Les bases empiriques de la notion de prédicat sémantique // Langages / M. Gross . – 1981. – № 63.
195. Guillaume, G. Temps et verbe / G. Guillaume. – P., 1929.
196. Guilford, J.-P. Cognitive style: What are they? // Education and psychology / J.-P. Guilford. – 1980. – Vol. 40. – № 3.
197. Jakobson, R. Essais de linguistique générale / R. Jakobson. – P., 1963.
198. Kerbrat-Orecchioni, C. L'énonciation. De la subjectivité dans le langage / C. Kerbrat-Orecchioni. – P., 1997.
199. Kiefer, F. Essais de sémantique générale / F. Kiefer. – P., 1974.
200. Kleiber, G. La sémantique du prototype / G.. – P. Kleiber, 1990.
201. Lameyère, X. L'imagerie mentale / X. Lameyère. – P., 1993
202. Langages. Formes syntaxiques et prédicats sémantiques / Langages. – P., 1981.
203. Langage, cognition et textes. – P., 1996.
204. Le Ny, J.-F. Science cognitive et compréhension du langage / J.-F. Le Ny. – P., 1989.
205. Leyens, S.-P. L'ère de la cognition / S.-P. Leyens, J.-L. Beauvois. – Grenoble, 1997.
206. Lyons, J. Sémantique linguistique / J. Lyons. – P., 1980.

207. Lundquist, L. Le factum textus: fait de grammaire, fait de linguistique ou fait de cognition? / L. Lundquist // *Langue française*. – 1999. – № 121.
208. Martinet, A. *Éléments de linguistique générale* / A. Martinet. – P., 1969.
209. Malmberg, B. *Signes et symbols: Les bases du langage humain* / B. Malmberg . – P., 1977.
210. Metzing, D. W. *Frame Conceptions and Text Understanding* / D. W. Metzing. – Berlin, 1980.
211. Mounin, G. *La linguistique* / G. Mounin. – P., 1975.
212. Neisser, U. *Cognition and reality: Principes and implication of cognitive psychology* / U. Neisser. – San Frascisco, 1976.
213. Pêcheux, M. *Analyse automatique des discours* / M. Pêcheux. – P., 1969.
214. Petzold, M. *Kognitive Stile: Definitionen, Klassifikationen und Relevanz eines psychologischen Konstrukts aus wissenschaftshistorischen Sicht* / M. Petzold // *Psychologie Erziehung, Unterricht*. – 1985. – Bd. 32.
215. Pottier, B. *Présentation de la linguistique. Fondements d'une théorie* / B. Pottier. – P., 1967.
216. Pottier, B. *Théorie et Analyse en Linguistique* / B. Pottier. – P., 1992.
217. Pottier, B. *Sémantique des représentations mentales: Topodynamique cognitive* / B. Pottier. – P., 1995.
218. Provost-Chauveau, G. *Problèmes théoriques et méthodologiques en analyse du discours* // *Langue française* / G. Provost-Chauveau. – 1971. – № 9.
219. Rastier, Fr. *Le problème épistémologique du contexte et le statut de l'interprétation dans les sciences du langage* / Fr. Rastier // *Langages*. – 1998. – № 129.
220. Rastier, Fr. *Sens et textualité* / Fr. Rastier. – P., 1989.
221. Richard, J.-P. *Littérature et sensation* / J.-P. Richard. – P., 1954.
222. Richelle, M. *Les cognitivisme: Progrès regression où suicide de la psychologie* / M. Richelle // *Comportement, cognition, conscience*. – P., 1987.

223. Rickheit, G. Grundlagen der Kognitiven Sprachverarbeitung, Modelle, Methoden, Ergebnisse / G. Rickheit, H. Strohner. – Tübingen, 1993.
224. Rouveret, A. La grammaire générative entre comparatisme et cognition / A. Rouveret, Ph. Schlenker // *Langages*. – 1998. – № 129.
225. Salinas, A. Traduction automatique des langues et modélisations des interactions langagières / A. Salinas // *Langages*. – 2001. – № 144.
226. Sciences de la cognition. – P., 1991.
227. Searle, J. Sens et expression / J. Searle. – P., 1982.
228. Sémiotique narrative et textuelle. – P., 1974.
229. Schogt, H. G. Synonymie et sygne linguistique / H. G. Schogt // *La linguistique*. – V. 8. – 1972. – № 2.
230. Schwarz, M. Einführung in die Kognitive Linguistik / M. Schwarz. – Tübingen, 1992.
231. Sharon, A. B. ABC de la parole facile / Traduit de l'américain par Anne-Marie Meunier / A. B. Sharon. – P.: Édition du Club France Loisirs, 1986. – 160 p.
232. Thierry, Y. Sens et langage / Y. Thierry. – Bruxelles, 1983.
233. Tesnière, L. Éléments de syntaxe structurale / L. Tesnière. – P., 3-e éd., 1976
234. Trognon, A., Coulon, D. La modélisation des raisonnements générés dans les interlocutions / A. Trognon // *Langages*. – 2001. – № 144.
235. Ungerer, F. An introduction to cognitive linguistics / F. Ungerer, H.-J. Schmid. – London; New-York: Longman, 1996.
236. Vignaux, G. Les sciences cognitives: Une introduction / G. Vignaux. – P., 1991.
237. Vion, R. Sémantique et modèle structural / R. Vion // *Linguistique*. – V. 15. – 1979. – № 2.
238. Vion, R. La communication verbale. Analyse des interactions / R. Vion. – P., 1992.
239. Vivier, J. Introduction: la psycholinguistique au secours de l'informatique / J. Vivier // *Langages*. – 2001. – № 144.
240. Whitney, P. On babies bath water and schemata: A reconstruction of top-down processes in comprehension / P. Whitney, D. Budd, R. S. Bramucci & R. Crane // *Discourse Processes*. – Vol. 20. – 1995. – № 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Achard, Marcel. Jean de la Lune. Malborough s'en va-t' -en guerre. Le Corsaire / M. Achard. – P., 1970. – 248 p.
2. Achard, Maurice. Vous avez dit Godard? ou Je m'appelle pas Godard / M. Achard. – Ed. Libres : Hallier, 1980. – 169 p.
3. Aragon, L. Le mouton // Современная французская новелла XX века: сборник / L. Aragon / сост. Т. Балашова, В. Балашов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 86-98.
4. Arland, M. Une soirée d' août // Современная французская новелла XX века: сборник / M. Arland / сост. Т. Балашова, В. Балашов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 99-113.
5. Audouard, Y. Coccagne / Y. Audouard. – P., 1959. – 190 p.
6. Aumone, J. – P. Il fait beau...mais ne le répétez pas / J. Aumone. – P. : Lattès, 1980. – 259 p.
7. Аумэ, М. Clérambard / М. Аумэ. – P. : Grasset, 1958. – 180 p.
8. Аумэ, М. En arrière / М. Аумэ // Современная французская новелла XX века: Сборник / Сост. Т. Балашова, В. Балашов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 149-157.
9. Avril, N. La digrâce / N. Avril. – P. : Michel, 1981. – 282 p.
10. Bataille, M. L'arbre de Noël : Roman / M. Bataille. – P. : Julliard, 1967. – 280 p.
11. Bataille, M. Les sacrileges : Roman / M. Bataille. – P. : Julliard, 1980. – 285 p.
12. Baudouy, M.-A. Le garçon du bord de l'eau / M.-A. Baudouy. – P. : Gembloux-Duculot, 1979. – 150 p.
13. Bazin, H. Il n'arrive jamais rien / H. Bazin // Современная французская новелла XX века: сборник / сост. Т. Балашова, В. Балашов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 205-217.
14. Besson, P. Lettre à un ami perdu : Roman / P. Besson. – P. : Ed. du Seuil, 1980. – 155 p.
15. Bordier, R. Le jour et la nuit / R. Bordier // Современная французская новелла XX века: сборник / сост. Т. Балашова, В. Балашов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 403-410.

16. Boulanger, D. Prince en location / D. Boulanger // Современная французская новелла XX века: сборник / сост. Т. Балашова, В. Балашов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 386-389.
17. Bud, R. Paul et Agnès Gamma : Roman / R. Bud et Agnès Gamma . – P. : Gallimard, 1980. – 160 p.
18. Butor, M. Les incertitudes de Psyché / M. Butor // Современная французская новелла XX века: сборник / сост. Т. Балашова, В. Балашов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 413-415.
19. Camus, A. Les muets / A. Camus // Современная французская новелла XX века: Сборник / Сост. Т. Балашова, В. Балашов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 243-255.
20. Chaland, P. Maman-veuve : Roman / P. Chaland. – P. : Laffont, 1980. – 196 p.
21. Clavel, B. La saison des loups / B. Clavel. – P. : Laffont, 1976, Прогресс, 1978. – 286 p.
22. Clavel, B. L'hercule sur la place / B. Clavel. – P., 1979. – 311 p.
23. Conteurs français du XX –e siècle: 1945-1977. – Moscou : Edition du Progrès, 1981. – 493 p.
24. Curtis, J.-L. Un jeune couple / J.-L. Curtis. – P. : Julliard, 1967. – 249 p.
25. Dorin, F. Le tube / F. Dorin. – P. : Flammarion, 1965. – 186 p.
26. Dhôtel, A. Un soir / A. Dhôtel // Современная французская новелла XX века: сборник / сост. Т. Балашова, В. Балашов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 125-140.
27. Druon, M. Patrouille de nuit / M. Druon // Современная французская новелла XX века: сборник / сост. Т. Балашова, В. Балашов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 318-322.
28. Exbrayat, Ch. La lumière du matin : Roman / Ch. Exbrayat. – P. : Michel, 1981. – 320 p.
29. Fallet, R. La soupe aux choux : Roman / R. Fallet. – P. : Denoël, 1980. – 236 p.
30. Французская литературная сказка (XII – XX) : сборник / сост. М. В. Разумовская. – М. : Радуга, 1983. – На франц. яз. – 648 с.

31. Mallet – Joris F. *La chambre rouge* / F. Mallet – Joris. – P. : Julliard, 1955. – 508 p.
32. Merle, R. *Paris, ma bonne ville: Roman* / R. Merle. – P. : Plon, 1980. – 521 p.
33. Perrault, Ch. *Le Petit Chaperon rouge* / Ch. Perrault // *Il était une fois... Contes littéraires français XII- XX –èmes siècles*. – Moscou: Edition “Radouga”, 1983. – 648 с.
34. Robbe-Grillet, A. *Scène* / A. Robbe-Grillet // *Современная французская новелла XX века: сборник / сост. Т. Балашова, В. Балашов*. – М. : Прогресс, 1981. – С. 390-394.
35. Roblès, E. *Saison violente : Roman* / E. Roblès . – P. : Ed. du Seuil, 1974. – 181 p.
36. Rochefort, Ch. *Printemps au parking : Roman* / Ch. Rochefort. – P. : Grasset, 1969. – 270 p.
37. Sagan, F. *Dans un mois, dans un an : Roman* / F. Sagan. – P. : Julliard, 1965. – 184 p.
38. Sagan, F. *Les fougères bleus. Les yeux de soie* / F. Sagan. – P. : Flammarion, 1975. – 231 p.
39. Saint-Exupéry, A. de. *Citadelle* / A. de Saint-Exupéry. – P. : Gallimard, 1968. – 635 p.
40. Saint-Laurent, C. *La bourgeoise : Roman* / C. Saint-Laurent. – P. : Flammarion, 1975. – 339 p.
41. Troyat, H. *Viou: Roman* / H. Troyat. – P. : Flammarion, 1980. – 211 p.

Учебное издание

Галина Ивановна Исенбаева

**МЕТОДОЛОГИЯ ПОРОЖДЕНИЯ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА:
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Монография

Ведущий редактор
Т. И. Никитина

Старший корректор
М. А. Сухарева

Технический редактор
Г. А. Чумак

Подписано в печать 20.01.2009 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 20,7.
Тираж 500 экз. Заказ _____.

**Издательство Орского гуманитарно-технологического института
(филиала) Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»**

462403, г. Орск Оренбургской обл., пр. Мира, 15 А